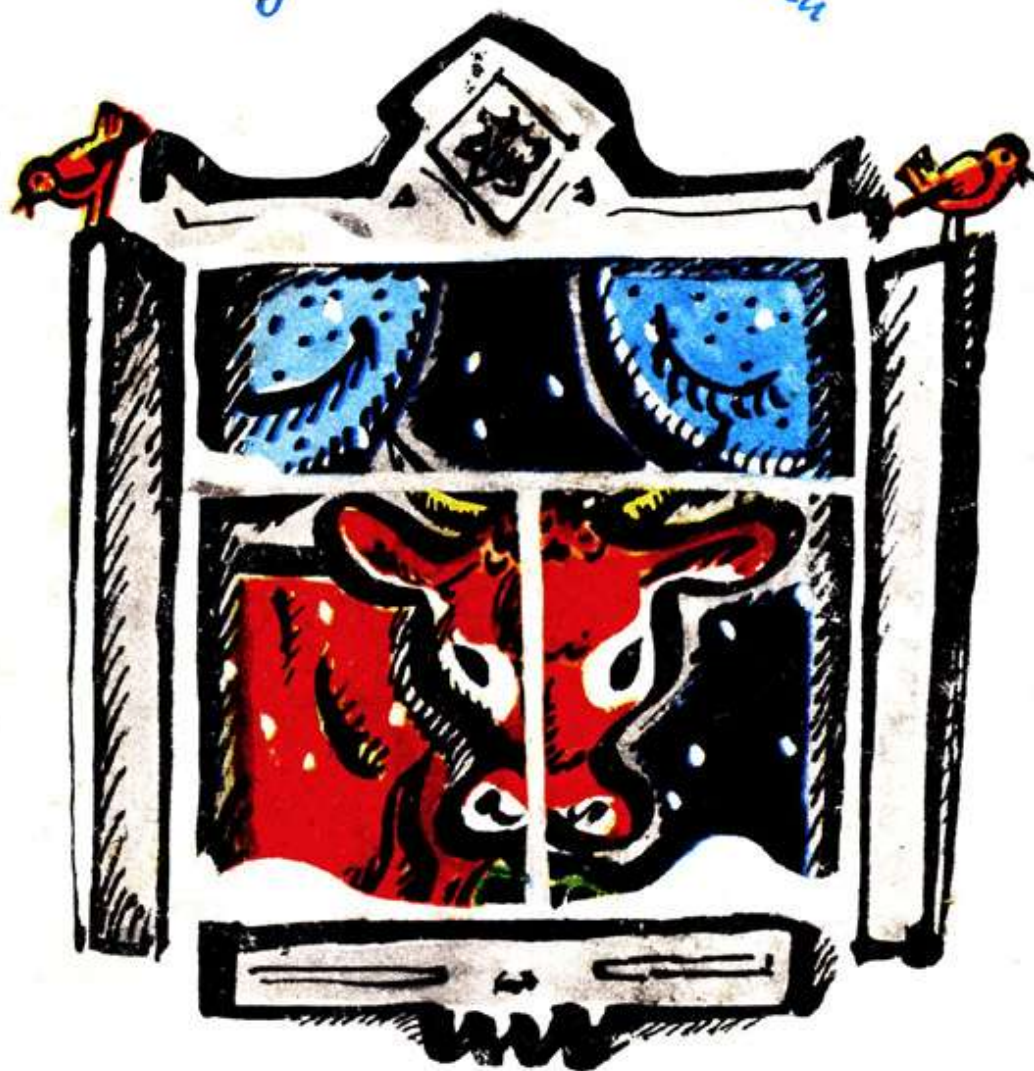

Анне-Катрине Вестли

ПАПА,
МАМА,
БАБУШКА
и
ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ В ЛЕСУ

Линне-Катрине Вестни

Издательство
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1965

ПАПА, МАМА, БАБУШКА И ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ В ЛЕСУ

МОРТЕН ДЕЛАЕТ ОТКРЫТИЕ

Если ты когда-нибудь пойдёшь через лес, окружающий большой город, и увидишь там на маленькой полянке серый домик и густую берёзу, то знай — это как раз и есть тот самый дом, в который переехали папа, мама, бабушка и восемь детей.

В доме, куда переехали папа, мама и восемь детей, было два этажа. Внизу находилась большая кухня, маленькая гостиная и ещё одна совсем крохотная каморка. Эту каморку заняла бабушка, потому что ей трудно было подниматься по лестнице. Наверху одну комнату заняли девочки — Марен, Марта, Мона, Милли и Мина, другую мальчики — Мартин, Мадс и Мортен, а третью, самую маленькую, — папа и мама. Самоварная Труба устроилась на кухне в пустом бочонке, что лежал возле плиты.

Лесной дом с некоторой тревогой присматривался к новым обитателям: старые дома вообще не любят перемен. До сих пор здесь царили тишина и покой, а теперь, конечно, будет шумно и суматошно... Но не это беспокоило дом в лесу. Он даже соскучился по детским голосам и беззаботному смеху. Сейчас он думал вот о чём: а будет ли мир и согласие в этой огромной и шумной семье? Ведь больше всего на свете дома не любят, чтобы в них жили недобрые, ленивые или сварливые люди.

Когда расставили по местам все кровати, вдруг обнаружилось, что не хватает кровати для бабушки.

Значит, прежде всего папа должен был смастерить бабушке кровать.

Папа сел за руль, поехал в город и привёз доски, планки и сетку. Он мастерила кровать в деревянном сарае, потому что стояла зима и работать на улице было слишком холодно.

Пока папа столярничал, дети носились по лестнице, по гостиной, по кухне и даже по крохотной бабушкиной каморке — словом, по всему дому. Вот где было замечательно играть в прятки! Наконец у мамы лопнуло терпение, и она выгнала их играть на улицу.

На улице, конечно, было ещё лучше.

— Весь этот снег наш! — закричала Мона.

— Наш дом и наш снег! — подхватила Мина.

— Давайте построим снежный дом! А вечером зажжём в нём свечу! — предложил Мартин.

Все занялись постройкой дома, и никто не обращал внимания на Мортена, чему он, по правде сказать, был очень рад.

Как хорошо, когда никто не обращает на тебя внимания и не следит за каждым твоим шагом!

Мортену очень хотелось осмотреть всё кругом. Сначала он заглянул в маленький домик, на двери которого было вырезано сердце, потом остановился в дверях сарая, наблюдая, как папа столярничает.

Папа не замечал его, и он пошёл дальше. В снегу была протоптана узенькая тропинка, и Мортену захотелось узнать, куда она ведёт.

Он шёл и шёл по тропинке, пока не увидел какой-то странный маленький домик, сколоченный из досок. Сверху на домике была дверца. Что бы это могло быть?

Мортен подошёл к домику:

— Домик, домик, кто в тебе живёт?

Домик молчал, и Мортену пришлось повторить свой вопрос. Но домик опять не удостоил его ответом. Он считал, что Мортену ещё очень мало лет, и не желал с ним разговаривать. Мортен рассердился и схватился за дверцу. Дверца оказалась просто крышкой, и к тому же не особенно тяжёлой. Мортен поднатужился и поднял крышку. Глубоко внизу он увидел воду! А воду Мортен любил больше всего на свете.

Прошлым летом, когда папа, мама и восемь детей ездили на грузовике на взморье, всем по очереди приходилось караулить Мортена, чтобы он один не убежал к морю.

Вы, наверно, уже догадались, что за домик увидел Мортен? Это был колодец. Мортен свесился так низко, что чуть не свалился прямо в воду. Он хотел выпрямиться, но не смог. Согнувшись пополам, он повис на краю колодца и закричал.

Это-то он хорошо сделал. Его крик услышал Мадс, который вместе со всеми детьми строил снежный дом.

«Чего это Мортен кричит? — подумал Мадс. — Надо показать ему наш снежный дом». Он посмотрел по сторонам и вдруг увидел Мортена, свесившегося в колодец.

Мадс от испуга не мог произнести ни слова. Он со всех ног бросился к колодцу и схватил Мортена за ногу, а потом и сам закричал, да так, что его крик по всему лесу разнёсся.

На крик прибежал папа и вытащил Мортена из колодца. Мортен заплакал. Слезы градом катились у него по щекам; все молча смотрели на него, а папа тихонько покачивал его в своих объятиях.

— Если в лесу жить так опасно, давайте лучше переедем обратно в город, — сказала Мона.

— Переезжать не надо, — успокоил её папа. — Просто я не успел сразу обо всём подумать. Спасибо, Мадс! Иди домой, успокойся, а мама возьмёт Мортена и уложит его в постель. Придётся бабушке эту ночь поспать на скамье — я должен срочно сделать одно очень важное дело.

— Ничего, мы уложим Мортена в большом ящике комода, он в нём прекрасно поместится, а бабушка сегодня поспит на его кровати, — сказала мама. Она прижала Мортена к груди, и мало-помалу он утих.

Папа снова начал работать, но уже не в сарае, а на улице. В доме было слышно, как он что-то пилил, стучал молотком и снова пилил. Когда на улице стемнело, маме пришлось выйти и светить ему карманным фонариком.

Наутро дети увидели, что над колодцем стоит новый домик, с новой прочной крышкой и на крышке висит замок. А ключ от замка папа положил к себе в карман. Теперь уже никто из детей ни нарочно, ни случайно не мог открыть крышку и заглянуть в колодец.

СКВОЗНЯК

Папа, мама, бабушка, восемь детей и Самоварная Труба уже больше недели жили в новом доме. Они привыкли к нему, и им казалось, что они уже давно-давно живут в нём. Но сколько каждый день случалось неожиданностей!

Однажды Мортен придумал новую игру. Он обнаружил, что в стенах между брёвнами торчит олений мох. И в кухне, и в гостиной, и в бабушкиной каморке. Все были заняты своими делами, а Мортен ходил из комнаты в комнату и вытаскивал из щелей мох. Иногда ему приходилось становиться на скамейку, чтобы дотянуться до самых высоких щелей. Весь мох он аккуратно складывал в свой ящик для игрушек. У Мортена появилась тайна, он был очень горд этим и работал с необыкновенным усердием. Мортен не понимал, как это другие могут без умолку трещать за работой. Он работал молча и потому успел сделать очень много.

Вдруг мама сказала:

— Мона, затвори, пожалуйста, дверь — ужасно дует.

— А дверь затворена.

— Неужели? Странно...

Прошло некоторое время, и мама снова попросила:

— Мадс, проверь, пожалуйста, хорошо ли закрыто окно. Мне кажется, что у нас стало очень холодно.

Мадс подошёл к окну и сказал, что оно закрыто как следует.

— Но мне тоже почему-то холодно, — удивился он.

— Может быть, нам это только кажется? — сказала мама и с ещё большим усердием принялась за штопку.

«Я согреюсь, если буду работать быстрее», — думала она. Но ей всё равно было холодно, и она решила, что заболела и её знобит.

Но когда мама посмотрела на детей, она увидела, что холодно не ей одной. Мона сидела, спрятав руки в рукава свитера, Марта съёжилась, и кончик носа у неё покраснел, а у Марен волосы разлетались так, как будто она стояла на ветру.

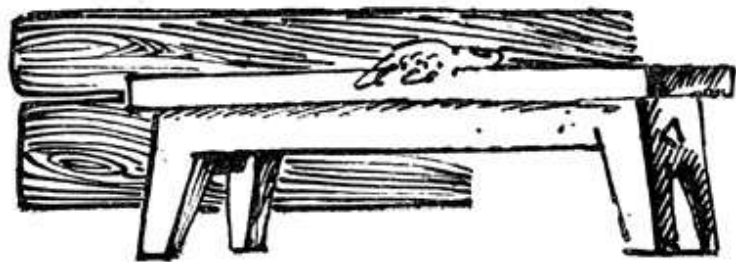
— Может, печка погасла? — спросила мама. — Марен, будь добра, посмотри, есть ли в ней дрова!

Марен открыла дверцу печки, и все с удивлением увидели, что в печке весело пылает огонь. Дрова потрескивали, и печка довольно гудела.

— Ничего не понимаю, — сказала мама. — Посмотрите на волосы Марен. Можно подумать, что у нас по кухне гуляет северный ветер.

При этих словах папа очнулся. Сначала он сидел и читал газету, но потом задремал, тихонько покачиваясь в качалке.

— О чём это вы говорите? — спросил он. — Вам что, холодно? Может, вы ещё скажете, что у нас дом холодный? Ничего подобного! Если сегодня в доме недостаточно тепло, значит, у вас плохо топится печь.

Он подошёл к печке и помешал в ней кочергой.

— Сейчас всё будет в порядке, — гордо сказал он. Папа очень любил показать, что он мастер на все руки.

Вскоре бабушка незаметно ушла в свою каморку. Она так замёрзла, что у неё уже не было сил терпеть, но ей стыдно было в этом признаться. Бабушка просто сделала вид, что устала и хочет спать. Она с удовольствием думала, как тепло и уютно сейчас у неё в комнате. Но напрасно она радовалась. В её комнате царил тот же ледяной холод. Бабушка совсем растерялась. Она остановилась в дверях и покачала головой.

И вдруг в гостиной раздался страшный вой. Все вскочили и бросились туда. Это Мортен упал со скамейки и теперь, лёжа на полу, громко кричал. В кулаке у него был зажат большой клоч оленьего моха. Он кричал не потому, что ушибся. Нет, ему вовсе не было больно, ему просто было досадно, что он не смог дотянуться до мха, который торчал высоко в стене. Впрочем, он сразу же пожалел о том, что закричал. Теперь-то уж они не дадут ему спокойно поработать!

— Что ты здесь делаешь, Мортен? — спросил папа. — По-моему, здесь тоже очень холодно.

— Я работаю, мне не холодно.

— Работаешь? А в чём заключается твоя работа?

— Это секрет.

Папа посмотрел на клочки мха.

— Ты собираешь олений мох?

— Да, — гордо ответил Мортен. — Если хочешь, я покажу, сколько уже собрал.

И когда папа увидел ящик для игрушек, доверху наполненный оленьим мохом, он сразу понял, в чём дело.

— А где же ты его взял? — спросил папа.

— В стенках, — ответил Мортен. — Смотри, теперь через дырочки видно, что делается на улице.

Он взял папу за руку и заставил заглянуть в щёлку. И папа увидел сарай!

— Теперь понятно, откуда тут взялся сквозняк, — сказал он. — Какие щели! Не зря прежние хозяева позатыкали их оленьим мхом.

— Что же нам делать? — спросила мама. — Надо что-нибудь придумать, не то мы превратимся в ледышки.

— Не волнуйся, — сказал папа. — Мортен, давай поменяемся секретами. Идём, я тебе что-то покажу. Я сделал деревянную лошадку. Если хочешь, я отдам её тебе в обмен на олений мох. Но обещай мне, что больше не вытащишь ни клочка мха, а то мы все замёрзнем и станем большими сосульками.

— Обещаю, — сказал Мортен, которому гораздо больше хотелось получить деревянную лошадку, чем превратиться в большую сосульку. Он взял под мышку лошадку, и мама увела его спать.

Все принялись за работу, заткнули мхом щели, и в доме снова стало тепло. Бабушке расхотелось ложиться спать, а волосы Марен перестали трепетать на ветру.

Теперь вы знаете про домик в лесу почти столько же, сколько папа, мама, бабушка, восемь детей и Самоварная Труба.

ДЕТИ ИДУТ В НОВУЮ ШКОЛУ

Марен, Мартин, Марта и Мадс собирались в путь. Сегодня они первый раз шли в новую школу и немного побаивались.

— Я бы мог весь век жить в лесу и не ходить ни в какую школу, — сказал Мартин. — Я бы и так научился добывать еду, готовить обед, следить за домом и жил бы, как живут все отшельники.

Мадс молчал. Он думал, как было бы замечательно, если бы их старая школа тоже переехала в лес. Жаль только, что остальным ученикам пришлось бы очень далеко ездить в школу.

Впрочем, лесной домик тоже был расположен не так уж близко от школы. Сначала дети долго шли лесом. Тропинка была такая узкая, что им приходилось идти гуськом. Зато как интересно было в лесу! Тропинка вела к шоссе. По нему мчались грузовики и автобусы, бежали школьники. Грузовики и автобусы не смущали Мадса, а вот со школьниками он предпочёл бы не встречаться. Ему стало не по себе, когда они принялись разглядывать его, Мартина, Марен и Марту.

Школьники были такие важные и вовсе не боялись идти в школу. Они давно к ней привыкли. А самое главное — все они уже хорошо знали друг друга.

Вдали показалась школа. Она высилась на холме, как маленький замок.

— Ну, полюбовались на школу, а теперь пошли домой, — предложил Мадс.

— Что ты, нельзя! Папа и мама договорились с директором школы, что мы все придём сегодня. Идём, Мадс, не трусь. Мама говорила, что мы должны зайти в канцелярию, чтобы узнать, где наши классы, — сказала Марен.

В канцелярии их встретил сам директор школы. Он был очень любезен, и Мадс подумал: наверно, директор рад, что к нему пришли сразу четыре новых ученика. Может быть, у него в школе не хватает учеников?

Но когда Мадс взглянул на школьный двор, он понял, что ошибся: двор был полон ребят.

Директор попросил одного из учителей показать новичкам, где находятся их классы. Первой ушла Марен, потом Мартин и Марта, остался один Мадс.

— Если вы очень торопитесь, то я и сам могу найти свой класс, — сказал Мадс учителю.

Но учитель не торопился. Он был так приветлив, что очень понравился Мадсу.

— А в нашем классе вы учите? — спросил Мадс с надеждой.

— Нет, к сожалению, — ответил учитель, — в твоём классе учительница. А вот когда ты перейдёшь в четвёртый класс, я, может, и буду преподавать у вас.

Прозвенел звонок на урок. Загудели, зашумели лестницы и коридоры. Учитель остановился перед одной из дверей.

— Сюда, — сказал он.

Мальчики один за другим, обгоняя их, скрывались за этой дверью. Все они здоровались с учителем и таращили глаза на Мадса. Наконец пришла учительница.

— Вот ваш новый ученик, его зовут Мадс, — сказала ей учитель.

— Добро пожаловать, — приветствовала Мадса учительница. — Заходи в класс, сейчас мы найдём тебе место.

Мадс взглянул в последний раз на доброго учителя и вошёл в класс. Все ученики стояли возле своих парт и с любопытством смотрели на него.

— Вот вам новый товарищ. Его зовут Мадс. Садись вот сюда, Мадс, — сказала учительница и показала ему парту возле окна. — А теперь скажи нам, где ты живёшь?

— В лесу, — ответил Мадс.

Все мальчики засмеялись.

— Разве ты не знаешь своего точного адреса? — спросила учительница.

— Знаю. Домик в лесу. В самой середине леса. Мы переехали сюда из города, там у нас была очень маленькая квартира.

— Ну хорошо, садись, — сказала учительница. Мадс слышал, что мальчики потихоньку смеются над ним.

Начался урок чтения. Мадс слушал, как все читали. Ему самому не хотелось читать сегодня. Учительница, наверное, поняла это и не вызвала его. Урок прошёл быстро. Наступила большая перемена.

Мальчики выбежали из класса, но Мадс не торопился. Он долго надевал свитер, потом медленно пошёл по коридору. Там он остановился и постоял у окна. Вдали он увидел свой лес. Тот самый лес, который теперь был его домом!

К Мадсу подошла учительница:

— Почему ты стоишь здесь, Мадс? Иди лучше во двор, подыши свежим воздухом.

Мадс спустился по лестнице. Выйдя на школьный двор, он внимательно огляделся. Ему хотелось найти местечко, где бы он мог побыть в одиночестве. Ещё ему хотелось увидеть Мартина, Марен или Марту. Вскоре он отыскал их в толпе, но они оживлённо беседовали с другими детьми. Они-то, конечно, уже со всеми перезнакомились.

Ну что ж! В углу двора стояло несколько ящиков для мусора. За ними можно было спрятаться. Там его никто не найдёт. Мадс пробрался через двор и сел на корточки за один из ящиков. Когда он закрывал глаза, шум голосов слышался ещё громче. Казалось, что дети хором кричат во всё горло. Мадсу было грустно и холодно сидеть здесь, но как быть, если не хочется разговаривать с мальчиками? Они все смеялись, когда он сказал, что живёт в лесу. А ведь он действительно живёт в лесу, и смеяться тут не над чем.

Наконец зазвенел звонок. Мадс подождал, пока школьный двор опустеет, потом выбрался из своего укрытия и пошёл к дверям. Когда он вошёл в класс, все уже сидели на своих местах. Мальчик, который сидел ближе всех к Мадсу, шёпотом спросил:

— Куда ты пропал? Мы тебя всюду искали, хотели, чтобы ты играл вместе с нами.

— Я был во дворе, — ответил Мадс. Ему вдруг очень понравился этот мальчик.

«Хорошо бы узнать, как его зовут», — подумал Мадс, но спрашивать было неловко.

— Уле-Александр, не мешай Мадсу разговорами! — строго сказала учительница.

Мадс огляделся. На него уже почти никто не смотрел, и никто не смеялся. Может быть, они не такие уж плохие? Может быть, они ничем не хуже его товарищей в прежней школе? Мадс вздохнул с облегчением.

На следующей перемене он вышел во двор вместе со всеми, и не успел он опомниться, как уже носился по двору и кричал так же громко, как все. А может, даже громче всех, потому что самое трудное было уже позади.

МАДС НАХОДИТ ДРУГА

Когда Мадс на другой день пришёл в школу, он сразу же увидел Уле-Александра. Уле-Александр стоял на школьном дворе вместе с другими ребятами. Заметив Мадса, он подбежал к нему:

— Угадай, где я живу?

Мадс огляделся. Прежде всего он посмотрел на лес, в котором жил сам. Уж во всяком случае, не в лесу. Потом он посмотрел на множество маленьких домиков, разбросанных вокруг. Если он начнёт гадать и показывать отдельно на каждый домик, то они простоят здесь весь день. Наконец он взглянул на большие дома, стоявшие отдельно на самой вершине холма.

— Наверно, вон в тех домах? — сказал он.

— Правильно, угадал. Пойдём сегодня ко мне в гости, и ты увидишь, в каком именно доме я живу.

— Хорошо, только я должен предупредить своих, чтобы они меня не ждали.

Мадс подбежал к Мартину и прошептал ему на ухо:

— Не ждите меня сегодня после школы, я пойду в гости к одному мальчику.

— А ты без нас не заблудишься?

— Нет. Я буду у него недолго, а дорогу я хорошо помню.

Сразу после уроков Мадс вместе с Уле-Александром пошёл к нему в гости.

Уле-Александр говорил немного. Мадс тоже помалкивал. Идти в гости уже само по себе было интересно. Да он и не знал, о чём говорить. Они шли и шли. И уходили всё дальше от леса, в котором жил Мадс.

— Ну вот и Тириллтопен, — сказал Уле-Александр.

Мадсу очень понравилось это название, оно было весёлое, как считалка, и он повторил его несколько раз:

— Тириллтопен! Тириллтопен! Тириллтопен!

— А разве ты не знал, что наша школа тоже называется Тириллтопен? — удивился Уле-Александр.

— Не знал. А ты всегда здесь жил?

— Нет. Раньше мы жили в городе. В самом высоком доме. Но здесь мне тоже очень нравится.

— И мне, — сказал Мадс.

Они подошли к большому белому кирпичному дому. Этот дом ничем не отличался от других белых кирпичных домов, но Уле-Александр, как видно, твёрдо знал, где именно он живёт.

— У нас есть собака, — предупредил он, — она, наверно, начнёт лаять, когда ты войдёшь, но ты не бойся: она просто хочет показать, что хорошо стережёт дом.

— У нас тоже есть собака. Её зовут Самоварная Труба.

— Какое чудное имя! А нашу зовут Пуффи.

Они поднялись на третий этаж. Там Уле-Александр остановился и отпер дверь. Как только дверь открылась, из неё выскочила чёрная кудлатая собака и чуть не сбила Уле-Александра с ног. Вдруг она увидела Мадса и громко залаяла.

— Тише, тише, Пуффи, ты же видишь — к нам пришёл гость.

Пуффи и сама поняла, что никто никому не угрожает, завиляла хвостом и поскорее убежала в квартиру.

— Мама! — крикнул Уле-Александр. — Я привёл к нам мальчика из нашего класса, его зовут Мадс. Это он живёт в лесу. Помнишь, я тебе вчера рассказывал?

— Милости просим в Тириллтопен! — крикнула из кухни мать Уле-Александра.

В переднюю вышла маленькая девочка. Она очень обрадовалась, увидев брата, подбежала к нему и обхватила обеими руками его колени.

— Пусти, пусти меня, Биттелиттен. Поздоровайся с моим новым товарищем.

Биттелиттен отпустила брата, взглянула на Мадса и сделала смешной реверанс. Мать Уле-Александра вышла из кухни и сказала:

— Снимайте в прихожей грязные башмаки и идите на кухню: я вас покормлю.

Мадсу сразу понравилось в гостях. Он и оглянуться не успел, как уже сидел в кухне и рассказывал об их маленькой городской квартире и о домике в лесу. Он рассказал и про бабушку, и про грузовик, и про Самоварную Трубу.

Потом Уле-Александр показал ему квартиру и свою комнату, в которой жил только он один. Больше всего Мадсу понравилась ванна. Мадс видел однажды ванну в окне магазина. И теперь, когда он увидел настоящую ванну в квартире друга, у него даже внутри защеботало...

— Ты, наверно, купался в ней много-много раз? — спросил он Уле-Александра.

— Ну конечно. А ты никогда не купался в ванне? Разве у вас нет дома ванны?

— Нет. А в ней приятно купаться?

Уле-Александр не мог поверить, что Мадс никогда в жизни не купался в ванне. Он не слышал ничего подобного.

— Мы купаемся в корыте, но я из него уже вырос, — сказал Мадс.

Уле-Александр помчался на кухню:

— Мапочка! Мадс никогда в жизни не купался в ванне! Можно, он сейчас искупается?

— По-моему, сейчас этого делать не следует, — сказала мама Уле-Александра. — Мадсу скоро идти домой, а на улице мороз. Пусть он лучше придёт к нам в субботу и останется у нас ночевать. Тогда он сможет купаться сколько захочет. Хорошо, Мадс?

— Ладно, а сейчас мы будем пускать в ванне кораблики, — предложил Уле-Александр, и Мадс с радостью согласился.

Они так весело играли, что Мадс совсем забыл, что ему ещё далеко идти до дому. Он опомнился, когда отец Уле-Александра пришёл с работы. На улице было уже совсем темно.

— Ой, мне пора! — закричал Мадс испуганно. Он так торопился, что в одних носках выскочил на лестницу.

Мать Уле-Александра выбежала за ним с башмаками в руках.

— Приходи к нам в гости! — сказала она ему.

— Спасибо, и вы к нам тоже, — вежливо ответил Мадс.

Мадс шагал домой. Сначала он думал только о том, как весело было в гостях, но, войдя в лес, он уже не мог думать ни о чём, кроме темноты, окружавшей его. В темноте ели выглядели совсем иначе, чем днём. Они были тёмные, большие и страшные. В лесу раздавалось много разных звуков. Мадс побежал. Но ему стало стыдно.

«Не беги, — сказал он самому себе. — Иди как обычно. Ведь ты идёшь по своему лесу, к своему дому...»

Вдруг он услышал новые, незнакомые звуки. Кто-то тяжело дышал и сопел. Мадс замер. Чёрный маленький зверь выскочил из зарослей и метнулся прямо к нему. Это была Самоварная Труба!

Самоварная Труба прибежала его встречать! Мадс очень обрадовался. Теперь он уже ничего не боялся. А тут навстречу ему вышел и папа. Папа и Самоварная Труба решили, что Мадсу будет приятнее идти через лес вместе с ними. И они не ошиблись. Теперь лес снова стал таким же, как днём, и все таинственные звуки показались Мадсу даже приятными.

— Когда-нибудь, Мадс, ты научишься различать эти звуки и полюбишь лес ещё больше, — сказал ему папа.

— Папа, а я познакомился в школе с одним мальчиком, его зовут Уле-Александр.

— Забавное имя! Пригласи своего приятеля к нам в гости, чтобы мы могли тоже с ним познакомиться.

— Ну конечно! Ведь теперь у нас много места, — обрадовался Мадс.

Папа кивнул. Тут они оба увидели свой дом и подумали, что такого хорошего дома нет ни у кого на свете. И они были правы.

МОНА ОБИЖЕНА

В одну из суббот перед обедом Мона, Милли и Мина сидели в кухне у окна, прижавшись ногами к стеклу.

— Сейчас они придут, — сказала Милли.

— Уже недолго ждать, — подхватила Мина.

Мама готовила обед. Папа в сарае пилил дрова. А Мортен залезал на кухонную табуретку и прыгал с неё на пол, залезал и прыгал. Так он мог прыгать без усталости целый день.

— Вот они! — вдруг крикнула Мона.

Из лесу вышла Марен с портфелем под мышкой, за ней шли Мартин и Марта, а за ними ещё два мальчика. Один из мальчиков был Мадс, а другого раньше никто не видел.

— Это и есть тот самый Уле-Александр, — сказала Мона.

— Давайте убежим и спрячемся, — предложила Милли.

— Правильно! — Моне очень не нравилось, что Мадс подружился с этим мальчишкой.

Раньше они всегда играли вдвоём, она и Мадс, а теперь Мадс часто задерживался после школы. В субботу он и вовсе не пришёл ночевать домой, и всё воскресенье его не было. Такого никогда не случалось, пока он не подружился с этим Уле-Александром. И Мона решила, что, когда Уле-Александр придёт к ним в гости, она сделает вид, будто не замечает его.

Мина и Милли спрятались под столом, а Мона — в углу за папиной качалкой. Мортену тоже захотелось спрятаться. Он повалил табуретку и притаился за ней.

На крыльце затопало множество ног. Дверь распахнулась.

— Мама, мы голодные! — закричала Марен.

— Сейчас будем обедать, — сказала мама.

Самоварная Труба громко залаяла, как только Уле-Александр вошёл в кухню. Она боялась чужих. Когда она немного успокоилась, Уле-Александр подошёл к ней и сказал:

— Здравствуй, Самоварная Труба!

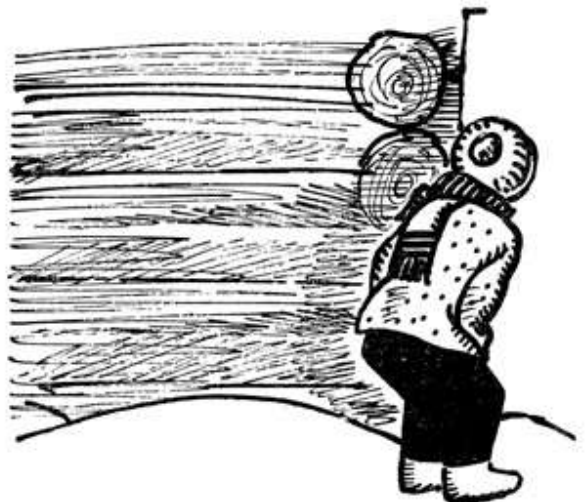
И она лизнула ему руку, словно хотела сказать, что теперь всё в порядке и он может оставаться у них сколько захочет.

Уле-Александр поздоровался с мамой, с папой, который вошёл с полной охапкой дров, и с бабушкой. Потом он спросил:

— А где же все остальные? Марен, Марту и Мартина я знаю по школе, но Мадс говорил, что у него семь братьев и сестёр.

— Ку-ку! Я здесь! — крикнул Мортен из-за табуретки.

Уле-Александр наклонился к нему:

— Так, один нашёлся.

Милли с Миной захихикали под столом, и Уле-Александр без труда отыскал их.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, — сосчитал он, — одного ещё не хватает.

— Ку-ку, вон она где спряталась, — сказал Мортен и показал на качалку.

Уле-Александр заглянул за качалку и увидел Мону. И Мортен, и Милли, и Мина смеялись, когда Уле-Александр нашёл их, а Мона рассердилась и не захотела с ним здороваться.

В это время вошла мама. Она несла громадную кастрюлю картошки с мясом, и Уле-Александр забыл о неприветливой Моне, потому что он, как и все, очень хотел есть. Но после обеда, когда дети собрались гулять, он снова вспомнил о ней. Мона не пошла гулять. Она сидела на своём месте с таким видом, словно собиралась просидеть за столом весь день.

Мама стала мыть посуду, папа зевнул и сказал:

— Гляди-ка, какой снег повалил, придётся вечером разгрести, а то и к дому не подойдёшь.

Так что теперь надо немного отдохнуть.

Дети ушли, бабушка удалилась в свою каморку. Она, как и папа, тоже любила вздремнуть после обеда.

Мона медленно поднялась со стула, взяла кухонное полотенце и принялась вытирать вилку. Она задумалась и долго-долго тёрла одну и ту же вилку. Вилка уже блестела; мама успела перемыть всю посуду, вытерла и тарелки, и вилки, и ложки, и чашки, и стаканы, а Мона всё стояла и тёрла свою вилку.

— Спасибо за помощь. Вот мы и закончили, — сказала мама.

В кухню вихрем влетела Милли:

— Мамочка, до чего нам весело! Этот Уле-Александр такой смешной! Мы тоже всё время играли со старшими. Иди скорее к нам, Мона! Мы играем в прятки!

— Фу! — фыркнула Мона, но, как только Милли снова убежала на улицу, она потихоньку подошла к вешалке и оделась.

— Я вовсе не собираюсь с ними играть, ты не думай, — сказала она маме, — я только немножко посмотрю на них.

Мона осторожно вышла за дверь. Ей хотелось, чтобы никто её не заметил. Дети кричали громко и весело; по их голосам Мона поняла, где они. Она опустилась на четвереньки и поползла за сарай. Ну, вот наконец она в убежище! Вдруг голоса умолкли. Мона увидела, как дети разбегаются в разные стороны, и услышала голос Уле-Александра, который громко считал.

Ага, значит, он водит! Ну, её-то он уж, во всяком случае, не найдёт. Она может спокойно стоять здесь и следить за игрой, а если он придёт сюда, она спрячется за другим углом сарая.

Уле-Александр досчитал до ста и крикнул:

— Я иду искать!

— Ку-ку! Вот я! — сказал Мортен. Он не успел спрятаться и стоял рядом с Уле-Александром.

— Палочка-выручалочка за Мортена! — обрадовался Уле-Александр. — Пойдём искать остальных.

Он немного побаивался, что не сумеет найти всех: ведь они в своём дворе знали, конечно, много укромных местечек. Уле-Александру показалось, что он заметил чью-то голову, которая на мгновение высунулась из-за сарая. Он решил притвориться, будто ничего не заметил. Самое главное, не бежать туда сразу же. Он посмотрел сначала на небо, потом на лес и вдруг бегом помчался к сараю. Подбежав к нему, он услышал бормотание Моны:

— Меня-то этому дураку ни за что не найти.

— Как бы не так! — крикнул Уле-Александр и побежал к тому месту, где он водил. — Палочка-выручалочка за... Как её зовут, Мортен? — тихонько спросил он у Мортена.

— Мона! — радостно подсказал Мортен.

— Палочка-выручалочка за Мону! — громко крикнул Уле-Александр. — Вот хорошо, что я нашёл тебя. А то как-то неприятно, когда никого не можешь найти.

Теперь ему стало легче, и он быстро нашёл остальных. Всех, кроме Мартина, потому что Мартин сидел в лесу на самой высокой ёлке и его совсем не было видно среди пушистых веток.

Но Мортен показал на ёлку и сказал:

— Ку-ку! Мартин, а тебя видно.

— С Мортеном нельзя играть в прятки! — рассердился Мартин.

Уле-Александр посмотрел на высокие сугробы, окружавшие дом.

— Давайте разгрести снег? — предложил он. — У нас в Тирилтопене снег убирают машинами, но, по-моему, гораздо веселее разгрести снег лопатой.

— Верно! Мы все будем разгрести снег! Вот папа обрадуется, когда проснётся! — подхватил Мадс.

Старшие взяли лопаты, младшие — совки, и работа закипела.

Они расчистили дорожку к сараю, к воротам и к маленькому домику с сердцем на двери.

Когда папа, поспав после обеда, вышел во двор, чтобы разгрести снег, и увидел дорожки среди сугробов, он так и просиял:

— У меня не дети, а золото!

— Это Уле-Александр придумал, — неожиданно для самой себя сказала Мона.

— По-моему, мы все должны проводить Уле-Александра через лес, — предложил папа. — Я тоже пойду вместе с вами, раз мне не надо убирать снег.

И они все гуськом пошли по лесу. Папа шёл первый. Дорогу занесло, и он протапывал в снегу тропинку. Мона перестала сердиться и была даже рада, что Уле-Александр пришёл к ним в гости.

Но Мортену было лучше всех, потому что он сидел у папы на плечах, и, хотя ветки щекотали ему лицо и за воротник попадал снег, он воображал себя королём, который едет верхом по лесу.

МАМА СЧИТАЕТ ВОРОН

На новой крепкой дверце колодца висел большой замок, а ключ от замка папа всегда носил с собой. В кухне стояла большая бочка, и каждое утро папа наполнял её водой. Но теперь он должен был уехать на три дня, а так как одной бочки воды на три дня мало, папа отдал ключ от колодца маме, и она спрятала его на полку.

На первый день воды ещё хватило, но на второй день бочка была почти пуста. Мама вооружилась вёдрами и коромыслом. Она впервые шла на колодец за водой, хотя они жили здесь уже давно.

Когда они переехали сюда из города, мама сказала папе, что она всегда сама носила воду из колодца, когда была молодая и жила в деревне. Но папа стукнул кулаком по столу и сказал:

— Не будет этого! Не женская это работа!

С тех пор каждое утро папа приносил воду...

Мама весело размахивала вёдрами. Она подошла к колодцу и отперла тяжёлый замок. Потом она подняла крышку, привязала верёвку к дужке ведра и опустила его в колодец. Плюх! — сказал ведро. Мама подождала немного, а потом начала тянуть верёвку. Папа был прав, когда говорил, что это не так уж легко.

Мама взглянула на дом. Ну конечно! Все восемь детей и бабушка стоят у окна и смотрят на неё. Они ещё даже не оделись как следует, но пропустить такое зрелище не могли. Бабушка была

не причёсана, зато надела очки, чтобы лучше видеть. За свою жизнь она перетаскала из колодца много вёдер воды, и теперь ей было любопытно, как мама справится с этой задачей.

Мама с полными вёдрами шла по скользкой тропинке. «Они думают, что у меня ничего не получится. Надо сделать вид, что я их не замечаю», — сказала себе мама и посмотрела на небо.

Как раз этого ей и не следовало делать, потому что, когда несёшь воду, надо глядеть под ноги, а не считать ворон в небе. Мама поскользнулась и во весь рост растянулась на тропинке. Одно ведро опрокинулось, зато второе только чуть-чуть расплескалось.

Мама лежала минутку не двигаясь. Но она не собиралась лежать тут весь день и попробовала подняться. Это оказалось не так-то просто. Одна нога никак её не слушалась. Было очень больно, и мама не могла встать.

Из дому выбежали дети. Мартин был в одном носке, другой он надеть не успел; Мадс был в майке и трусах; Мона — в ночной рубашке. Кто-то был в тапочках, кто-то босиком. За детьми бежала бабушка, так и не успев заколоть свою тонкую седую косичку.

— Нет! Нет! Нет! — закричала мама. — Сейчас же идите домой и оденьтесь как следует! Вы с ума сошли.

Но дети не хотели уходить. Они пытались помочь маме подняться и тянули её в разные стороны. Самоварная Труба тоже выскочила из дому. Она подбежала к маме и начала лизать ей лицо. Первой опомнилась бабушка.

— Санки, быстрее! — крикнула она.

Мартин притащил из сарая санки; дети посадили на них маму и повезли к дому. Мартин и Марен помогли маме подняться на крыльцо. Наконец мама оказалась на кухне и опустилась на стул. Она до того волновалась, как бы дети не простудились, что почти забыла о своей больной ноге. Она командовала, как полководец:

— Разотритесь полотенцами! Наденьте сухие чулки! Ни слова, пока все не оденетесь!

— Но со мной-то ты можешь говорить, я ведь одета, — заметила бабушка.

— И с тобой не могу, ты ещё не причёсана. Заколи косу, а то зацепишься за что-нибудь!

Бабушке и детям пришлось молча привести себя в порядок. И надо сказать, что в этот день они справились с утренним туалетом необыкновенно быстро.

Когда все были готовы, они выстроились перед мамой. Младшие плакали, потому что мама упала и ушиблась; старшие стояли и думали, что же им теперь делать. Мама была белая как снег. Нога у неё сильно распухла.

— Надо найти доктора, — прошептала Мона.

— Где его здесь найдёшь? — грустно сказал Мартин.

— Я знаю! — придумал Мадс. — Я на лыжах побегу в Тирилтопен к Уле-Александру. У них есть телефон, и его мама скажет, что надо делать!

— Беги! — скомандовала бабушка.

Дома у Уле-Александра все очень удивились, увидев Мадса в столь ранний час. Мадс так запыхался, что долго никто не мог разобрать ни слова. Но они сразу догадались, что случилось какое-то несчастье. Уле-Александр первый сообразил, в чём дело. Он повернулся к маме и сказал:

— Мадс говорит, что надо позвонить доктору: его мама упала и ушибла ногу.

— Конечно, конечно! Сейчас я позвоню и попрошу доктора приехать к нам. А дальше Мадс покажет ему дорогу.

— Я тоже поеду с Мадсом, — сказал Уле-Александр.

Мадс объяснил доктору, куда ехать, и больше за всю дорогу не вымолвил ни слова. Он очень боялся, что маму положат в больницу и они останутся одни. Осмотрев мамину ногу, доктор сказал:

— Перелома, к счастью, нет. Это вывих, и очень сильный. Две недели, самое маленькое, вам нельзя ходить: нога должна быть в полном покое. А вы, дети, хорошенько ухаживайте за мамой.

— Мы будем хорошо ухаживать, — сказала Мона.

— Я ей сейчас сварю картошки, — предложила Мина.

Доктор сделал маме перевязку, и она сказала:

— А теперь, дети, вам пора в школу!

— Мы думали, что нам сегодня лучше пропустить занятия, — ответила Марен.

— Ни в коем случае! Сейчас же отправляйтесь в школу! — возмутилась мама.

— Кто идёт в школу? Я могу вас подвезти, — предложил доктор.

— Нас пятеро, — ответил Мадс, — но мы с Уле-Александром усядемся вдвоём на одно место.

— Места всем хватит, — успокоил его доктор.

— Я тоже иду в школу, — сказал Мортен. Он взял старый рюкзак и вышел во двор, где стоял красивый автомобиль доктора.

— Нет, ты останешься дома и будешь ухаживать за мамой, — сказала Марен и на руках отнесла Мортена в дом.

— Я приеду к вам через несколько дней, — сказал доктор, прощаясь с мамой.

БАБУШКА ВОЮЕТ С РАЗБОЙНИКАМИ

Теперь, когда мама заболела, хозяйством пришлось заниматься бабушке и детям. Обычно бабушка сидела у себя в каморке, вязала чулок или просто дремала. Но тут она словно на двадцать лет помолодела. Она и забыла, что любит поспать после обеда.

— Что мы будем делать с водой? — вздохнула мама, глядя на пустую бочку.

— Вода — это пустяки! — заявила бабушка. — Я всю свою жизнь только и делала, что таскала воду для коров. Так неужели же я не принесу двух вёдер для нас?

Она схватила вёдра и отправилась к колодцу.

— Бегите за бабушкой и помогите ей! — приказала мама детям.

И когда бабушка нагнулась над колодцем, вытаскивая первое ведро, Марен обхватила её за талию, Мартин ухватился за Марен, Марта за Мартина, Мадс за Марту, Мона за Мадса, Милли за Мону, Мина за Милли, Мортен за Мину, а Самоварная Труба ухватила Мортена за штанину.

С помощью детей бабушка легко вытащила из колодца первое ведро, а за ним и второе. Потом они поставили оба ведра на санки и без всякого труда довели воду до дому.

Так они сходили за водой несколько раз и наполнили бочку до самого верха.

— Как же ты одна пригостишь обед на такую ораву? — снова вздохнула мама.

— Ты думаешь, я уже никуда не гожусь! — возмутилась бабушка. — Когда я была молодая и работала на скотном дворе, мне иногда приходилось готовить обед на всех работников. Неужто я не смогу приготовить обед для одной семьи?

Бабушка сварила огромный котёл каши, и все были очень довольны.

Вечером бабушка села вязать носки для Мортена. Младшие легли спать; мама читала, положив ногу на табуретку. Ей давно не удавалось спокойно почитать, и теперь она думала, что не так уж плохо вывихнуть иногда ногу.

Вдруг Самоварная Труба забеспокоилась. Она спала в своём бочонке и, не просыпаясь, тихонько залаяла, как будто сказала: «Будьте осторожны!» Мама подняла голову от книги; бабушка перестала вязать.

Из своей комнаты в ночной рубашке спустилась Мона.

— Бабушка, по-моему, кто-то ходит вокруг дома! Я слышала чьи-то шаги, честное слово!

— Бабушка, ты не забыла запереть дверь? — взволнованно спросила мама. — Надо же так случиться, что папы как раз нету дома!

— Дверь заперта, не волнуйся, — прошептала бабушка. — А для верности я и стол к двери придвину!

Самоварная Труба забеспокоилась ещё больше. Шерсть у неё на спине встала дыбом, и она громко залаяла.

— Мартин, ты ещё не лёг? — спросила бабушка.

— Нет, нет. Никто не спит.

— Идите все сюда, у нас будет военный совет! — шёпотом распорядилась бабушка.

На лестнице появились Милли, Мона и Мортен в ночных рубашках.

— Возле дома кто-то ходит — это так же верно, как то, что я пятьдесят лет доила коров, — сказала бабушка.

— Как жалко, что мы теперь живём не в городе. Там бы мы могли постучать в пол, и Хенрик с Нижней Хюльдой сразу прибежали бы к нам на помощь, — сказала Милли.

— Мы и без них не пропадём, — гордо заявила бабушка.

— А почему стол стоит возле двери? — спросил Мартин.

— Ш-ш-ш! — шикнула на него бабушка.

— Помолчите минутку и прислушайтесь, может быть, это только наше воображение, — сказала мама.

Все прислушались, и теперь уже не было сомнения, что по двору кто-то ходит. Они услышали не только шаги, но и голоса.

— Вот беда, их, оказывается, двое! — вздохнула бабушка.

— Бабушка, ты боишься? — спросила Марен.

— Боюсь? — Бабушка очень удивилась. — Ещё что! Им с нами всё равно не справиться! Да это самое интересное, что случилось с тех пор, как мы переехали сюда из города. А то было уж слишком тихо и скучно. Ш-шш, давайте ещё послушаем!

В дверь постучали. Бабушка приложила палец к губам и покачала головой. Вслед за ней все повторили её жест. Мона зажала пасть Самоварной Трубе, чтобы та не залаяла. За дверью снова послышались голоса.

— Ну-ка, проверьте, все ли окна заперты, и принесите сюда свои одеяла, — распорядилась бабушка.

Дети побежали за одеялами.

— Одеяла повесьте на окна! — приказала бабушка. — А теперь мы пристроим над дверью ведро с водой. Если разбойники откроют дверь, оно опрокинется прямо на них.

— Вот здорово! — засмеялся Мадс.

— И ещё надо написать большое объявление: «Берегитесь злой собаки!» Ты можешь написать его быстро, Мадс? — спросила бабушка.

— Сейчас! У меня есть бумага. Я напишу: «*Берегитесь злой собаки! Она опасна для жизни!*» Так будет страшнее!

— Хорошо! Мы выставим это объявление в окне на кухне, — сказала бабушка. — Если у них есть карманный фонарик и они прочтут наше объявление, они непременно испугаются!

— А что бы нам ещё придумать? — спросила Марен.

— Я придумала, — сказала бабушка. — Я возьму свечу и пойду на чердак...

— Только не свечу. Ты устроишь пожар, — испугалась мама.

— Ладно, тогда дайте мне карманный фонарик.

Мадс протянул бабушке фонарик.

— Я завешу окно на чердаке синей тряпкой. Не пугайтесь, если услышите страшные завывания. Я буду выть, чтобы они приняли меня за привидение.

Бабушка поднялась на чердак. Вскоре в окне чердака загорелся синеватый свет и послышался протяжный жалобный вой.

За дверью стало совершенно тихо. Бабушка спустилась вниз.

— Ну как, хорошо я выла?

В это время в дверь опять постучали, и мужской голос спросил:

— Есть кто дома? Принимайте гостей!

— Вот негодяй! — Бабушка не на шутку рассердилась. — Какие ещё гости? Забирай своих людей и проваливай отсюда. Нам не впервой сражаться с разбойниками.

— Но мы вовсе не разбойники, — сказал за дверью робкий женский голос.

— Не разбойники? А кто же вы тогда, позвольте вас спросить? Я не желаю с вами разговаривать, но, может быть, вы объясните мне, что вы делаете в лесу поздно ночью? — спросила разгневанная бабушка.

У мамы был такой вид, точно она только что проснулась:

— Бабушка! Бабушка! Скорей отопри дверь! Ведь это...

— Твоя воля, — перебила её бабушка. — Но если в тебя угодят чем-нибудь тяжёлым, я не виновата.

Мартин помог бабушке отодвинуть стол. Бабушка отперла замок. Дверь отворилась, и тут произошло то, на что бабушка не рассчитывала. Ведро с водой опрокинулось ей на голову. А за дверью стояли испуганные Хенрик и Нижняя Хюльда.

— Мы уже думали, что вы нас так и не впустите, — жалобно сказала Хюльда.

— А-п, буль-буль, — произнесла бабушка.

— Идём, бабушка, я тебя вытру. — Хюльда схватила полотенце и начала вытирать бабушке волосы.

— Мы подумали, что вам надо помочь, пока папы нет дома, — объяснил Хенрик. — У Хюльды в сумке много всяких припасов...

— А мы вас так встретили! Какой позор! — смутилась мама.

— Мне ещё никогда в жизни не было так страшно, — призналась Хюльда. — Я чуть не убежала назад, в город. Но страшнее всего это привидение на чердаке. Бр-р, даже вспомнить жутко.

— Ты правда испугалась? — Бабушка была в восторге. После холодного душа и особенно после того, как выяснилось, что это вовсе не разбойники, бабушка чувствовала себя немного сконфуженной, но, услышав про привидение, она просияла: — Я очень рада, что оно было такое страшное!

— Пока бабушка с вами, вам нечего бояться, — уверенно сказал Хенрик.

При этих словах бабушка совсем расцвела и снова принялась за своё вязанье.

— Я тебе тоже свяжу носки, Хенрик, — пообещала она.

А потом бабушка сварила кофе, Хюльда вытащила из сумки пирожные, и все уселись за стол. В этот вечер в домике в лесу долго никто не ложился спать.

ГОЛОДНЫЕ ПЕЧИ

Папа, мама и восемь детей стояли и смотрели на кухонную плиту.

— Смотри, — сказала мама, — час тому назад ящик для дров был полон, а теперь эта прожорливая печь всё съела. Никогда в жизни не видела такой обжоры.

— Хм, боюсь, как бы эта обжора не выжила нас из дому, — заметил папа.

— Моя печка тоже не лучше, — сказала бабушка, выходя из своей каморки. — Сегодня она уже съела не меньше десяти поленьев.

Все пошли к бабушке и посмотрели на её маленькую печурку, которая весело и беззаботно потрескивала. В комнате было тепло и уютно.

— А как у вас, дети? Ваши печи тоже хотят есть? — спросил папа.

— Да, очень, — ответила Мона. — Сегодня наша печка съела две порции дров и хотела добавки, но я сказала, что больше она не получит ни полешка. В сарае и так уже почти ничего не осталось.

Действительно, печи в этом доме постоянно хотели есть и дров шло очень много. Папа сделал всё, что мог, чтобы утеплить дом. Он тщательно заткнул щели, но стены в домике были ветхие, и, как только огонь угасал, тепло мгновенно улетучивалось из комнат.

Папа обследовал сарай. Ему казалось, что он купил много дров и что их хватит на всю зиму, но настоящие холода ещё не начались, а дров осталось уже меньше половины. Нет, это никуда не годится!

Он вышел во двор и подошёл к грузовику.

— Придётся нам с тобой, приятель, съездить кой-куда, — сказал папа.

— И я с вами, — попросился Мортен.

— И я! — следом за ним сказал Мартин.

— И я! И я! И я! — закричали все остальные.

— Ладно! Одевайтесь потеплее и поехали, — согласился папа. — Наш путь не очень далёк.

Сначала грузовик ехал лесом, потом свернул налево, и вскоре дети увидели на холме хутор. Грузовик въехал во двор и остановился перед домом. Папа вышел из кабины, а дети с удивлением свесились через борт.

— Папа, куда ты? Ты хочешь купить здесь молока?

— Нет. Я хочу узнать у хозяина хутора, не продаст ли он нам немного дров. Лес-то, в котором мы живём, принадлежит ему.

— Лес, в котором мы живём? — удивилась Марен. — Но это ведь наш лес!

— Конечно, наш! — воскликнула Марта.

— Нет, кусок леса, где стоит наш дом, и вот это поле принадлежат этому хуторянину. Сидите смиренно, я сейчас вернусь, — сказал папа и вошёл в дом.

— Можно подумать, что это не наш лес! — возмутилась Марта.

— Ведь мы знаем в нём каждое дерево! — Мадс не мог прийти в себя от негодования.

— Я уверена, что этот хуторянин даже не помнит, как выглядят деревья в его лесу, — сказала Мона.

— Раз папа сказал, что лес принадлежит ему, значит, это так и есть, — заметила Милли.

— Чудно иметь сразу столько деревьев, — сказала Марта.

— Хорошо бы, у нас у каждого было хоть по одному дереву. Мы бы ухаживали за ними и смотрели бы, как они растут, — сказал Мартин.

— Как интересно! — подхватила Милли. — Мы бы забрались на них, сидели бы там и ждали, пока они не вырастут.

— Ага, мы сидели бы на них и смотрели, как они растут. И поднялись бы выше облаков! — Мина всегда была согласна с тем, что говорила Милли.

— Деревья растут совсем не так быстро, — заявила Мона. Она чуть-чуть задирала нос, потому что знала гораздо больше, чем Мина и Милли, хотя тоже ещё не ходила в школу.

Папа и хозяин леса вышли из дому.

— Посмотрите, он не такой уж важный, хотя ему принадлежит весь наш лес, — сказала Марта.

— Тише! Послушаем, о чём они говорят, — предложил Мартин.

— Я сейчас поеду с вами в лес, — сказал хозяин хутора, хозяин леса и хозяин ещё неизвестно чего.

— Ну и прекрасно, — обрадовался папа. — Тогда я завтра же начну рубить. Садитесь, пожалуйста!

Папа открыл дверцу кабины. Хозяин леса посмотрел в кузов.

— Что это у вас за груз? — спросил он.

— Это мои дети. Их у меня восемь штук! — гордо ответил папа.

— Вот это да! С такой компанией не соскучишься, — сказал хозяин леса, и грузовик тронулся.

Проехав немного по лесной дороге, папа остановил грузовик. Дальше все пошли пешком. Хозяин леса осматривал каждое дерево и на некоторых делал зарубки. Это чтобы папа знал, какие деревья можно рубить.

Когда он кончил делать зарубки и уже хотел уходить, Мартин остановил его, но не успел ничего сказать, как вмешалась Милли:

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит одно дерево?

— Одно дерево, которое будет стоять и расти? — подхватила Мона.

— Как это «стоять и расти»? Ничего не понимаю! — удивился хозяин леса.

— Очень просто! Нам хочется, чтобы у каждого из нас здесь в лесу было по одному своему дереву, — объяснила Мона.

— Мы бы написали на дощечках наши имена и повесили их на эти деревья. И каждый ухаживал бы за своим деревом, — сказал Мадс.

— Неплохо придумано, — согласился хозяин леса. — Тогда мне не пришлось бы тревожиться хоть за эти деревья. Ну, вот что, выбирайте каждый себе по дереву, а я вам обещаю, что эти деревья никто не срубит.

— Да, но мы всё-таки хотели бы знать, сколько стоит одно дерево, — снова спросила Марен.

— Сколько стоит? Давайте сделаем так. Вы придёте ко мне на хутор и отработаете один день. И мы будем в расчёте. Идёт?

Дети согласились и начали выбирать деревья.

— Я выбираю вот это, — сказала Марен и показала на взрослую ёлку.

— Прекрасно, но как же ты её завтра узнаешь, свою ёлку? — спросил хозяин леса.

— А я повешу на неё свой шарф. — Марен сняла шарф и повязала его на нижнюю ветку так, чтобы никто не сомневался, что это и есть её ёлка.

Мартин выбрал самую высокую сосну, какую только мог найти, Он влез на неё и тоже повязал на ветку свой шарф.

Каждый выбрал себе дерево по вкусу. Дольше всех ничего не мог выбрать Мортен. Наконец он остановился возле маленькой ёлочки. Она была не выше самого Мортена. Мортен надел ей на макушку свою красную шапку. Теперь в лесу стояло семь деревьев, повязанных цветными шарфами, и одна маленькая ёлочка с красной шапкой на макушке.

На другой дети написали свои имена на дощечках, просверлили в них дырки, продёрнули верёвки, чтобы дощечки можно было повесить на деревьях, не прибывая их гвоздями, и пошли в лес.

— Только не задерживайтесь долго! Скоро обед! — крикнула им вслед мама. — И следите за Мортеном!

Конечно, мама поступила немного неосмотрительно, не сказав, кто именно должен следить за Мортеном. Марен решила, что это сделает Мартин; Мартин решил, что это сделает Марта; Марта решила, что это сделает Мадс; Мадс решил, что это сделает Мона; Мона решила, что это сделает Милли; Милли решила, что это сделает Мина, а Мина вообще об этом не подумала, с неё хватало и того, что она смотрела сама за собой и старалась не потеряться в этом огромном лесу.

Дети быстро нашли деревья со своими шарфами. А Мортен всё никак не мог найти ёлочку с красной шапкой на макушке. Вокруг было много маленьких ёлочек, но ни на одной из них не было красной шапки. Мортен решил, что его ёлочка растёт дальше, и пошёл искать её. Но сколько он ни искал, такой ёлочки нигде не было. Может быть, она выросла за ночь и стала самой высокой елью в лесу? Да, теперь нелегко будет достать её. Но главное, надо разыскать дерево и шапку, а уж тогда он позовёт на помощь других детей.

И Мортен всё дальше и дальше шёл в лес.

БЕЛОЧКА

Мортен шёл и смотрел на макушки высоких елей, но его шапки нигде не было видно. Зато сколько здесь было прекрасных высоких деревьев! И наверное, никто, кроме Мортена, не знал о них!

— Значит, они все мои, — сказал Мортен гордо.

Он остановился перед высокой-высокой елью. Ему даже пришлось откинуть назад голову, чтобы увидеть её макушку.

— Пусть эта ёлка будет моя, — сказал Мортен и надел варежку на нижний сучок.

Потом он пошёл дальше и вскоре подошёл к другой высокой и очень красивой ели.

— И эта тоже моя. — Мортен надел на сук вторую варежку. — Теперь у меня уже два дерева, но мне этого мало. Мне нужны и маленькие.

Вдруг Мортен увидел ещё одну красивую ель. Он снял с себя шарф и завязал его вокруг ствола. Рядом с елью стояла хорошенькая ёлочка; она была не выше маленького кустика.

— Это ёлкина дочка, она мне тоже нужна, — сказал Мортен. — Я надену на тебя шапку, только ты не теряй её, а то шапка не моя, а Минина. Теперь у меня четыре дерева.

Мортену было очень весело, и он быстро шёл дальше. Вот ему понравилось ещё одно дерево, не большое и не маленькое, среднее. Такого дерева у Мортена не было. Надо и на него что-нибудь повесить. У Мортена ничего не осталось, кроме свитера. Он начал снимать свитер, но забыл расстегнуть ворот, и голова его застряла. Зато как тепло было внутри и как красиво выглядел лес через красный свитер! Мортен вздохнул и снова натянул на себя свитер. Как же всё-таки снять его? Мортен изо всех сил рванул воротник, пуговицы отлетели. Теперь свитер снялся без всякого труда. Мортену захотелось есть. Найти бы поскорей вчерашнюю елочку, тогда можно и домой. Но сколько он ни искал, нигде не было ёлочки с красной шапкой на макушке.

А тем временем дети привязали дощечки к своим деревьям. Милли и Мина радовались, что их деревья стоят рядышком, они очень не любили надолго расставаться друг с другом. Мона выбрала себе дерево, на которое ей легко было взобраться. Дерево Мадса было немного побольше, чем у Моны. Любуясь им, он обошёл его со всех сторон. Марта уселась на ветке и качалась, как на качелях. А на вершине самой большой сосны сидел Мартин и оглядывал лес. Он чувствовал себя вождем всех деревьев! Они тихонько покачивали вершинами и покорно ждали его приказаний. Марен, напевая, стояла рядом со своим деревом и поправляла дощечку.

Вдруг все услышали, что мама звонит в старый коровий колокольчик. Мама всегда звонила в этот колокольчик, чтобы дети знали — пора обедать. Они слезли с деревьев и со всех ног побежали

домой. Они примчались на кухню, крича один громче другого:

— Где обед? Обед готов? Мы хотим есть!

— Обед на столе, — ответила мама. — Сейчас я вас накормлю, только сначала я должна сосчитать, все ли вы на месте.

Она пересчитала их один раз, потом другой, потом третий и спросила:

— А где Мортен?

— Мортен?! — воскликнула Марен.

— Мортен?! — воскликнул Мартин.

— Мортен?! — воскликнула Марта.

— Мортен?! — воскликнули все хором. — Разве Мортена нет дома? А где же он?

— Это я вас спрашиваю, где Мортен? — строго сказала мама. — Разве он не был с вами в лесу?

— Мы не знаем, мы все были так заняты, — прошептала Мона.

— Никто никакого обеда не получит! Марш в лес искать Мортена! — скомандовала мама.

— И я тоже? — спросила бабушка.

— Нет, ты останешься дома. Пусть они сами найдут его.

Дети побежали в лес.

— Как есть хочется, — вздохнула Мона.

— Ничего не поделаешь. Надо найти Мортена. Сама понимаешь, без него мы не можем вернуться домой.

Они прибежали к своим деревьям и начали искать.

— Я нашла варежку на дереве! — закричала Марен.

— Это варежка Мортена, — сказала Марта.

— А вот ещё одна!

— Это тоже его варежка! — крикнула Марта, и они побежали дальше.

— Смотри, а вот шарф! — снова крикнула Марен.

— Это его шарф, — сказала Милли.

— А вот синяя шапка!

— Это моя шапка, — сказала Мина. — Он сегодня пошёл в ней в лес.

— Ой, смотрите, вот его свитер! — ахнула Марен, и тут они услышали голос Мортена.

— Ш-ш-ш! Давайте послушаем, что он говорит, — предложил Мартин.

— Отдай шапку! Это моя шапка! Спускайся сюда! А то я скажу папе, а он знаешь какой сильный!

Дети прошли ещё немножко и увидели Мортена. Он стоял на пеньке и разговаривал с кем-то, кто сидел высоко на дереве. Все посмотрели вверх и на самой вершине ели увидели маленькую белочку, которая держала в передних лапках красивую красную шапку Мортена.

Марен защёлкала языком; Мартин полез на дерево; Марта присела на корточки и начала ласково уговаривать белку; Мадс погрозил белке кулаком и крикнул, чтобы она отдала добычу; Мона плясала вокруг дерева воинственный танец, выла и кричала; Милли пела песню про белочку, а Мина умоляла:

— Белочка, белочка, отдай нам шапку, а то мама не даст нам обеда, а мы очень хотим есть.

Белочка с удивлением смотрела на детей. Потом она взяла шапку в зубы и перепрыгнула на другое дерево, посидела на нём несколько секунд, вдруг — хоп-ля-ля! — запрыгала с дерева на дерево и исчезла в лесу.

Марен надела на Мортена свитер, шарф, варежки и Минину шапку.

— Бедный Мортен, ты, наверно, замёрз? — спросила она.

— Нет, не замёрз, — сердито ответил Мортен. — А как я найду своё дерево? Теперь у меня нет ни дерева, ни красной шапки! — сказал он и заплакал, а дети стали его утешать.

— Не плачь, мы тебе выберем самое красивое дерево. Какое ты хочешь, большое или маленькое?

— Я хочу, чтобы оно было такого же роста, как я, — сказал Мортен.

По дороге домой они нашли для Мортена подходящую ёлочку. Мортен повесил на неё дощечку со своим именем, и все побежали домой обедать.

Вечером бабушка достала из сундука клубок шерсти и спицы. К вечеру другого дня она связала Мортену новую красную шапку.

А где-то в лесу сидела весёлая маленькая белочка. У неё было гнездо, в котором она собиралась прожить всю долгую зиму. Теперь она не боялась стужи, потому что могла спрятаться в тёплую красную шапку.

И когда Мортен думал об этом, ему нисколько не было жалко потерянной шапки.

ВОСЕМЬ МАЛЕНЬКИХ КРЕСТЬЯН

Теперь у каждого из детей было в лесу по дереву. Но им всё время казалось, что деревья ещё не принадлежат им по-настоящему. Ведь они должны были отработать один день на хуторе. Вот они и решили отправиться туда в первое же воскресенье.

— Надо пойти сегодня, — сказал Мадс маме, — а то хозяин леса подумает, что мы и вовсе не придём.

— Конечно, — ответила мама. — Но я думаю, что младшим следует остаться дома.

— Ни за что! — закричали Милли, Мина и Мортен. — У нас тоже есть деревья, мы должны пойти работать!

И дети отправились в путь. Мама стояла на пороге и махала им вслед рукой, а Самоварная Труба сидела на окне, виляла хвостом и жалобно скулила. Ей тоже хотелось пойти вместе с детьми, но её не пустили.

Пока дети шагали по лесу, они громко болтали, но, как только вышли на дорогу, ведущую к хутору, примолкли. Они взялись за руки и шли рядом, хотя дорога была не широкая. На дворе хутора было пусто, и дети в нерешительности остановились.

— Идёмте с заднего крыльца, — предложил Мартин.

— А кто постучит? Я боюсь, — сказала Марта.

— Я не боюсь! — заявил Мортен и кулаком громко постучал в дверь.

— Войдите! — ответили из дома.

Марен открыла дверь, и они попробовали войти сразу все вместе, но застряли в дверях.

— Ого, сколько гостей! — сказал чей-то голос. — Ну заходите, покажитесь!

Мортен, Милли, Мина и Мона ввалились в кухню, за ними вошли остальные и встали как вкопанные. Никто не решался заговорить первый. Хозяева в растерянности глядели то на детей, то друг на друга. Понемногу дети осмелели и заговорили наперебой. Но разобрать, что они говорят, было трудно. Тогда Марен шикнула на них, вышла вперёд и сказала:

— Здравствуйте! Мы пришли, чтобы отработать за наши деревья.

Хозяйка хутора открыла рот от удивления, потому что она ничего не знала ни о деревьях, ни о детях, но хозяин всё объяснил ей.

— Молодцы, — сказал он детям, — умеете держать слово. Это очень хорошо. Анна, ребята будут работать у нас сегодня, приготовь обед на всех.

— Хорошо, Ларс, — сказала Анна, — только что же эти малыши будут делать?

— Сейчас придумаю.

— Тебя зовут Ларс? — спросил Мортен хозяина.

— Да, а мою жену — Анна.

— Мы можем вспахать тебе что-нибудь, — предложил Мадс, — или убрать сено.

— Или подоить коров, — вставила Марта.

— Нет, с осенней вспашкой я уже давно покончил, а сено убрали ещё летом, — сказал Ларс.

— А картошку? Хочешь, мы выкопаем тебе картошку? — сказал Мартин.

— И картошку я уже выкопал. Вот что, вы будете сортировать картошку. Я так спешил, когда убирал её, что свалил всю вместе в погреб. А теперь вы разберёте её на крупную, среднюю и мелкую. Хорошо? Идёмте, я покажу, что вам надо делать.

Все спустились в погреб. Там на полу высилась гора картофеля, а вдоль стен стояли большие ящики. Ларс показал детям, куда складывать крупную картошку, куда среднюю, куда мелкую, и сказал:

— Сделайте сколько сможете, а когда зазвонит колокол, приходите обедать. У меня есть другие дела, так что я оставлю вас одних.

Дети принялись за работу.

— Мы должны сегодня всё сделать, — сказала Марен, — пусть Ларс увидит, что мы честно отрабатываем наши деревья.

Марен и Мартин выбирали самую крупную картошку, Марта и Мадс — среднюю, а Мона, Милли и Мина — мелкую.

Мортен взобрался на гору и играл картошкой. Картофелины были такие забавные! На некоторых были бугры; казалось, у них есть нос, рот, глаза. Мортену очень нравились эти картофелины, не похожие на другие, и он собирал их.

— Ты мой друг, — говорил он картофелине, у которой был нос, рот и уши, и прятал друга к себе в карман. — Ты не бойся, я тебя никому не отдам. Я тебя возьму домой. А сейчас я найду тебе братца!

Мортен поискал и нашёл ещё более удивительную картофелину. У неё были две круглые ножки, потому что случайно срослись вместе три картофелины. Мортен даже засмеялся от радости, когда нашёл её.

— Совсем как человечек! Полежай скорей в карман, там тебя уже ждут!

Хорошо, что у Мортена на комбинезоне было несколько карманов: два сзади, два обычных и один спереди, на груди. Когда все карманы оказались полными, он начал прятать картошку прямо за пазуху.

— Там тоже тепло, — бормотал он себе под нос.

Старшим детям было некогда следить за Мортеном. Они радовались, что он занят игрой и хоть сегодня никуда не убегает. Работали они очень старательно. Постепенно гора картошки уменьшалась, а ящики наполнялись.

Мортену не нравилось, что дети работают так быстро. Смешные картофелины хватали у него прямо из-под носа. Но он заметил одну вещь: самые интересные картофелины были очень крупные. На мелкой и средней картошке не было почти никаких бугров. Она была гладкая и ровная. И Мортен успокоился: если ему не хватит смешных картофелин, он сможет найти их в ящике с крупной картошкой.

Наконец дети услышали приятный звук. Это звонили в большой колокол, который висел на коньке сарая. От колокола тянулась длинная верёвка; за неё-то и дёргала Анна, когда ей нужно было позвать всех к столу.

— Нас зовут! — сказала Марен.

— Бежим скорей! — хором закричали Милли, Мона и Мадс.

Марен повернулась к детям и строго сказала:

— Помните, за столом надо вести себя прилично. Не набрасывайтесь на еду! И идите спокойно, а не как стадо баранов!

Она пошла впереди, не позволяя никому обгонять себя. Дети чинно шли за ней. Мортен плёлся

последним. Он не мог бы идти быстрее, если бы даже и хотел, потому что за пазухой и в карманах у него прыгали картофелины.

Анна встретила детей в дверях:

— Ну как, есть хотите?

— Немного, — сдержанно ответила за всех Марен.

Все закивали головами, а Мортен, придерживая задний карман, даже поклонился, потому что Марен ему особенно строго внушила, что надо вести себя хорошо.

В кухне был накрыт длинный-предлинный стол, так что места хватило всем. Дети сели на скамейку, а Мортен занял место в самом конце стола. Он сел на табуретку, но сейчас же вскочил. Нет, сегодня он не мог нормально сидеть за столом, ведь у него в задних карманах лежали его лучшие друзья! Пришлось Мортену не сидеть, а стоять за столом. Мина находилась ближе всех к нему; дальше, строго по возрасту, сидели все остальные. Таким образом, Марен оказалась от Мортена совсем далеко.

Марен незаметно подмигивала Мортену, хмурила брови, кивала головой, делала ему знаки, но ничего не помогало. Мортен не садился.

Тогда Марен что-то шепнула Мартину, Мартин — Марте, Марта — Мадсу, Мадс — Моне, Мона — Милли, Милли — Мине, а Мина громко сказала Мортену:

— Садись на табуретку, а то ничего не получишь!

Мортен с отчаянием взглянул на Марен. Ему очень хотелось есть. Он просто умрёт от голода, если его оставят без обеда. Он поглядел на Анну. Она сидела на другом конце стола и смотрела на него. И она казалась не такой строгой, как Марен и остальные дети.

— Ты мне дашь поесть, если я буду стоять? — спросил Мортен Анну, и Анна весело кивнула ему.

Марен пожала плечами; она знала, что если на Мортена нашло, с ним бесполезно разговаривать. Но она ему ещё задаст, когда они придут домой!

Анна накладывала на тарелки кашу с тефтелями и поливала её коричневым соусом. Все занялись едой и забыли о Мортене. И Мортен тоже забыл обо всех.

После обеда Ларс сказал:

— Ну, ребята, на этом ваша работа окончена. Спасибо вам за помощь.

— Разве нам не надо больше работать? — удивился Мадс. Он даже немножко испугался.

— Нет, нет, собирайтесь, скоро стемнеет, а вам домой идти лесом, — ответил Ларс.

— Но мы не успели перебрать всю картошку, — огорчённо сказала Марен.

— Это не беда, — утешил её Ларс. — Хотите, я покажу вам хлев?

— Коров? — обрадовалась Милли.

— И коров, и поросят, и лошадей, — сказал Ларс.

Дети поблагодарили за обед и выбежали во двор. Мортен вышел последним, и, когда все исчезли в хлеву, он снова спустился в погреб. Мортен не мог забыть, сколько необыкновенных картофелин попало в ящик с крупной картошкой. Ему очень хотелось найти их. Ящик был высокий, но, к счастью, возле двери стоял чурбак. Мортен подтащил чурбак, влез на ящик и спрыгнул вниз.

Мортен яростно разгребал картошку. Наконец он нашёл картофелину с тремя головами. Это, конечно, был картофельный тролль.

— Король картофельных троллей, — бормотал Мортен, роясь в картошке.

В погребе стало совсем темно. Мортен попытался выбраться из ящика. Но ящик был слишком высокий. Мортен испугался: может быть, все уже осмотрели хлев и ушли домой без него, а ему придётся просидеть в погребе всю ночь?

Мортен громко-громко заплакал. Но в ящике его плач звучал очень страшно, и он замолчал. Ему ничего не оставалось, как сидеть и ждать, пока кто-нибудь не спустится в погреб.

— Вот я и сам стал картошкой, — сказал он.

К счастью, Ларсу захотелось посмотреть, сколько картофеля дети успели перебрать, и он вместе с ними спустился в погреб.

— Я не хочу быть картошкой! — громко закричал Мортен, когда услышал, что кто-то открыл

дверь погреба.

— Что такое? Кто не хочет быть картошкой? — спросил Ларс.

— Я не хочу быть картошкой! А мне никак не вылезти отсюда! — кричал Мортен.

Ларс вытащил его из ящика.

— Я знаю, — всхлипывал Мортен, — это остальные картофельные тролли обиделись, что я не могу взять их с собой, и решили превратить меня самого в картошку.

— Мортен, что ты городишь? — спросила Марен.

Она взяла его на руки и почувствовала какие-то твёрдые бугры у него под свитером. — Что это у тебя такое?

— Мои друзья, — ответил Мортен. — Пусти меня, я их тебе сейчас покажу.

И он начал вытаскивать из карманов картофелины одну за другой. Когда очередь дошла до самой первой картофелины, которую он нашёл, Мортен показал её Ларсу и сказал:

— А это мой самый лучший друг!

— Мортен, сейчас же положи всю картошку на место! — испугалась Марен.

— Не надо, — успокоил её Ларс, — ведь он говорит, что это его друзья. Оставь их себе, Мортен.

На другое утро дети отправились в лес и нашли свои деревья.

— Вот теперь эти деревья по-настоящему наши, — сказала Мона.

— Наши деревья, — сказал Мортен и осторожно погладил свою маленькую ёлочку.

И все деревья, на которых висели дощечки с именами детей, очень обрадовались и благодарно закивали ветвями. Ведь они понимали, что теперь никто их не срубят и они могут расти спокойно. А ведь именно об этом мечтает каждое дерево.

ПАПА И ГРУЗОВИК ГРУСТЯТ

Всем очень нравилось жить в лесу. Всем, кроме папы. В последнее время папа стал какой-то грустный. Он перестал обращать внимание на детей, ходил по дому с озабоченным лицом и был совсем не похож на себя.

С самого первого дня, как вся семья переехала из города в лес, папа пытался поставить в доме телефон. Он писал одно заявление за другим и отсылал их на телефонную станцию. И каждый раз получал ответ, что в ближайшее время ему телефон поставить не могут.

В городе папа прекрасно обходился без телефона. Все, кому нужно было что-нибудь перевезти, легко находили папу. У него всегда было много работы. Но с тех пор как он переехал жить в лес, с работой стало труднее. Никто не хотел ездить за папой в лес, если нужно было что-нибудь перевезти, и люди нанимали других шофёров. Часто случалось, что, когда папа с грузовиком приезжал в город, для них уже не оставалось никакой работы.

Папа и грузовик загрустили; они привыкли работать и не любили стоять без дела. Дети сразу заметили, что папа ходит грустный. Это заметили и мама, и бабушка, и даже Самоварная Труба. Она подошла и ласково лизнула папе руку. Папа погладил её, но было видно, что мысли его заняты чем-то другим. Он вздохнул и сказал:

— Да, если бы у нас был телефон, всё было бы в порядке. Я бы сообщил свой номер всем магазинам и учреждениям, и они звонили бы мне, когда нужно. И у нас с Хенриком снова было бы много работы.

Мысль о Хенрике особенно огорчала папу. Хенрик работал с ним уже больше двух лет и любил грузовик не меньше папы.

Но теперь, когда у папы работы стало слишком мало, он больше не мог платить Хенрику жалованье и должен был отказаться от его помощи. Папа не находил себе места и не знал, как сказать об этом Хенрику. И вот однажды он пошёл к Хюльде, чтобы посоветоваться с ней, как ему быть.

Хюльда молча выслушала папу, а потом сказала:

— Хенрик будет очень огорчён, когда узнает, что ему нельзя больше работать вместе с тобой.

Я тебя очень прошу, не увольняй его ещё несколько дней. У меня есть один план, но пока я тебе ничего не могу сказать.

Папа не знал, что за план был у Хюльды, но обещал ей ещё несколько дней поработать вместе с Хенриком.

Хюльда была не из тех, кто помогает горю слезами. На другой день она отправилась на телефонную станцию и не ушла оттуда до тех пор, пока её не пропустили к самому главному начальнику.

В кабинете начальника она уселась на стул и рассказала ему про папу, маму, восемь детей и домик в лесу, а также про Хенрика и про себя. А когда Хюльда начинала рассказывать, остановить её было невозможно.

Наконец начальнику телефонной станции удалось заговорить:

— Я попрошу, чтобы мне принесли соответствующие бумаги, и через несколько

дней сообщу вам, как обстоят дела.

— Что вы! — воскликнула возмущённая Хюльда. — Это дело пяти минут! Вы прекрасно можете посмотреть эти бумаги и сейчас, при мне! Да я и не уйду, пока вы этого не сделаете!

Пришлось начальнику телефонной станции прочесть все папины заявления. Он долго изучал их, потом взглянул на Хюльду и сказал:

— Хорошо, я обещаю вам, что мы поставим ему телефон.

— Этого мало, — грозно заявила Хюльда, — вы должны поставить его немедленно! — И она так решительно тряхнула головой, что шляпка съехала ей на нос.

Два дня прошли без перемен. Папа по-прежнему ездил в город и, как обещал Хюльде, ничего не говорил Хенрику о предстоящем увольнении. И вот на третий день, когда папа, как обычно, уехал в город, к маме явились двое рабочих с ящиками в руках и сказали, что они должны провести в дом телефон.

Мама, бабушка и дети очень обрадовались. Дети прыгали и кричали:

— У нас будет телефон, телефон, телефон!

А потом они договорились ничего не рассказывать папе, пока проводка не будет закончена. На это ушло несколько дней, потому что телефонный кабель тянули от самого Тириллтопена.

С каждым днём рабочие подходили к дому всё ближе и ближе. И вот в кухне на столе появился новенький телефонный аппарат. Рабочие написали на нём номер, сказали, что через несколько минут позвонят, чтобы проверить, как работает телефон, и ушли.

Папы и в этот день не было дома. Мама, бабушка и дети сели возле телефона и ждали, когда он зазвонит. Детям не хотелось уходить в школу, не услышав первого звонка их красивого нового телефона. Но вот наконец раздался звонок, и дети решили, что у их телефона очень приятный голос.

— К папиному приходу надо что-то придумать, — сказала мама. — Давайте сделаем так: я накрою телефон салфеткой, папа его не заметит, а вы попросите кого-нибудь в школе, чтобы нам позвонили после занятий.

— Я попрошу Уле-Александра! Ладно, мама? Пусть он нам позвонит! — закричал Мадс.

— Чудесно! Только не забудь, — предупредила его мама.

В этот день дети что есть мочи бежали домой из школы. Они очень боялись пропустить момент, когда Уле-Александр будет звонить папе.

Папа вернулся домой к обеду. Он был очень грустный. Сегодня у него не было почти никакой работы. Папа не знал, что делать дальше. А мама и дети были веселы, как никогда. Папа видел, что они с трудом сдерживают смех, но даже не поинтересовался, в чём дело.

Мама позвала всех к столу. Дети не могли есть от волнения. Они сидели и ждали звонка.

И вот наконец телефон зазвонил!

— Что это такое? — удивился папа. — Бабушка, зачем ты завела свой будильник? Ты боялась проспать обед?

— Мой будильник здесь ни при чём, — оскорблённо заявила бабушка.

Телефон снова зазвонил. Тогда мама встала, подошла к телефону, сняла с него салфетку, взяла трубку и спокойно сказала:

— Алло! Вас слушают! — Потом она невозмутимо протянула трубку папе: — Тебя к телефону!

Папа, ничего не понимая, переводил взгляд с одного на другого. Затем он вскочил, опрокинул тарелку с супом и бросился к телефону.

Мама, бабушка и дети хохотали во всё горло.

Папа сразу стал такой же весёлый, как и прежде. Он подхватил маму на руки и закружил её по кухне. Потом он кружил бабушку и всех детей по очереди. Даже Самоварной Трубе и той пришлось пролететь несколько кругов по воздуху.

— Теперь дела пойдут, — сказал папа, усевшись возле телефона и не спуская с него глаз. — Теперь нас с Хенриком завалят работой! Завтра я объеду всех и всюду сообщу номер нашего телефона.

— А как ты думаешь, почему нам так быстро поставили телефон? — спросила его мама.

В это время дверь распахнулась, и на пороге появились Хенрик и Хюльда. Хюльда кивнула головой в знак приветствия и спросила:

— Не разрешите ли вы мне воспользоваться вашим телефоном? Мне необходимо срочно позвонить в город.

— Да, да, пожалуйста! Садись вот сюда! — засуетился папа.

— Большое спасибо! — сказала Хюльда. — Это просто чудо, что вам так повезло! В наше время почти невозможно получить телефон, а вам провели его прямо в лес!

КАНИКУЛЫ В ХЛЕВУ

МЕЧТЫ

Бабушка сидела и читала газету. В газете было написано, что до Пасхи осталось всего две недели. Две недели до весенних школьных каникул. Через две недели все норвежцы, и большие и маленькие, наденут рюкзаки, возьмут лыжи и отправятся в горы.

Поэтому страницы газет пестрели рекламами.

«ПОРА ПОЗАБОТИТЬСЯ О ПАСХАЛЬНОЙ ПОЕЗДКЕ В ГОРЫ», — призывала одна реклама, «В ПОРЯДКЕ ЛИ ВАШИ ЛЫЖНЫЕ КОСТЮМЫ?» — спрашивала другая. «НИЧТО НЕ МОЖЕТ СРАВНИТЬСЯ С ГОРНЫМ ВОЗДУХОМ В ВЕСЕННЕЕ ВРЕМЯ ГОДА», — сообщала третья. «В ГОРАХ ВЫ ПРИОБРЕТЕТЕ ЗДОРОВЬЕ И СИЛЫ», — гласила четвёртая.

— Ах-ах, сколько хороших вещей можно приобрести разом, — вздохнула бабушка. — И горный воздух, и здоровье, и силы...

Бабушка задумалась, вспоминая те времена, когда она работала коровницей.

...Каждую весну они перегоняли коров на горные пастбища и оставались там до самой осени. Но они поднимались в горы, когда трава была уже зелёной. Ах, как красиво было в горах! Бабушка даже улыбнулась, вспомнив горы. Такого лёгкого прозрачного воздуха нет больше нигде. И бабушка вдруг с удивлением подумала, что она бывала в горах только летом и ни разу зимой. А ведь, наверно, горные вершины, покрытые снегом, и заснеженные долины не менее красивы?

— Да что я, с ума сошла, что ли? — спросила вслух бабушка. — Размечталась, будто собираюсь на Пасху в горы! Совсем, видно, рехнулась.

Но сколько она ни уговаривала себя, даже бранила, ничего не помогало. С каждой минутой ей всё больше и больше хотелось увидеть свои родные горы в снежном одеянии.

— Пустые мечты, — снова сказала бабушка.

— Бабушка, с кем ты разговариваешь? — спросил Мадс, который готовил на кухне уроки и через открытую дверь хорошо слышал всё, что она говорила.

Но бабушка быстро закрыла глаза и притворилась спящей, она даже тихонько захрапела. Ей очень не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, о чём она думает.

Мама укладывала спать малышей; старшие работали в сарае вместе с папой. Мадс был на кухне один. Он на цыпочках подкрался к бабушкиной двери и заглянул в её комнату. Бабушка снова захрапела, глаза её были закрыты. Мадс тихонько вернулся на своё место.

Когда папа и остальные дети пришли домой, Мадс зашикал на них, чтобы они не шумели, и сказал:

— Бабушка спит, она говорит во сне какие-то странные вещи. Тише, не будите её!

Бабушка улыбнулась и открыла глаза: ей уже надоело сидеть зажмурившись. Но сейчас же с новой силой на неё нахлынули мечты о горах. Почему-то ей пришло в голову, что у папы есть лишняя пара брюк, которые она могла бы надеть. Ведь ходить по горам на лыжах в юбке неудобно и холодно. Бабушка до того отчётливо представила себе, как она идёт на лыжах, да ещё в папиных брюках, что громко засмеялась и сказала:

— А вот и дама в брюках!

Мадс сделал всем знак молчать и снова на цыпочках подкрался к бабушкиной двери. На этот раз бабушка не заметила ни Мадса, ни того, что снова заговорила вслух. Она просто продолжала мечтать.

— Интересно, сумею ли я взобраться на самую вершину? — громко говорила бабушка, вообразив себя на лыжной прогулке.

Ей казалось, что перед ней высокая гора.

— Нет, лучше вернуться. Боюсь, начнётся буран. Надо скорей возвращаться домой... А где же я живу? — спросила вдруг она.

Мадс очень испугался. Бабушка сидела совершенно одна с открытыми глазами и говорила, говорила... А главное, она, оказывается, забыла, где живёт!

— Бабушка заболела! — сказал он, возвращаясь на кухню.

— Она говорит сама с собой! — испугалась Марта.

— Не только говорит. Она теперь даже не знает, где живёт!

— Давайте вести себя так, чтобы она не догадалась о том, что мы что-то заметили. Будем во всём с ней соглашаться, — сказал детям папа. — Я думаю, это скоро пройдёт.

Едва он умолк, бабушка заглянула в кухню и спросила:

— Вы пьёте кофе?

— Одну минуточку! — Папа побежал к плите, уронив по пути газету, быстро развёл огонь и поставил кофейник. Он проделал всё это молниеносно; бабушка и глазом не успела моргнуть. — Прошу к столу, — пригласил он бабушку. — Кофе сейчас будет готов. Вот тебе чашка, вот блюдце, вот сахар, вот молоко. Хочешь печенья?

Бабушка склонила голову набок и удивлённо посмотрела на папу.

— Ты что, болен? — спросила она.

Папа всегда очень хорошо относился к бабушке, но сегодня... Так он ещё никогда не суеился вокруг неё.

— Я-то здоров, — ответил папа. — Думаю, и тебе станет лучше после чашечки кофе.

Бабушка разинула рот от удивления и уставилась на папу. Ей станет лучше! А разве она больна? Бабушка убежала к себе в каморку и нашла маленькое зеркальце. Она исследовала своё горло, внимательно осмотрела глаза, но не могла найти ни малейших признаков болезни. Правда, у неё был немного испуганный вид, но ведь папа действительно напугал её!

— Пойду на кухню, — решила бабушка, — надо поглядеть, может, я и детям кажусь подозрительной.

Так и оказалось. Едва бабушка появилась на кухне, к ней подбежала Марта и взяла её за руку.

— Идём, бабушка, я помогу тебе сесть! — сказала она.

Бабушка остановилась как вкопанная.

— Я и сама в состоянии дойти до своего стула! Что это за игру вы затеяли? — сердито спросила она.

— Садись, пожалуйста, бабушка, вот твой кофе! — сказал папа, наливая ей полную чашку.

— Спасибо за приглашение. А разве ты сам пить не будешь?

— Ну, если ты так хочешь, я выпью, — ответил папа.

— По-моему, не я, а ты должен решать, хочется ли тебе кофе! — рассердилась бабушка.

— Нет, папа сказал, что мы должны делать всё, что ты захочешь, — объяснил ей Мадс.

— Ах вот что! А почему?

Дети молчали. Бабушка посмотрела на папу. Он нежно улыбнулся ей.

— Ну что ж! — сказала бабушка. — Это мне подходит. Тогда слушайте все, чего мне хочется. Мне хочется поехать на Пасху в горы, только не одной, а вместе со всеми вами.

Сказав это, бабушка взяла чашку с кофе и удалилась в свою каморку, но дверь за собой приотворила неплотно: ей хотелось узнать, что скажут папа и дети. А они сидели молча и смотрели друг на друга. Сверху спустилась мама; дети шёпотом объяснили ей, в чём дело. Но мама несколько не испугалась, она захохотала, и от смеха у неё потекли слезы: вот так бабушка — всегда что-нибудь придумает. По правде говоря, маме тоже хотелось хоть разок съездить на Пасху в горы, но она даже заговорить об этом не смела.

— Да перестань же ты смеяться! — рассердился папа. — Ничего смешного нет. Если бабушка нездорова, мы должны сделать всё, чтобы она поправилась. Но исполнить такое безумное желание мы просто не в силах.

— Да, конечно, — разочарованно вздохнула мама.

Папа с удивлением взглянул на неё. Может, мама уже заразилась от бабушки? Может, ей тоже хочется поехать на Пасху в горы?

Папа посмотрел на детей. И у них были какие-то подозрительные лица. Папе вдруг показалось, что и детям захотелось в горы. Он схватил куртку и выбежал во двор. Он должен был немного побыть один. О серьёзных вещах папа любил думать в одиночестве.

Он ходил вокруг берёзы и думал, думал, думал... Он бормотал что-то себе под нос и снова думал. Он думал так долго, что за это время даже старшим детям пришлось лечь спать.

Уже в постели Марен сказала:

— Подумай, Марта, а что, если и правда...

— Да я всё время только об этом и думаю, — вздохнула Марта.

— Ведь мы никогда не бывали в горах, — продолжала Марен, — и даже не знаем, что это такое.

— Мне кажется, что горы прекраснее всего на свете, — прошептала Марта.

— Я не верю, что бабушка больна, — сказала Марен.

— По-моему, она совершенно здорова, — согласилась Марта.

После некоторого молчания Марен сказала:

— Нет, о горах нечего и думать!

— Может быть, и нечего, но я всё равно уже не могу не думать, — ответила Марта.

САМОВАРНОЙ ТРУБЕ ШЬЮТ СПАЛЬНЫЙ МЕШОК

Уже не первый вечер папа ходил вокруг берёзы и о чём-то думал. Не так-то легко сообразить, где же могут поселиться в горах сразу одиннадцать человек! Жить в гостинице — не по карману. Это папа знал твёрдо. Нужно иметь очень много денег, чтобы снять номер в гостинице на троих взрослых, восьмерых детей и одну Самоварную Трубу! Необходимо придумать что-то другое. Снять в горах домик было уже поздно. Пасхальные каникулы на носу.

Сначала бабушке казалось, что все над ней смеются. Но скоро она убедилась, что это совсем не так. Однажды дети пришли к ней в каморку и попросили рассказать про горы.

— Но ведь я видела горы только летом, — сказала бабушка.

— Вот и расскажи. Какие они? — спросила Милли.

— Ну, слушайте, — сказала бабушка. — Горы — это громадные скалы, долины, высокие вершины и снова долины. Горы громоздятся друг на друга; одни из них побольше, другие поменьше. Можно идти много-много дней, и всё равно не увидишь ничего, кроме горных вершин, горных долин и неба. Только в горах поймёшь, как хорош настоящий горный воздух...

В комнату вошла мама. Когда она была маленькая, она жила в горах вместе с бабушкой. Но это было так давно! Теперь маме не меньше, чем бабушке, захотелось снова поехать в горы.

Вернувшись с работы, папа застал всех у бабушки. Он сразу понял, о чём они беседуют, и у него на лице мелькнуло отчаяние. Ведь он и сегодня целый день думал, думал, но так ничего и не смог придумать. Весь обед он просидел молча, не поднимая глаз от тарелки.

— Кажется, я знаю, что надо сделать, — пробормотала бабушка себе под нос после обеда, ушла в свою каморку и закрыла дверь на крючок.

Там она села за стол и написала письмо своему прежнему хозяину, у которого она много лет работала коровницей. Она писала:

«Я хочу спросить, не сдадите ли вы нам свою сыроварню на эту Пасху. Это для меня, ещё для двоих взрослых и восьмерых детей — они мои внуки. Они никогда в жизни не видели гор. Я живу хорошо, чего и вам желаю».

На другой день она попросила детей по пути в школу отправить письмо, но ничего не говорить про него ни папе, ни маме.

Прошло несколько дней. Бабушка с нетерпением ждала почту.

— Наверно, я так и не получу ответа, — вздохнула однажды бабушка, но в тот же день ей наконец пришло письмо.

Бабушка схватила его и убежала к себе в каморку. Потом она снова вернулась на кухню. Она так смеялась, что очки прыгали у неё на носу.

— Чего ты развеселилась? — спросила мама.

— Теперь я знаю, где нам жить в горах во время каникул, — радостно сообщила бабушка. —

Но должна предупредить вас: это не совсем обычный дом.

— Это гостиница? — спросила Марен.

— Нет, таких денег у нас нету, — улыбнулась бабушка.

— Какой-нибудь горный домик? — спросила мама.

— Ну, не совсем домик.

— Неужели это твоя старая сыроварня, где ты так долго работала?! — воскликнула мама.

— Вроде того, — загадочно ответила бабушка, — хотя и не самая сыроварня. Она уже занята. В ней будут жить мои прежние хозяева и их гости. Но они предложили нам свой летний хлев. Коров в нём давно не держат. Он утеплён, там настелен пол и поставлена печь, на которой можно готовить. Ну как, вам нравится?

— Мы будем жить в хлеву? — обрадовалась Милли. — Тогда мы будем играть, будто мы — коровы, а бабушка — наша коровница!

— Мы поедем в горы и будем жить в хлеву! — запела Мина.

— Му-у! — замычал Мортен, стараясь мычать басом.

— Но где же мы будем спать? — беспокоилась мама. — Ведь в хлеву есть только стойла.

— Даже не знаю, наверное, в стойлах, — сказала бабушка. — Они пишут, что уже два года не пользовались хлевом. Теперь они больше не гоняют коров в горы на всё лето, но я думаю, что хоть немного соломы там найдётся.

Мама взглянула сначала на детей, потом на бабушку и наконец на папу.

— Му-у-у! — грозно замычал папа.

— Совсем как наш страшный бык, — засмеялась бабушка.

Больше папа уже не мог сдерживаться. Он захохотал так, что чуть не упал на бабушку.

— Ай да бабушка, другой такой не сыщешь! — хохотал он. — Слушайте, дети, если ваша старая бабушка считает, что она может спать в стойле, так неужели и мы с вами не сможем?

— Я смогу, — твёрдо сказала Мона.

— Я тоже, — поддержал её папа. — У нас есть грузовик, мы захватим с собой много одеял, и никто не замёрзнет.

Он о чём-то пошептался с мамой, и мама кивнула ему в ответ.

Вечером она велела детям принести свои одеяла и поставила на стол старую швейную машину. Раз-два — и все одеяла превратились в большие мешки.

— Зачем это? — спросила Мона.

— В этих мешках мы будем спать, — ответила мама. — Слушай, отец, ты, кажется, собирался купить новый брезент для кузова?

— Я-то собирался, но боюсь, что, если мы поедем в горы, у нас не хватит денег на новый брезент.

— Не беспокойся: мы потратим денег не больше, чем дома, — успокоила его мама. — Есть нам всё равно надо, где бы мы ни жили. Поездка на грузовике стоит недорого, ну а хлев, как говорит бабушка, нам дают бесплатно. Ты купи новый брезент, а старый отдай мне.

Мама разрезала старый брезент на куски, обшила ими одеяла, и получились настоящие спальные мешки. А потом из разных лоскутков мама сшила ещё один узкий и длинный мешок. Это был спальный мешок для Самоварной Трубы. Самоварная Труба была такая любопытная, что сразу же влезла в него. И все увидели, что мешок ей как раз впору.

ВСЕ ЕДУТ В ГОРЫ

Папа не находил себе места от беспокойства. Он решил всё-таки съездить и посмотреть хлев, в котором им предстояло жить в горах. Он знал, что легко перенесёт любые неудобства, но ведь вместе с ним все эти неудобства придётся терпеть и маме, и бабушке, и детям. Нет, он должен был всё проверить и приготовить заранее.

А тут папу как раз попросили отвезти груз в посёлок, который оказался недалеко от того места, куда они собирались ехать на каникулы. Вместе с папой в горы поехал и Хенрик.

Папа вернулся домой сияющий.

— К нашему приезду всё готово! — объявил он.

— Мы поедем сразу, как только кончатся занятия в школе, да, папа? — спросила Марен.

— Конечно! Вам даже не придётся возвращаться домой. Мы с грузовиком будем ждать вас возле школы.

— А ты мне одолжишь свои старые лыжные штаны, отец? — робко спросила бабушка.

— Конечно, бери их, — засмеялся папа.

— Вот смешно будет посмотреть на бабушку в лыжных штанах! — закричали дети.

— Ничего тут нет смешного, — сказала бабушка, — и кроме того, я сверху надена юбку...

А сколько забот и хлопот было у всех перед отъездом! Нужно было уложить рюкзаки, связать лыжи, запастись провизией...

Мама, бабушка и дети упаковывали вещи, а папа что-то мастерил в сарае. Он взял пару старых широких лыж и приколотил к ним сверху большой длинный ящик. В ящике он сделал четыре сиденья.

— Зачем это? — спросила Мона.

— Вот приедем в горы, тогда узнаешь, — ответил папа.

В субботу старшие дети пошли в школу в спортивных костюмах. Папа, как обычно, уехал утром в город, но в этот день он отсутствовал недолго. В час дня он вернулся домой вместе с Хюльдой и Хенриком, которые должны были пожить в их доме.

Оставалось только уложить малышей в спальные мешки и погрузить в кузов. Грузовик был покрыт новым брезентом, так что в кузове было не очень холодно. Хенрик поехал вместе с ними до школы. А Хюльда стояла на крыльце домика и махала им вслед.

Когда грузовик остановился перед школой, возле него столпилось множество детей. Все спрашивали, куда они едут, и гордые путешественники отвечали так, словно это была для них самая

обычная вещь:

— Мы едем в горы.

Хенрик слез с грузовика и взял четыре ранца, которые он должен был отнести домой. Два он повесил себе на грудь, два — на спину и зашагал к дому. А дети влезли в кузов, и грузовик тронулся в путь.

Дети махали на прощание и Хенрику, и своим школьным друзьям, но вскоре мама спустила брезент, чтобы не дуло. В кузове сразу стало темно, и в этой уютной темноте восемь детей ехали до самых гор, которых они не видели никогда в жизни.

Папа и мама уложили в кузове восемь матрасов, так что детям было мягко и удобно. Когда они устали сидеть, они забрались в свои спальные мешки и спокойно заснули. А грузовик всё ехал и ехал вперёд, подпрыгивая на ухабах. Каждый раз, когда кто-нибудь из детей просыпался, мама наливала ему из термоса горячего какао. И детям очень нравилось такое путешествие.

Путь был не близкий. Сначала они долго ехали по долине, и только к самому вечеру грузовик свернул на дорогу, ведущую вверх, в горы. Бабушка сидела в кабине рядом с папой. Ей очень хотелось видеть все места, которые они проезжали. Вечером, правда, стало темно, но потом взошёл месяц, осветив сначала одну вершину, затем другую, и наконец засверкала вся окрестность. Бабушка смотрела во все глаза, она притихла и задумалась.

Она вспоминала летние месяцы, проведённые здесь, в горах. И когда папа неожиданно остановил грузовик, она даже вздрогнула.

— Разве мы уже доехали до сыроварни?

— Ну, до самой сыроварни на грузовике не доедешь, дороги нет. Мы оставим грузовик здесь и дальше пойдём на лыжах.

Гуськом поднялись они к сыроварне; окно сыроварни приветливо подмигивало в сумерках.

— Смотрите, они приехали сюда раньше нас! — воскликнула бабушка.

— Это хорошо. Они обещали протопить в хлеву к нашему приезду, так что мёрзнуть нам не придётся, — сказал папа.

— Как интересно! — радовалась Марта. — Скоро мы увидим наши стойла, Мадс!

Мадс молча кивнул ей; ему тоже не терпелось узнать, что значит спать в стойле.

— А ты приготовил керосиновую лампу? — забеспокоилась мама.

— Всё в порядке, — успокоил её папа. — Я войду первый и зажгу свет, а когда крикну — впустишь ко мне всё стадо.

Он скрылся в хлеву и через несколько минут громко позвал:

— Идите ко мне, бурёнушки, я вам дам соломушки!

Дети осторожно, один за другим, вошли в хлев. Внутри было светло, тепло и чисто. По проходу была положена домотканая дорожка. По обе стороны от прохода были стойла. Они были устланы досками, на которых лежало много-много соломы.

— Вот здесь мы и будем спать, — сказала Мона.

А когда дети присмотрелись получше, то увидели, что над каждым стойлом прибиты дощечки с именами. «Марта и Марен» — было написано на одной дощечке. «Мартин и Мадс» — на другой, «Мона и Мортен» — на третьей, «Милли и Мина» — на четвёртой, «Бабушка и Самоварная Труба» — на пятой.

— Дети будут спать по двое в каждом стойле. Мама займёт одна целое стойло у печки и будет нашим главным истопником. А я лягу в стойле возле окна, — распорядился папа.

— Как раз это стойло занимал наш бык, — сказала бабушка.

Когда все улеглись, бабушка обошла детей и дала каждому по яблоку, которые она припрятала у себя в рюкзаке.

— Это бабушка играет, как будто мы коровы, — шепнула Мона Мортену, и Мортен громко замычал. Вдруг страшное и грозное мычанье раздалось в том стойле, где стоял бык.

— Тру-у-у-убка! Я забыл дома свою трубку!

— Не волнуйся, она у меня в мешке, — сказала бабушка и дала папе его трубку. В стойле стало тихо. — Как хорошо здесь пахнет хлевом! — вздохнула счастливая бабушка.

Потрескивая, горели дрова в маленькой печке. Все окна были закрыты.
— Ну, а теперь — спать! — сказал папа, и в хлеву воцарилась полная тишина.
Все устали после долгого путешествия и быстро уснули.

БАБУШКИНЫ ГОРЫ

Дольше всех не спала печка. Она весело потрескивала, пожирая сухие еловые поленья, которыми её, не скупясь, наполнила мама. Но поленья превращались в угли, а угли — в золу, и постепенно печь стала засыпать. Как только погасли последние угольки, тепло мгновенно улетучилось из старого хлева.

В середине ночи папа проснулся, дрожа от холода. Он порывлся в мешке и достал свитер. В свитере он быстро согрелся. Папа посмотрел на детей. Они съёжились во сне, и было видно, что им тоже холодно. Как бы они не простудились! Надо и на них надеть тёплые вещи. Папа отыскал в рюкзаках свитера, фуфайки и шапки. Никто из детей даже не проснулся, пока папа натягивал на них тёплую одежду. У бабушки в рюкзаке папа обнаружил две тёплые шали. Видно, бабушка захватила их с собой, чтобы нарядиться, когда пойдёт в гости к своим бывшим хозяевам.

Папа укрыл одной шалью бабушку, а другой — маму. Теперь он мог снова спокойно залезть в свой спальный мешок и заснуть.

Утром дети с удивлением рассматривали друг друга. На всех были надеты кофты, свитера, шапки. На Мортене был новый великолепный свитер Марен, связанный специально для лыж. Свитер был такой большой, а Мортен — такой маленький, что казалось, будто на него надели платье. На Мартина был натянут свитер Милли, который был ему так узок, что бедный Мартин не мог даже рукой пошевелить.

Бабушка ещё не проснулась, но, когда все посмотрели на неё, никто не мог удержаться от смеха: на бабушке была красная шапочка Мортена и кисточка свешивалась бабушке прямо на нос. Бабушка походила на старого спящего гнома.

От громкого смеха проснулась мама и села у себя в стойле. Папа тоже сел и замахал на детей руками, чтобы они не шумели. Вдруг бабушка забормотала во сне:

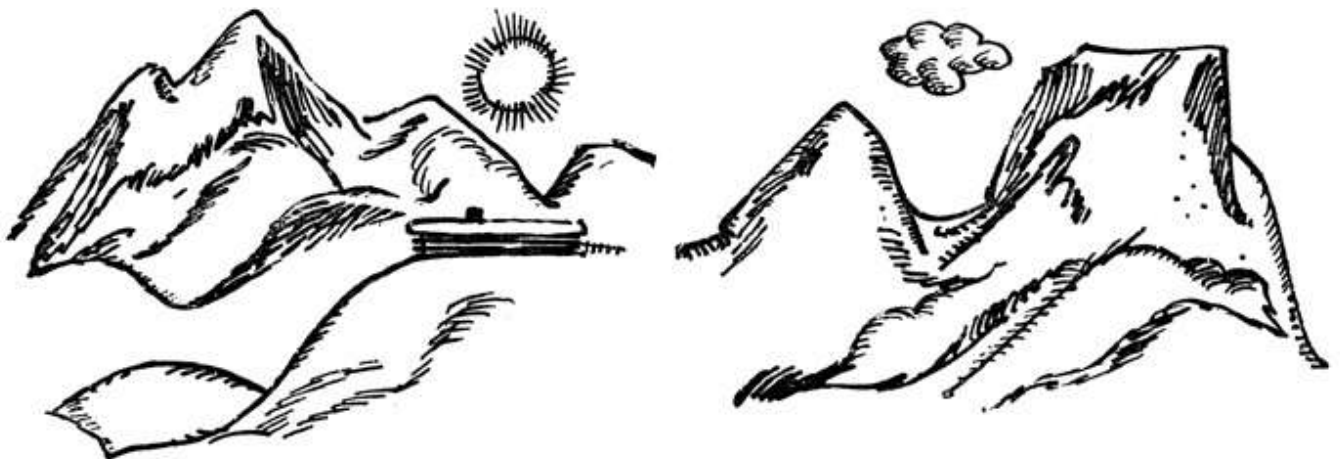
— Успокойся ты наконец, проклятый бык?

Ей приснилось, что она снова стала коровницей и успокаивает разбушевавшегося быка.

Тут все захохотали ещё громче. Бабушка проснулась и с удивлением оглянулась вокруг. Спальный мешок Самоварной Трубы, сшитый из лоскутков, тоже тихонько зашевелился; сначала из него высунулась голова, а потом и вся Самоварная Труба выскочила на пол.

— Лежите смирно в своих стойлах, пока я не разведу огонь! — распорядился папа.

Мама, бабушка и дети лежали и смотрели на папу. Работать он умел — в этом никто не сомневался. Сначала он занялся печкой: наложил в неё дров, немного поговорил с ней, и дрова разгорелись. Они трещали в печке дружно и весело. Потом папа взял ведро и пошёл за водой. Вернувшись, он снял с плиты конфорку и поставил на огонь чайник и кастрюльку. Папа сварил на завтрак какао и одиннадцать яиц.

Пока папа готовил завтрак, дети затеяли возню в своих стойлах. Им надоело лежать.

— Папа, можно мы встанем? — не выдержала наконец Мона.

— Ещё нельзя! — строго ответил папа.

— А если нам очень нужно? — спросила Милли.

— Папа, ведь нам не надо даже одеваться, надо только вылезти из спальных мешков, и всё, — сказала Мона.

Ей очень нравилось жить в хлеву, потому что вечером не нужно было раздеваться, а утром — одеваться.

— А ноги обуть! — забеспокоилась мама. — Надевайте сразу лыжные ботинки!

— Не волнуйся! — успокоил её папа. — Я захватил свои старые сапоги. Они могут надевать их по очереди.

— Чур, первая! — крикнула Мина.

Она прыгнула на пол и влезла в папины сапоги. Они были такие большие, что она просто утонула в них и с трудом перешагнула через порог. Когда она вернулась, пошла Милли, а потом по порядку все остальные.

— Какие-то они странные, твои горы, бабушка, — сказала Милли. — Я ничего не увидела.

— Я тоже, ни одной горной вершины. И вообще ничего не видно. — Марта была разочарована.

Когда бабушка дома рассказывала им про горы, Марта очень хорошо их себе представляла. А здесь оказалось всё не так. Бабушка даже расстроилась: как это ничего не видно? Теперь ещё, чего доброго, дети подумают, что она всё выдумала...

Бабушка тоже влезла в папины сапоги и вышла за дверь. Горы окутывала густая мгла, снежные хлопья носились в воздухе, и действительно ничего не было видно.

— Да просто мгла ещё не рассеялась, — сказала мама бабушке, чтобы утешить её, и тут же перевела разговор на другую тему: — А как мы будем есть? Ведь здесь нет даже стола.

— Это наш с Хенриком секрет. Мы с ним кое-что изобрели. — Папа подёргал какие-то верёвки, свисавшие с потолка. — Стол, появись! — крикнул он, и сверху спустились две длинные доски. Они тянулись черед весь хлев, и, не выходя из своих стойл, дети оказались за самым необычным столом на свете.

После завтрака мама убрала со стола посуду, папа поднял его к потолку, и в хлеву снова стало просторно.

Потом все дружно занялись уборкой. Марта, Мадс и Мона застлали в стойлах постели. Мама, Марен и Милли вымыли посуду. Бабушка подмела пол и вытрясла дорожку. Мартин надел на малышей лыжные ботинки.

Но настроение у детей всё-таки было неважное.

— А что, если мгла никогда не рассеется? Мы так ничего и не увидим? — спросил Мартин.

— Во мгле легко заблудиться! — сказала Марта.

— И к тому же мы не загорим! — добавила Марен.

Бабушка расстроилась ещё больше. Она была уверена, что детям очень понравятся горы. Но как может понравиться то, чего ты никак не можешь увидеть? Огорчённая бабушка выглянула в окошко, лицо её сразу же прояснилось, и она позвала детей на улицу.

Все вышли из хлева и остолбенели. Мгла рассеялась, снежные хлопья куда-то пропали, и перед детьми предстали горы, которых они не видели ещё никогда в жизни.

Куда бы они ни взглянули — они видели бескрайние снежные просторы и высокие вершины. Дети притихли, а бабушка здоровалась с каждой вершиной.

— Здравствуй, здравствуй, — говорила она, — все здравствуйте! Как хорошо, что вы все на месте...

Горы молчали, но бабушка знала, что они её понимают и отвечают ей:

«Здравствуй, бабушка, добро пожаловать к нам обратно!»

ДАЛЬНЯЯ ПРОГУЛКА

— Сегодня мы все отправимся на дальнюю прогулку, — сказал папа на другой день. — Я хочу подняться вон на ту вершину!

— Так далеко? — удивилась мама. — Тогда мне с малышами, пожалуй, лучше остаться дома.

— Нет, пойдём все вместе, — решительно заявил папа.

— Ну мне-то уж такая прогулка никак не под силу, — сказала бабушка.

— И ты тоже пойдёшь, — твёрдо заявил папа.

— Нет! Нет! Конечно, я ещё не совсем развалина, но этой вершины мне всё-таки не одолеть, — вздохнула бабушка.

— Прекрасно одолеешь! Ты только оденься потеплее и приготовь корзинку бутербродов. Больше от тебя ничего не требуется! — засмеялся папа.

Бабушка была совсем сбита с толку. Одно она понимала совершенно ясно: ей ни за что не подняться на лыжах на эту гору. Бабушка терпеть не могла ходить на лыжах в гору. У неё начиналась одышка, а лыжи скользили назад. Нет, это не доставит ей ни малейшего удовольствия.

Бабушка решила схитрить: она пойдёт вместе со всеми, а потом потихоньку повернёт домой. Хотя, конечно, ей было досадно, что она не может подняться вместе со всеми на вершину горы. Ведь она лучше всех знала, какой красивый вид открывается с той вершины!

— А Самоварная Труба пойдёт с нами — ведь у неё нет лыж? — спросила Мона.

— Обязательно, — ответил папа. — У нашей Самоварной Трубы такие короткие ножки, что она почти ползёт по земле. Вы представьте себе, как ей будет приятно подняться на вершину и посмотреть оттуда на мир сверху вниз!

Мама только пожимала плечами и что-то бормотала себе под нос. Она совсем не понимала папу. Мало того, что он тянет за собой бабушку, ему ещё и Самоварная Труба понадобилась! А папа так спешил со сборами, что ни малейшего внимания не обратил на мамино недоумение. Он выбежал из хлева, взял большой ящик, приколотенный к лыжам, и привязал к нему четыре верёвки. Две спереди и две по бокам. В ящик папа бросил спальные мешки. Теперь ему оставалось только надеть лыжи, и он был готов. Папа постучал в дверь хлева и грозно спросил, долго ли они ещё собираются там копаться.

Первой вышла мама; она несла большой рюкзак с едой.

— Клади его сюда. — Папа показал на ящик.

— Не стоит тащить с собой наверх всё это сооружение из-за одного рюкзака, — заметила мама.

— Делай, что я говорю. Посмотришь, как хорошо я всё придумал, — ответил папа.

Из хлева гурьбой высыпали дети и бабушка — совсем как стадо коров.

— Надеть лыжи! Приготовиться к старту! — скомандовал папа.

Первой бежала Самоварная Труба. За ней — Мортен. Он был очень возбуждён и бежал быстро-быстро. Мина еле поспевала за ним. За Миной шла бабушка. Бабушка хотела идти самой последней, чтобы потом незаметно повернуть домой, но папа скомандовал, чтобы она следовала за Миной, и бабушке пришлось подчиниться. За бабушкой шагала Милли, а дальше — остальные дети и мама. Шествие замыкал папа со своими санями, сделанными из ящика и пары лыж.

Погода была великолепная. Лыжи скользили легко и быстро. Даже бабушка должна была признаться, что идти нетрудно. Правда, подъём в гору ещё не начался. Всем казалось, что вершина, на которую они держат путь, совсем недалеко, но они шли, шли и шли, а она всё не приближалась.

Мадс не спускал глаз с Самоварной Трубы: она бежала, поджимая то одну, то другую лапку. Наконец она просто легла на снег и молча посмотрела на папу, маму и детей.

— У Самоварной Трубы замёрзли лапки! — закричал Мадс. — Папа, ты должен сейчас же вернуться: она не может идти дальше!

— Иди ко мне, Самоварная Труба! — поманил её папа.

Он поднял её и посадил в свои самодельные сани. Там лежали спальные мешки, и Самоварная Труба устроилась очень уютно. Она с благодарностью взглянула на папу и стала любоваться прекрасным горным ландшафтом.

Мортен видел, как Самоварная Труба бежала на трёх лапках.

Он поджал ногу и запрыгал вперёд на одной лыже. Это было не так-то просто, но он всё-таки умудрился сделать несколько прыжков, а потом лёг прямо на снег.

— У меня тоже замёрзли лапки, — сказал он. — Я не могу идти дальше.

— Ну что ж, полезай сюда. — Папа снял с Мортена лыжи и посадил его в сани, а лыжи привязал к саням сверху.

Дальше некоторое время все шли молча. Ноги привыкли к ходьбе и двигались как бы сами собой. Папа, мама, бабушка и дети шли и шли, и вершина была уже близко. Но Мина страшно устала. Она подумала, что ей тоже надо немного попрыгать на одной ножке, но не смогла сделать ни одного прыжка. Она повернулась к папе и сказала:

— Я не могу прыгать, как Самоварная Труба и Мортен, потому что у меня очень устали ноги.

— Иди сюда, садись в сани, — сказал папа и попросил маму взяться за одну верёвку и помочь ему тащить сани.

А бабушка тем временем размышляла, как бы это ей незаметно удрать домой. До сих пор она почти не устала, но скоро начнётся подъём, а его-то бабушка боялась больше всего на свете. И ведь нужно ещё сохранить силы на обратную дорогу. Бабушка сошла с лыжни и, когда все обогнали её, тихонько повернула к дому. Но сегодня папа видел всё, даже то, что делалось у него за спиной. Он сказал:

— Бабушка! Ну-ка иди сюда!

Бабушка остановилась. Папа отстегнул её лыжи.

— Спрячь ноги в спальный мешок и отдыхай, — сказал он. — А Марен и Мартин помогут нам с мамой тянуть санки.

Теперь санки тянули уже четыре человека.

— Сейчас начнётся крутой подъём, тогда Марте и Мадсу тоже придётся помогать нам, — сказал папа. — Я захватил запасную верёвку.

— А почему мы не будем помогать? — спросили в один голос Милли и Мона. — Мы тоже хотим делать что-нибудь!

— Самое лучшее, что вы можете сделать, — это самостоятельно, без нашей помощи, подняться на вершину горы. Если вы с этим справитесь, значит, вы молодцы! — сказал им папа.

Бабушка поудобнее устроилась в ящике. Ай да папа, вот ловко придумал! Теперь она могла,

как королева, доехать до самой вершины.

Подъём занял много времени. Все порядком устали, но решили, что не будут отдыхать и завтракать, пока не достигнут цели.

Наконец они остановились у хижины, выстроенной на самой вершине. Мина и Самоварная Труба вылезли из саней и принялись прыгать и бегать, чтобы немного размяться, а бабушка с Мортеном остались сидеть в санях.

В спальных мешках им было тепло и уютно. Мама налила им кофе из термоса. Они пили и смотрели на прекрасные горы. Скоро Мортену надоело смотреть на горы, и он принялся считать шляпки гвоздей, которыми был сколочен ящик, а бабушка не могла глаз оторвать от своих гор.

Ей захотелось увидеть вершины с другой стороны хижины, и она попросила Мартина немного повернуть сани. Мартин повернул сани и снова занялся своим бутербродом. Все дети и папа с мамой сидели и как зачарованные смотрели на горы. Бабушка не обратила внимания, что сани медленно едут вниз; она думала, что Мартин продолжает их поворачивать. Но сани скользили вниз всё быстрее и быстрее.

— Мартин, хватит! — нетерпеливо сказала бабушка.

Мадс первый заметил, что случилось.

— Ой! — крикнул он.

Папа подбежал к нему и тоже увидел, как сани, набирая скорость, скользят вниз. Он бросился вслед. Но ведь папа был без лыж. Все сняли лыжи, как только достигли вершины.

Бабушка и Мортен сидели в большом ящике, спрятав ноги в спальные мешки, и всё быстрее и быстрее неслись вниз.

— Закрой глаза — и будь что будет, — сказала бабушка Мортену и крепко обняла его.

НОРВЕЖСКАЯ ГОРНАЯ ФЕЯ

Ни разу в жизни бабушка не ездила так быстро! Она попробовала открыть глаза и посмотреть кругом, но всё несло на них с такой скоростью, что бабушка поскорее снова зажмурилась. Ветер свистел в ушах. Мортен так съёжился, что из ящика торчала только его макушка.

В это время по склону горы поднимались несколько лыжниц. Они громко говорили, перебивая друг друга. Но бабушка и Мортен даже не слышали их голосов. Впрочем, они всё равно не поняли бы ни слова, так как лыжницы говорили не по-норвежски. Это были американские туристки, приехавшие полюбоваться прекрасной Норвегией и покататься на лыжах по норвежским горам. Сегодня они решили подняться на вершину. Но говорить они умели гораздо лучше, чем ходить на лыжах, поэтому до вершины им было ещё очень далеко.

Вдруг они в страхе попятились назад и закричали так громко, что даже горы вокруг ахнули. Они пятились и пятились, пока не плюхнулись прямо в снег.

— Ах! — воскликнула одна, показывая на гору.

— Ах! Ах! — воскликнули остальные, размахивая руками.

Бабушка и Мортен мчались прямо на них.

Лыжницам следовало побыстрее освободить дорогу, но от страха они запутались в лыжах и не могли встать на ноги. Кое-как они наконец отползли в сторону. Они сделали это в самую последнюю секунду. Мимо них пронеслось странное сооружение.

Лыжницы-туристки смотрели вслед промчавшемуся сооружению. Это был большой ящик, приколотенный к паре лыж. В нём сидела старая женщина, которая, крепко зажмурив глаза, обнимала маленького мальчика.

— Хелло! — крикнули американки. Им очень хотелось, чтобы эта женщина остановилась и они смогли бы её сфотографировать. Они были уверены, что увидели типично норвежскую картину.

Но бабушка, конечно, не остановилась. Да и как бы она это сделала? Нет, бабушке оставалось только сидеть не шелохнувшись и надеяться, что эта сумасшедшая скорость начнёт постепенно уменьшаться.

Туристски заторопились назад. Они непременно должны поговорить с этой старушкой, которая так весело ехала в своих необыкновенных санях.

А бабушка и Мортен мчались дальше. Правда, теперь им казалось, что они едут чуть-чуть тише... Конечно, они ехали ещё очень быстро, но всё-таки бабушка уже могла открыть глаза. Она увидела один домик, потом другой, а ниже в долине — большой белый дом. Сани неслись прямо на него.

Это был отель. Бабушка видела его и раньше. Возле отеля стояло множество людей с биноклями, и все смотрели на бабушку и Мортена.

Когда люди увидели, что эти удивительные сани мчатся на них, они бросились врассыпную.

Бабушка снова закрыла глаза. Мало того, что она едет на таких необычных санях, — сейчас они ещё врежутся прямо в толпу незнакомых людей.

Но сани спокойно остановились перед высоким снежным барьером, который окружал двор отеля.

— Сиди тихо и не шевелись, — сказала бабушка Мортену, — а то эти сани уедут ещё куда-нибудь.

Но бабушка напрасно беспокоилась. К ним подбежали сразу несколько человек и схватили сани. Очень осторожно они перетянули их через снежный барьер и подвезли к отелю.

— Добро пожаловать! — сказали эти люди бабушке и Мортену. — Мы всё время следили за вашим спуском. А теперь мы очень хотим угостить вас и мальчика ленчем.

— А что такое ленч? — спросил Мортен, и это были его первые слова с тех пор, как они покинули вершину горы.

— Наверно, что-нибудь съедобное, — прошептала бабушка.

— Тогда я хочу ленча, — сказал Мортен и встал в спальном мешке.

К нему сразу же протянулось множество рук, и он мигом очутился у кого-то на плечах. А вот бабушке было не так просто выбраться из спального мешка. Ей казалось, что ноги заснули и никак не хотят просыпаться. Бабушка рассердилась и даже ударила себя по коленям.

— Позвольте, мы вам поможем, — сказали люди, стоявшие рядом с санями.

Они вытащили бабушку из спального мешка, внесли на руках в отель и посадили её в кресло. И всё время кто-нибудь фотографировал и бабушку и Мортена.

Бабушка не понимала, что говорили кругом, но чувствовала, что ни Мортену, ни ей не угрожает никакая опасность.

Мортен сидел рядом и озирался по сторонам. Он искал ленч. Ведь Мортен и бабушка покинули вершину горы, так и не успев позавтракать! Мортену не пришлось ждать слишком долго: вскоре большие двери распахнулись и мужчина с белой салфеткой на руке сказал:

— Прошу всех к столу, ленч подан! — и позвонил в маленький колокольчик, чтобы никто не сомневался, что он говорит правду.

— Помни, ты должен хорошо вести себя за столом, — шепнула бабушка Мортену. — Не торопись, ешь всё по порядку и не забывай говорить «спасибо».

— Хорошо, бабушка, — тоже шёпотом ответил Мортен.

Всем хотелось, чтобы необычные гости пошли к столу первыми, поэтому Мортен взял бабушку за руку и повёл её в столовую. Но на пороге столовой он остановился как вкопанный. Никогда в жизни Мортен не видел такого большого стола, и весь этот длиннющий стол был завален едой. Блюда, вазы, салатницы, селёдочницы, соусницы — и всюду еда, еда, еда...

— Бабушка, всё это можно есть или это только для красоты? — шёпотом спросил Мортен у бабушки.

— Не знаю, — ответила бабушка, — но если здесь всё настоящее, то ленч — неплохая вещь!

— Наверно, ленч — это завтрак, обед и ужин вместе! — догадался Мортен.

— Да ещё и кофе в придачу, — добавила бабушка.

«Может быть, они едят только один раз в день, — подумал Мортен, — и потому хотят съесть всё сразу?»

Мужчина, который пригласил всех в столовую, подал бабушке тарелочку и сказал, чтобы она сама брала, что ей понравится. Бабушка взяла кусочек торта и попросила кофе.

Но Мортен вёл себя иначе. Он прекрасно помнил, что бабушка велела ему есть всё по порядку, и принялся за работу. У него не было времени смотреть по сторонам. На его тарелке появились четыре куска хлеба разных сортов, колбаса, мясо, сыр, паштет, ветчина, копчёная рыба, замороженная клубника, фаршированные яйца и желе. Наконец тарелка была так полна, что больше на ней ничего не помещалось. Все, широко раскрыв глаза, смотрели на этого маленького мальчика, который был так голоден. А бабушка наслаждалась кофе и думала об удивительной поездке в санях.

Тем временем папа, мама и семеро детей поспешно спускались с горы. Папа и Мартин немного опередили всех остальных. Они ехали по следу, оставленному санями, и этот след вёл прямо к отелю.

Во дворе отеля не было ни души. Здесь царила такая тишина, словно только что произошло какое-то несчастье. Папа даже не посмел войти внутрь и спросить, потому что папа, человек вообще-то смелый, страшно боялся всяких болезней и разных несчастных случаев.

— Подождём здесь маму и остальных, — сказал он Мартину.

К снежному барьеру подбежали на лыжах несколько туристов. Они неуклюже перевалились через барьер и скрылись в отеле.

— Что это они так спешат? — спросил Мартин.

— Не понимаю, — пожал плечами папа.

Наконец показались Мина, Милли, Мона, Мадс, Марта, Марен и мама с Самоварной Трубой в мешке.

— Ну, что с ними? — крикнула мама издали.

— Я ещё не знаю! — ответил папа, и ему стало очень стыдно, что он побоялся войти в отель и спросить про бабушку и Мортена.

Папа, мама и семеро детей вошли в отель все вместе. Сначала они попали в большую залу, в которой тоже никого не было. Зато из соседней комнаты доносились оживлённые голоса. Папа осторожно приоткрыл дверь. Там было полно людей. Одни что-то писали в блокнотах, другие фотографировали, вспыхивали лампы, а в самой середине этой шумной толпы сидели бабушка и Мортен.

Какой-то мужчина что-то говорил бабушке по-английски, и другой тут же всё переводил ей на норвежский.

— Вы, очевидно, любите этот вид спорта больше, чем обычные лыжи? — спрашивал один.

— Да, мне это больше нравится, — отвечала бабушка.

— И вы несколько не боялись, когда неслись с горы? — спрашивал другой.

— А чего ж тут бояться? — невозмутимо отвечала бабушка.

В этот день из отеля прямо в Америку было отправлено множество фотографий и статей. В них говорилось о старой горной фее, которая живёт в Норвегии на вершине высокой горы. Газеты помещали фотографии старой феи и маленького тролля и писали, что во время пресс-конференции, которую старая фея дала американским журналистам, в комнату вбежала очень длинная черно-коричневая собака (наверно, у троллей принято держать таких собак) и бросилась на колени к старой фее. Удивлению не было границ, и иностранные гости заявили, что они пережили самый необыкновенный день в своей жизни.

То же самое казалось и бабушке с Мортеном.

Долго потом они вспоминали, как неслись вниз с горы на самодельных санях.

СТАДО В БУРАНЕ

После того как бабушка и Мортен совершили свой необыкновенный спуск с горы, бабушка перестала ходить в дальние прогулки. Она уже побывала на самой высокой вершине и видела отсюда весь мир. Остальные дни она безмятежно сидела на солнышке у стены хлева и вязала.

В последний день перед отъездом папа, мама и старшие дети ушли на прощальную прогулку, а младшие остались с бабушкой дома. Самодельные сани тоже остались дома. Милли, Мина и Мортен катались на них с маленькой горки возле самого хлева. Бабушка, по обыкновению, сидела на солнышке и вязала носок. Но сегодня у неё на сердце было как-то тревожно. Сегодня она видит горы в последний раз. Завтра они уедут домой. Всё ли она посмотрела здесь, в горах, всё ли видела, что мечтала увидеть?

Бабушка часто заходила к своим прежним хозяевам и вспоминала вместе с ними прошлое. Она обошла на лыжах все окрестности, где ходила когда-то тёмными осенними вечерами, когда искала заблудившихся коров. Но оставалось ещё одно место, на которое бабушке хотелось взглянуть, прежде чем они навсегда уедут отсюда. Не очень далеко от сыроварни лежало маленькое горное озеро. В прежние времена бабушка там часто бывала. И по вечерам, когда бабушка кончала доить коров, она ходила на озеро вместе с другими девушками и парнями удить рыбу. Возле озера стояла рыбацкая избушка. Интересно, стоит ли она там и теперь?

Бабушка даже вспомнила, что они нацарапали свои имена на толстых брёвнах. Ей очень хоте-

лось увидеть избушку и озеро, и бабушка решила пойти туда. Но что делать с детьми? Они так весело играли на горке...

— Я хочу немного прогуляться! — крикнула бабушка детям. — Вы пойдёте со мной или останетесь здесь?

— Останемся! Мы играем в поезд! Видишь, как он быстро едет? — ответила Милли.

— Ладно! Я скажу на сыроварне, что ушла. Если вам что-нибудь понадобится, зайдите к ним, — сказала бабушка.

— Не беспокойся за нас!

— Бабушка, подожди, я пойду с тобой! — вдруг крикнул Мортен. — Разве ты забыла — папа сказал, что в одиночку в горы нельзя ходить... Я надену на шею коровий колокольчик, и мы будем с тобой играть, как будто я корова, я ты моя пастушка!

— Хорошо! Только нам придётся идти на лыжах, — сказала бабушка.

У Мортена лыжи были маленькие-премаленькие, у бабушки — большие-пребольшие, но шли бабушка и Мортен одинаково медленно.

— Мне сегодняшняя прогулка нравится больше всех остальных, — сказала бабушка, — потому что мы с тобой ходим на лыжах одинаково.

— Му-у! — ответил Мортен.

Он хорошо помнил, что он бабушкина корова. Колокольчик у него на шее весело звенел при каждом его движении.

— Нам надо, пожалуй, надеть тёмные очки, а то снег очень слепит глаза, — сказала бабушка.

— Но ведь коровы не носят очков, — возразил Мортен.

— Ну и что ж? На лыжах они тоже не ходят и ботинки тоже не носят, но разве это мешает нам играть? Иди сюда, Роза, я надену на тебя очки.

«Роза» послушно подошла к бабушке.

— Ещё далеко?

— Не очень. Полчаса ходьбы, не больше.

— У-у! То есть му-у! — вздохнула корова.

Дальше они шли молча. С Мортеном было хорошо играть: он ни на минуту не забывал об игре. Раз коровы не разговаривают — значит, не разговаривают, и Мортен молчал.

Вскоре бабушка увидела посреди долины большую белую впадину.

— Вон озеро, — сказала бабушка.

— Где? Я не вижу озера, — удивился Мортен.

— Ты его не видишь, потому что оно покрыто льдом и снегом. Но там озеро, это так же точно, как то, что на мне папины лыжные штаны. А вот и наш рыбацкий домик!

Бабушка пошла быстрее, и Мортену пришлось напрячь все силы, чтобы не отстать от неё. Низенькая дверь избушки оказалась незапертой. Бабушка сняла лыжи и вошла внутрь. Мортен последовал её примеру.

— Сколько раз я бывала здесь в молодости! — вздохнула бабушка. — Давай-ка поищем, может, тут ещё сохранилось моё имя — я где-то его нацарапала. Есть! Есть! Смотри, Мортен! Вот тут написано: «Матеа». Это я сама написала.

— Но ведь тебя зовут не Матеа, а бабушка, — возразил Мортен.

— Это меня теперь зовут бабушка, а раньше звали Матеа. Ну что ж, давай с тобой перекусим.

Мортен просиял. Он очень боялся, что бабушка забыла взять с собой завтрак.

Бабушка достала молоко и бутерброды. Дверь была открыта настежь, и солнце светило прямо в избушку.

Бабушка рассказала Мортену, какую замечательную рыбу ловили они в озере. И Мортен сразу же заявил, что когда он вырастет, то наловит к обеду много-много рыбы. Так они сидели и беседовали. Вдруг в избушке стало совсем темно.

— Наверно, солнце спряталось за тучу. Пойдём-ка домой. Нам с тобой ещё надо успеть приготовить обед до прихода наших, — сказала бабушка.

Выйдя из избушки, они увидели, что небо потемнело и поднялся ветер. Стало мрачно и холод-

но.

— Ох какой холодище! Ну, да мы сразу согреемся, как пойдём, — утешила бабушка Мортена.

— Только твоей корове придётся снять очки, — сказал Мортен, пряча очки в карман.

— И пастушке тоже, — заметила бабушка.

Они быстро шли по направлению к дому. Сначала идти было нетрудно — они шли по своей же лыжне. Но вскоре повалил снег, острые колючие снежинки слепили глаза; бабушке и Мортену часто приходилось идти зажмурившись.

Началась метель и постепенно замела их лыжню. Теперь находить дорогу стало гораздо труднее. Если бы бабушка видела вершины соседних гор, она могла бы точно определить, где они находятся, но все вершины были скрыты снежной мглой. Оставалось только идти наугад.

— Я люблю горы, — сказала бабушка, — но я не знала, что на них нельзя положиться.

Мортен молчал. Они шли уже больше получаса, но сыроварни всё ещё не было видно.

Бабушка жалела, что взяла с собой Мортена.

— Лучше бы ты остался дома, — вздыхала она.

— Ничего не лучше, тогда бы ты была сейчас совсем одна. — Мортен даже радовался, что идёт вместе с бабушкой и охраняет её.

— По-моему, мы сбились с пути, иначе мы бы уже давно были дома, — сказала вдруг бабушка.

Папа, мама и старшие дети ушли на лыжах не так далеко, как собирались. Началась метель. Им тоже было не очень легко найти дорогу домой, но и не так уж трудно, потому что у папы были с собой компас и карта. Время от времени он останавливался и проверял направление по карте и компасу.

— Держитесь чуть-чуть правее, а то мы пройдем мимо нашей сыроварни, — сказал он, проверяя путь в последний раз.

Все молча наблюдали за папой. Вдруг Мона спросила:

— Мама, разве зимой в горах пасутся коровы?

— Нет, конечно, ведь они едят траву, а не снег, — ответила мама.

— А почему я слышу коровий колокольчик? Послушайте!

— Мона права! — сказал папа и пошёл на звон колокольчика.

Звон быстро приближался.

— Они идут прямо на нас! Стойте! — Папа присел на корточки, пытаясь разглядеть коров.

Но это были не коровы, а Мортен с колокольчиком на шее и бабушка.

— Кто здесь? — крикнула бабушка, услышав голоса.

— Это мы, бабушка! — крикнул папа, с удивлением узнав её голос.

— Вот хорошо! — обрадовалась бабушка. — А то я как раз не знала, что нам дальше делать!

— Вам повезло, что у Мортена был колокольчик, а то бы мы обязательно разминулись, — сказал папа.

Перед тем как лечь спать, каждый рассказал о том, что он видел и пережил днём.

— Завтра мы вернёмся домой, в наш домик в лесу, — сказала Марта. — Я очень по нему соскучилась.

— Теперь нам покажется непривычным спать в кроватях, а не в стойлах, — заметила Милли.

— А вдруг нам только приснилось, что мы живём в доме в лесу, — испуганно сказала Мона, — а на самом деле у нас нет никакого дома?

Мама улыбнулась:

— Нет, наш дом стоит на своём месте и ждёт нас.

— А возвращаться домой всегда приятно, — добавила бабушка.

И все с ней согласились.

Вечером следующего дня папа, мама, бабушка и восемь детей сидели дома на кухне и отдыха-

ли после долгой поездки на грузовике.

Папа покачивался в качалке и смотрел на загорелые лица детей.

— Я рад, что всё моё стадо уже дома, — сказал он. — Знаете, мне кажется, что не дом принадлежит нам, а мы принадлежим ему.

— Здесь мы так дома, что больше уже и некуда! — засмеялась Мона.

Дом стоял тихо и слушал. Ему нравилось, что они так говорят. Он даже скрипнул дверью от удовольствия.

— Видите, дом понимает, что мы говорим! — сказала Милли.

— Конечно, ведь это самый умный дом на свете! — заметил папа.

Дом чуть не скрипнул ещё раз, но вовремя удержался. Дома не должны болтать слишком много. Но если дом и не скрипнул, то он вздохнул чердачным окном, еле слышно зазвенел угольками в печке, и все поняли, что у него сегодня особенно хорошее настроение.

МАЛЕНЬКИЙ ПОДАРОК АНТОНА

ПРАЗДНИК И ГОСТЬ

Время шло, дети росли. Теперь днём в лесном доме почти всегда было тихо, потому что все, кроме Мортена, уходили в школу. Зато вечером, когда вся семья бывала в сборе, дом наполнялся смехом, разговорами, криками, шумной вознёй. Он к этому уже привык. Но сегодня в нём слышались какие-то необычные разговоры. Дом затаил дыхание и старался разобрать отдельные слова.

— Но ведь у меня нет даже нарядного платья, — сказала мама, — у меня есть только юбка с блузкой, а это слишком буднично.

— А где твоё старое нарядное платье? — спросил папа.

— Оно мне широко, и у него некрасивый воротник.

— Платье можно немного ушить, а из белого шёлка сделать новый красивый воротничок, — предложила бабушка.

От волнения она раскачивалась на табуретке, а дети прыгали вокруг папы и мамы. Духовой оркестр шофёров праздновал свой двадцатипятилетний юбилей и устраивал бал с угощением, музыкой и танцами. И маме очень захотелось пойти на этот праздник.

— Мама, — волновалась Марен, — ты непременно должна пойти, ведь это будет настоящий бал!

— А какие там, наверно, будут вкусные вещи! — сказал Мартин.

— И танцы! — вздохнула Марта.

— И музыка! — подхватил Мадс.

— И много знакомых! — добавила Мона.

— Ты нам потом целую неделю сможешь рассказывать об этом бале, — сказала Милли.

— Вам всем дадут смешные бумажные шапочки! — кричала Мина.

— А главное, и туда и обратно ты поедешь на автобусе, — сказал Мортен.

Но все дети говорили разом, и неудивительно, что дом ничего не мог разобрать.

— Ладно, ладно, если вам всем так уж хочется, я пойду на праздник, — согласилась мама.

На другой день мама отправилась в магазин и купила красивого белого шёлку. Бабушка воо-

ружилась очками, ножницами, иголкой с ниткой и начала шить.

Марен выгладила мамино платье, папа уселся возле печки и принялся чинить мамины выходные туфли. Они были уже не такие нарядные и красивые, как в тот день, когда мама купила их. Мама вымыла волосы и с помощью бабушки и всех восьмерых детей накрутила их на тряпочки так, чтобы ни один волосок у неё на голове не остался незавитым.

Покончив с волосами, мама принялась гладить папин синий выходной костюм. Пиджак папе был чуточку узок, но если папа подтягивал живот, то пиджак можно было даже застегнуть на одну пуговицу.

— Бабушка, тебе придётся смотреть за детьми, — сказала мама.

— Я хотел попросить Хенрика и Хюльду помочь тебе, — робко вставил папа.

— Ну да, вы, конечно, думаете, что сама я не справлюсь! — рассердилась бабушка. — Вы считаете, что я уже ни на что не гожусь. Но вы ещё увидите. Можете спокойно отправляться на свой праздник!

Через два часа папа и мама были готовы.

Мортен смотрел и не узнавал маму: она надела какое-то чудное короткое платье, туфли на высоких каблуках, а вся голова у неё была в крупных локонах. Но папа заявил, что мама сегодня необыкновенно красива и похожа на молодую девушку. Мама была очень довольна.

Бабушка и восемь детей стояли у окна и махали им вслед. В этот день грузовик остался дома, потому что папа и мама поехали в город на автобусе.

Бабушка напекла вафель, сварила какао, дома было тепло, уютно и весело. Дети любили оставаться с бабушкой.

На улице стемнело, поднялся ветер. Маленькая лампочка тускло освещала двор, калитку и лес.

— Неприятно на улице, — заметила Марта.

— Бедные папа и мама, — сказал Мортен.

— Не бойся, там, где сейчас папа и мама, светло, тепло и красиво, — начала объяснять ему Мона. — Там играет музыка, все танцуют и веселятся...

— К нам едет автомобиль! — перебил её Мортен.

— Это не автомобиль, а ветер гудит! — сказал Мадс.

— Нет, автомобиль, — упрямо повторил Мортен, и все прислушались.

— Хм, кажется, ты прав. — Мадс подошёл к двери и распахнул её; все вышли на крыльцо.

— Автомобиль! И он едет прямо сюда! — закричала Марта.

— Кто-то сбился с дороги, — сказала бабушка.

Она напустила на себя равнодушный вид, но в глубине души была немного испугана: ведь ещё ни разу здесь вечером не проехал ни один автомобиль.

— Это, наверно, Уле-Александр со своим папой едут к нам в гости! — вдруг радостно воскликнула она.

— Нет, нет! Это не их автомобиль! Я их автомобиль хорошо знаю, — перебил её Мадс.

— Ладно, я самый старший, — сказал Мартин, — вы все должны меня слушаться. Бабушка и дети вернутся в дом, погасят свет и притворятся, что в доме никого нет. А мы с Мадсом спрячемся в грузовик и выясним, в чём дело. Если всё в порядке, мы вернёмся домой и зажжём свет. Лампочка во дворе пусть горит, а то мы не увидим, кто приехал.

— Хорошо, — послушно сказала бабушка; она была очень рада, что Мартин взял на себя роль старшего.

Они вошли в дом и погасили свет, потом унесли Самоварную Трубу в бабушкину каморку и накрыли её одеялом.

Шум автомобиля слышался теперь совсем близко. Внезапно сноп света осветил стволы деревьев. Они вспыхнули красным и снова исчезли в темноте. Наконец показался самый автомобиль. Два горящих глаза мчались к воротам. Ближе, ближе, ближе...

— Сейчас он увидит, что заехал не туда, куда нужно, и повернёт, — сказала бабушка с напускным спокойствием.

Но автомобиль и не думал поворачивать. Он остановился, не выключая фар, и из него вышел

человек. Человек нёс плед, два чемодана и множество свёртков. Следом за ним из автомобиля вышел ещё один человек — это был шофёр — и начал выгружать из багажника чемоданы и саквояжи.

Фонарь на столбе возле ворот раскачивался от ветра, так что и бабушка и дети с трудом различали, что происходит на дворе. Да и Мадсу с Мартином, которые сидели в грузовике, было видно не лучше.

— Это такси, — прошептал Мартин.

— Кто же мог приехать к нам на такси? Пойдём посмотрим! — предложил Мадс.

— Нет, подождём ещё немного. — Мартин был очень взволнован. — Может быть, это какой-нибудь жулик или контрабандист?

Такси уехало, а незнакомец со всеми чемоданами остался возле калитки. Минуту он постоял в раздумье, глядя на дом, а потом сделал нечто очень странное. Он закрыл калитку, отошёл на несколько шагов назад, разбежался, перепрыгнул через неё, затем повернулся, снова разбежался и снова перепрыгнул через калитку. Так он повторил несколько раз.

— Кажется, он сумасшедший, — тихо пробормотала бабушка; она вместе с детьми наблюдала из окна за этой сценой.

— Бабушка, ты боишься? — спросил Мортен.

— Н-нет, просто я не люблю иметь дело с сумасшедшими. Смотрите, он идёт к дому! Не бойтесь, дверь заперта!

— Жалко, что Мартин и Мадс остались в грузовике, лучше бы они сейчас были с нами, — вздохнула Марта.

— Но ведь кто-то должен был пойти на разведку, — возразила бабушка.

В дверь постучали. Не получив ответа, приехавший начал дёргать ручку двери. Но не так-то просто войти в дом, если дверь на запоре. Вдруг в бабушкиной комнате залаяла Самоварная Труба. Незнакомец за дверью кашлянул.

— Садитесь на корточки, сейчас он заглянет в окно! — приказала бабушка.

И верно, едва успели все присесть на корточки, как за стеклом показалась тёмная голова. Незнакомец долго стоял у окна, стараясь разглядеть, что делается в доме, но отошёл, так ничего и не увидев.

— Он идёт к сараю! — Милли не удержалась и снова выглянула в окно.

Незнакомец подошёл к сараю, потом к уборной, обошёл вокруг грузовика, но, к счастью, внутрь кабины не заглянул. Потом он начал по одному переносить к дому свои чемоданы.

— Наверно, он хочет устроить здесь засаду, — прошептала бабушка.

Когда весь багаж выстроился возле дома, незнакомец сел на крыльцо и опустил голову на руки. Посидев так немного, он засвистел, подражая разным птицам.

— По-моему, он подаёт кому-то сигнал, — сказала бабушка. — Мне это уже надоело. Сейчас я выйду и поговорю с ним как следует!

— Нет, нет, не надо! — закричала Марта.

— Нет, надо! Не могут же Мадс и Мартин всю ночь сидеть в грузовике. Пора прекратить это представление!

— А если он нападёт на тебя? — спросила Марта.

— А мы сейчас все вооружимся. Мортен возьмёт швабру, Мина — совок для мусора, Милли — кочергу, Мона — молоток, Марта — доску для хлеба, а Марен станет за дверью с верёвкой наготове. Ну, всё в порядке? Раз, два, три! Открываю!

Бабушка открыла дверь и молча остановилась на крыльце. Она думала, что её молчаливое появление испугает незваного гостя. Надо не кричать, не говорить, а молча грозно смотреть на этого негодяя. К тому же бабушка боялась, как бы у неё не начал дрожать голос, если она заговорит.

Но незнакомец несколько не испугался. При виде бабушки он бросился к ней на шею с громким воплем:

— Мамочка! Мамочка! Это я! Я вернулся домой! Где отец? Где все остальные?

— Это ещё что за комедия? — воскликнула бабушка. — Какая я тебе мамочка? Вы только по-

слушайте, что говорит этот сумасшедший!

— Мамочка! Неужели ты не узнаёшь меня? Да ведь это я, твой старший сын Антон! Я виноват, я должен был писать тебе письма, но я так не люблю их писать. И потом, мне очень несладко жилось первые годы! Зато теперь у меня дела пошли превосходно! Видишь, это всё мои чемоданы! Я приехал, чтобы вместе с вами отпраздновать рождество, и привёз много-много подарков. Но самый главный подарок я приготовил тебе. Все эти годы я мечтал подарить тебе... Нет, пока это секрет. Его привезут сюда только на рождество...

— Да, да, да, очень хорошо, но всё-таки ты не мой сын, — перебила его бабушка. — Иди сюда, к свету, и ты увидишь, что вовсе не знаешь меня! У меня есть только дочь, но она вместе со своим мужем пошла на юбилей духового оркестра шофёров, а все эти дети — мои внуки.

Незнакомец вошёл в кухню и внимательно осмотрел бабушку и детей, которые приготовились к борьбе. В это время в дом вбежали Мартин и Мадс.

— Тебе помочь, бабушка? — крикнули они в один голос, засучивая рукава.

— Нет, нет, садитесь. И ты тоже садись, — пригласила бабушка незнакомца.

Его круглые от удивления глаза перебежали с одного на другого.

— Это всё мои племянники? — робко спросил он наконец. Лицо у него было такое печальное, что бабушке стало его жалко.

— Ну пусть племянники, если тебе так хочется. Только скажи нам всё-таки, кто ты такой? Тебя зовут Антон? — спросила бабушка.

— Мы будем звать его дядя Антон, — тут же предложила Мона.

— Но почему ты решил, что я твоя мать? — продолжала допрашивать бабушка.

— Потому что ты здесь живёшь, — ответил Антон. — А я родился в этом доме, и, если бы ты только знала, сколько раз он мне снился и как я мечтал снова увидеть его!

— Я понял! — закричал Мадс. — Ты сын старика и старушки, которые жили здесь до нас.

— Да, да! А где же они? Неужели умерли? — встрепенулся незнакомец, и на глазах у него показались слезы.

— Не волнуйся, Антон, — сказала бабушка. — Твои родители живы и здоровы. Просто жить одним в лесу им было одиноко и трудно, поэтому они продали дом папе, маме и детям, а сами переехали в город, в их квартиру.

— Значит, они больше не живут здесь? Значит, этот дом уже не наш и мне следует уйти?

— Зачем же тебе уходить? На дворе ночь, оставайся у нас ночевать. Мы тебя уложим в гостиной на диване. Дети, помогите Антону внести свёртки, а я пока постелю ему постель.

Бабушка угостила Антона вафлями и какао. Ей казалось, что если человек приехал из такой дали, как Америка, то он непременно должен был проголодаться в пути.

— Нет, я ехал недолго, я прилетел на самолёте, — объяснил бабушке Антон, — но я действительно хочу есть.

— Идите спать, дети, уже поздно, — сказала бабушка.

— Как же мы пойдём спать, когда у нас в доме незнакомый человек? — шепнул бабушке Мадс. — А если он обманщик?

— Кто, Антон-то? Не может этого быть, но, если ты так боишься, я постерегу его, пока не придут папа с мамой.

Дети и Антон ушли спать, а бабушка уселась в папину качалку и, слегка покачиваясь, думала о том, сколько удивительных вещей случается на свете.

Постепенно глаза её закрылись, и она сладко заснула. Заснули и Самоварная Труба, и все восемь детей.

Не спал только Антон.

ЛОШАДКА В ЛЕСУ

Папа и мама возвращались домой уже после полуночи. Рука об руку шли они по лесной дорожке, весёлые и счастливые.

— Как приятно иногда развлечься! Я уж думала, что совсем разучилась танцевать, — говорила мама.

— Ты танцевала лучше всех! И твоё платье было самое красивое! — говорил папа.

— Т-ш-ш... Не кричи так громко! Наши уже спят, и мы должны идти тихо-тихо, а то Самоварная Труба услышит нас, залает и всех разбудит.

— Ладно, ладно! Я буду говорить шёпотом и пойду на цыпочках, — прошептал папа и зашагал на цыпочках.

Мама не выдержала и засмеялась.

Так папа с мамой дошли до калитки. И вдруг они увидели, что дверь их домика тихонько открылась и из неё выскользнула не Самоварная Труба, не бабушка и не кто-нибудь из детей...

— Боже мой, — прошептала мама, прячась за дерево, — какой-то незнакомец!

— Может быть, это Хенрик? — прошептал папа и спрятался за другое дерево. — Стой тихо, сейчас мы его немного испугаем!

— Это не Хенрик! Этот человек на две головы выше нашего Хенрика, — заметила мама.

— Но кто же это, если не Хенрик? — удивился папа.

Незнакомец остановился посреди двора и посветил кругом карманным фонариком, потом зашёл в сарай и вынес оттуда лопату. Затем он перепрыгнул через забор и скрылся в лесу.

— Идём за ним, — прошептал папа. — Это, наверное, вор! Идём, мы его поймаем.

И папа с мамой тихонько пошли вслед за незнакомцем.

Незнакомец не спешил, и папа с мамой могли незаметно следовать за ним, не зажигая своих

карманных фонариков. Они шли очень осторожно, но всё-таки папа наступил на ветку, и она громко хрустнула.

Незнакомец сразу же остановился и прислушался; папа и мама тоже остановились.

Незнакомец пошёл дальше, и папа с мамой пошли дальше.

Вдруг он снова остановился и вынул из кармана какую-то бумажку. Папа и мама видели, как он наклонился над бумажкой и посветил на неё фонариком. Затем он сложил бумажку и большими шагами зашагал вправо. Он сделал четыре шага вправо, потом два шага влево, один шаг назад и очутился возле большой старой ели.

— Как бы он не осветил нас... Дальше нам придётся ползти, — прошептал папа.

Неожиданно незнакомец исчез под нижними ветвями ели; папа и мама видели теперь только его фонарик. Потом они услышали, что незнакомец копает землю.

Он копал и копал, а папа и мама подползали всё ближе и ближе.

— Наверное, он здесь прячет наворованные вещи. Подождём, пока он их выкопает, — сказал папа.

Вдруг что-то вылетело из-под ёлки. Мама чуть не вскрикнула, но, к счастью, успела крепко сжать губы. Это оказалась куртка незнакомца. Он работал так быстро, что ему стало жарко. Наконец папа и мама услышали, как лопата ударилась о что-то твёрдое.

— Ура! — раздался крик под елью.

Незнакомец копал дальше. Опять что-то вылетело из-под ели — теперь это оказалась лопата. Хорошо, что она не попала папе или маме в голову.

— Раз-два — взяли! — скомандовал голос под елью. Секунду спустя незнакомец показался меж ветвей с чем-то тяжёлым в руках.

— Пора! — шепнул папа и встал в полный рост. — Сдавайся без боя! Так будет лучше для тебя: нас двое, а ты один! — скомандовал он.

От испуга незнакомец даже вскрикнул. Он хотел побежать, но папа схватил его за руку, мама — за другую, и он сразу понял, что убежать ему не удастся.

— Неужели и в нашей старой доброй Норвегии развелись бандиты? — грустно спросил незнакомец. — Вам нужны деньги? У меня их немного. Вот держите, здесь пятьдесят долларов, и отпустите меня с миром. Я только сегодня вернулся домой на родину.

— С миром? — переспросила мама. — Отпустить тебя с миром, после того как ты взломал наш дом, а всё награбленное спрятал в лесу, рядом с местом преступления?

— Говорите, пожалуйста, помедленнее, — попросил незнакомец, — норвежский — мой родной язык, но я так давно его не слышал, что не могу сразу всё разобрать. Я всего несколько часов назад вернулся в Норвегию.

— И за это короткое время уже многое успел, как я вижу, — сказал папа. — Ну хватит, идём к нам домой — там ты всё объяснишь. Когда видишь друг друга, то и понять друг друга легче. А если ты не будешь слушаться, я мигом позвоню в полицию.

— Идёмте, только помогите мне нести этот ящик: он оказался тяжелее, чем я думал, — попросил странный незнакомец.

— Я пойду впереди и буду освещать вам дорогу, — сказала мама.

Она сразу сообразила, что если у незнакомца не будет в руках фонарика, то он не сможет убежать. Так они подошли к дому. Никто не говорил ни слова, каждый думал о своём.

Войдя в кухню, папа и мама удивились, что Самоварная Труба не начала лаять. Папа даже нагнулся, чтобы посмотреть, здорова ли она. Тогда Самоварная Труба подняла хвостик и весело залаяла навстречу папе.

Мама бросилась к бабушке, которая спала так крепко, что маме показалось, будто она лежит без чувств. Ей пришлось изо всех сил потрясти бабушку за плечо, прежде чем та проснулась и, вскочив, отрапортовала:

— Дежурство прошло благополучно, сдаю вахту папе.

— Хорошо дежурство! — пробурчал папа. — К тебе в дом заходил вор, обокрал нас, а ты даже не знаешь, что он стащил у тебя под носом. Сейчас мы откроем его ящик и всё выясним.

Бабушка испуганно заморгала.

— Какой же это вор? — сказала она. — Это Антон.

— Вот, пожалуйста, они с бабушкой уже лучшие друзья. Слишком ты, бабушка, доверчива, — упрекнул её папа.

— Антон, разве ты не ложишься спать? — спросила бабушка, ничего не понимая.

— Нет, я не мог заснуть. Я всё время думал, что это единственная ночь, которую я проведу в нашем старом доме, а я о нём так мечтал! Можно, я сам открою этот ящик? — спросил он у папы.

— Открывай! — мрачно сказал папа.

Антон долго возился с крышкой; наконец она поддалась. Все столпились вокруг ящика, предполагая увидеть множество наворованных вещей.

Но в ящике стояла всего-навсего одна лошадка. Да, да, простая деревянная лошадка, не похожая на всех остальных, какие им приходилось видеть.

— Я сам её сделал, когда был мальчишкой, — гордо сказал Антон. — Она ждала меня целых девятнадцать лет. И если бы у меня был сын, она досталась бы ему.

Папа и мама были в полном недоумении. И бабушке пришлось объяснить им, кто такой Антон.

— Бедный Антон! — всплеснула руками мама. — Как плохо мы тебя приняли! Сейчас мы это исправим!

Она поставила на стол всё самое вкусное, что только нашлось в доме, и устроила праздничный ужин в честь возвращения Антона из Америки.

Антон рассказал им, как они с отцом, матерью, братьями и сестрами жили когда-то в этом домике. И все старались утешить Антона, который был очень огорчён, что его родители больше не живут здесь.

МАТЬ АНТОНА

На другой день все чемоданы и саквояжи Антона были погружены в кузов. Антон сел с папой в кабину, и они поехали в город.

Папа правил молча; он всё время думал о том, как Антон встретится со своими родителями, которых он не видел девятнадцать лет и которым он за всё это время почти не писал. Ведь Антон даже не знал, обрадуются ли ему родители после такой долгой разлуки.

Когда они остановились возле дома, где раньше жили папа, мама и восемь детей, папа выгрузил все чемоданы и хотел было уехать, но Антон задержал его:

— А ты разве не проводишь меня? Я сам не найду их квартиру...

— Найти нетрудно: второй этаж, дверь налево, — ответил папа.

— А чемоданы? Я же не могу взять их все сразу!

— Уж лучше скажи прямо, что хочешь, чтобы я зашёл вместе с тобой, — улыбнулся папа.

— Конечно, хочу, — признался Антон. — Может, отец и мать так на меня сердиты, что и видеть меня не захотят, тогда ты замолвишь за меня словечко.

— Ладно, я с удовольствием, — согласился папа.

Когда они остановились перед квартирой стариков, у Антона не хватало храбрости постучать в дверь.

— Хочешь, я постучу? — спросил папа. Антон молча кивнул.

— Войдите, — ответил голос из-за двери.

— Ну, заходи же, — подтолкнул папа Антона.

— Зайди ты первый.

— Давай войдём сразу оба, — предложил папа и взял Антона за руку, потому что боялся, как бы Антон не сбежал в последнюю минуту.

— Ах, это ты! Здравствуй! — приветствовала старушка папу.

— Но я не один, — сказал папа.

— Да это, никак, Антон! — воскликнула старушка. — Мальчик мой маленький, где же это ты был так долго?

— В Америке, — прошептал Антон, не в силах произнести больше ни слова.

Из комнаты, шаркая шлёпанцами, вышел старик; он так оторопел при виде сына, что тоже потерял дар речи и только молча гладил его по плечу.

Папа понял, что всё в порядке, и тихонько спустился к Хенрику и Хюльде.

Теперь у Хенрика и Хюльды была уже настоящая маленькая семья; у них появилась дочка, которую звали Анна-Офелия.

— Здорова ли наша малышка? — спросил папа.

— Да, да, у нас всё в порядке. Знаешь, нам надо сказать тебе одну вещь... — начала Хюльда.

— Дело в том, что мы обычно встречали рождество вместе с вами, — перебил её Хенрик, — но в этом году к нам приедут из Нурланна родственники Хюльды, целых четыре человека, и нам придётся остаться дома.

— Ну конечно, я понимаю. Приятно иногда повидать близких, правда, Хюльда? — сказал папа.

— Да, мне так хочется показать им Анну-Офелию!..

В тот день папа и Хенрик, как обычно, ездили по городу и возили с места на место разные грузы. Папа вернулся домой поздно вечером, когда со всеми перевозками было уже покончено.

После ужина папа, мама, бабушка и дети вспоминали о событиях прошлой ночи. Все очень жалели Антона, которому был оказан такой скверный приём.

Вдруг в дверь постучали, и вошла мать Антона.

— Добрый вечер, — сказал папа. — А где же твой муж и Антон?

— Я одна приехала, — ответила мать Антона. — Они даже не догадываются, что я поехала к вам... — Она замолчала.

Папа, мама, бабушка и дети ждали, что она скажет дальше. Наконец все почувствовали неловкость и какое-то смутное беспокойство оттого, что их гостя молчит так долго.

— А что, если она хочет забрать наш дом? — прошептала Мона.

— Может быть, она привезла с собой деньги, чтобы купить его у нас? — прошептал Мадс.

Гостя начала тихонько покашливать, потом с трудом произнесла:

— Мне надо сказать вам одну очень важную вещь, но я просто не знаю, как начать.

Тогда папа сказал ей:

— Ты только произнеси первое слово, а дальше всё пойдёт как по маслу. И не бойся, пожалуйста. У тебя такой испуганный вид, что нам всем тоже стало страшно.

Старушка кашлянула ещё раз.

— Наш Антон... — Она снова замолчала.

— Ваш Антон — замечательный парень, — сказала бабушка, чтобы как-то помочь ей.

— Да, да, — вздохнула мать Антона. — Но он так огорчён, так огорчён, что чуть не плачет. Все девятнадцать лет в Америке он мечтал, что когда-нибудь вернётся домой и встретит рождество вместе с нами в этом доме. И вот он вернулся, а дома у нас больше нет...

Старушка замолчала и опустила глаза, а папа, мама, бабушка и восемь детей испугались ещё больше.

— И самое главное, — продолжала старушка, — Антон пригласил в Осло на рождество всех своих братьев и сестёр с их семьями. У нас соберётся так много народу, что я уж и не знаю, как мы все разместимся в нашей одной комнатке.

— Ты хочешь сказать... — начал папа, но голос у него сорвался, и он замолчал. Наконец он набрался храбрости и выпалил: — Ты хочешь снова купить у нас свой дом?

Все затаили дыхание.

— Нет! Нет! Что вы! — воскликнула мать Антона и даже подпрыгнула на табуретке. — Я об этом и не думала. Ни за что на свете я не хочу снова жить в этом доме! Нам так нравится жить в городе! Нет, я хотела попросить вас совсем о другом... Но наверное, это невозможно.

— Так в чём же дело? Говори скорей! — взмолился папа; он просто умирал от волнения.

— Мне очень трудно сказать это, — вздохнула бабушка.

— А молчать ещё хуже, — заметила бабушка.

— Ну ладно, сейчас попробую. Дело в том... Я только хотела спросить, не одолжите ли вы нам этот дом на рождество и на всю рождественскую неделю до Нового года, чтобы Антон мог встретить рождество вместе со всеми родными здесь, в лесу, как он мечтал все эти годы. Он всегда представлял себе, что выйдет рождественской ночью в наш лес, увидит звёзды, ну и всякое такое... И всей нашей семье хватило бы здесь места, а вы бы могли пожить это время у нас: ведь раньше вы там помещались... Только я знаю, что вам не захочется уезжать отсюда. Так вы мне прямо скажите и, пожалуйста, не сердитесь на меня за мою просьбу. А Антон... он даже и не знает, что я поехала к вам...

На некоторое время воцарилось молчание.

Мортен посмотрел на Мину, Мина — на Милли, Милли — на Мону, Мона — на Мадса, Мадс — на Марту, Марта — на Мартина, Мартин — на Марен, Марен — на маму, мама — на папу, папа — на бабушку, бабушка посмотрела на мать Антона и сказала:

— Я бы с радостью одолжила вам дом на это время. Конечно, тебе очень хочется доставить радость Антону, но дом не мой и решаю здесь не я, а отец.

Папа повернулся к маме и сказал:

— Мне кажется, бабушка права, надо уступить им дом на это время.

— Я тоже так думаю, — согласилась мама.

Дети одобрительно закивали головами, а у матери Антона на глаза навернулись слезы.

— Я так рада, так рада... — говорила она. — Вы все такие добрые, такие хорошие...

Она быстро попрощалась и уехала в город.

Всем было приятно, что мать Антона обрадовалась, но, по правде говоря, никому не улыбалось провести рождество и всю рождественскую неделю в прежней тесной квартире.

— Может быть, нас пригласят к себе Хюльда и Хенрик? — спросила мама. Но папа сказал:

— Нет, к сожалению, это невозможно, они как раз сегодня говорили, что ждут на рождество гостей из Нурланна.

— Ну ладно, давайте ложиться спать, — предложила мама. — Что-нибудь придумаем.

И они действительно что-то придумали, но что именно, вы узнаете только в следующей главе.

РОЖДЕСТВО

На другой день папа уехал из дома, как обычно. Мама занималась хозяйством, и казалось, что никто уже больше не думает о рождестве.

Вернулся папа очень весёлый. Он схватил маму за руку, утащил её в гостиную, плотно закрыл дверь и прошептал маме на ухо:

— Всё в порядке. Я с ними обо всём договорился и уже закупил и отвёз всё, что надо. Только давай пока никому ничего не говорить. Пусть это будет сюрприз.

— Правильно! Ни слова! Я только скажу детям, что они должны взять с собой.

Весь вечер мама с трудом сдерживала смех, и дети никак не могли понять, чему она радуется, когда всем так грустно.

Ещё несколько дней назад дети усердно готовили рождественские подарки друг другу, а теперь уже больше никому не хотелось этим заниматься. Ведь они всё равно должны уехать из дома. Но мама пристыдила их:

— Нечего вешать носы! Я уверена, что у нас будет чудесное рождество! И, по-моему, мы должны сделать подарок Антону.

— Конечно, — согласился с ней папа. — Я заказал большую фотографию нашего дома. Я думаю, Антону понравится такой подарок.

— Мама, а ты поедешь в город за продуктами? — спросила Марен. — Ведь рождественский ужин нам всё равно надо приготовить?

— Да, да, конечно! — ответила мама, но в город так и не поехала.

— Может быть, ты заказала все продукты в магазине в Тириллтопене? — спросил Мартин через несколько дней.

— Может быть, — ответила мама. В сочельник мама сидела, ничего не делая, и смотрела на белые, только что повешенные занавески.

— Разве ты не будешь, как обычно, тушить сегодня капусту, чтобы завтра было поменьше возни? — спросила Марен. — Ведь завтра уже рождество. А раньше мы на рождество всегда готовили жареную грудинку.

— Ты не беспокойся, Марен, всё будет в порядке, — сказала мама, не трогаясь с места.

Дети с удивлением смотрели на маму.

— Не будет завтра никакого рождества, потому что ты ничего не делаешь! — воскликнула Мона.

— Как — ничего не делаю? Сейчас я буду упаковывать вещи. Нарядные платья мы наденем на себя, а лыжные костюмы я упакую в рюкзаки, — спокойно ответила мама.

— Зачем нам в городе лыжные костюмы? — спросила Марен.

— Не спрашивай, а помогай мне. Для рождественских подарков нужно взять отдельный мешок, — сказала мама.

— Возьми мой старый морской мешок, — посоветовал папа. — Он как раз подойдёт.

— Мне снова придётся спать на кухонном столе? — спросила бабушка. — Только бы я не свалилась с него, я ведь уже не такая молодая, как раньше.

— Не беспокойся, бабушка, я уверен, что спать тебе будет хорошо, — успокоил её папа.

— Легко сказать, — заметила бабушка, — ты вот скачешь, как мяч, тебе и не страшно.

Папе очень понравилось, что он похож на мяч, и он весело запрыгал по кухне.

Наступило рождество.

И как раз в то время, когда все люди были заняты украшением рождественского стола, перед домом в лесу стоял грузовик, в кузове которого лежали рюкзаки с одеждой и папин морской мешок с рождественскими подарками. Мама в последний раз обошла дом, проверяя, всё ли в порядке. Бабушка прошмыгнула в сарай с горшочком каши. Мортен побежал за ней.

— Это для ниссе?¹ Да, бабушка? — прошептал он.

— Да. Только не говори никому об этом. Теперь таких вещей уже никто не понимает.

— А я понимаю, — гордо сказал Мортен. — Я всегда буду угощать ниссе кашей на рождество.

В лесу послышался шум автомобиля.

— Они едут на такси, — сказала мама.

Антон и его родственники действительно приехали на такси, но не на одном. Во двор въехали сразу три машины, и из них вышло множество людей.

— Это все мои дети и внуки, — сказала мать Антона, — а правнуков у меня, к сожалению, ещё нет.

— Вот ключ. Желаю вам счастливого рождества. Особенно тебе, Антон! — сказал папа и сел в кабину.

Дети мигом забрались в кузов, и грузовик выехал на лесную дорогу. Папа, наверно, задремал за рулём, потому что он не свернул на городскую дорогу, а продолжал ехать дальше в лес.

— Папа, ты не туда едешь! — крикнул в кабину Мартин.

Папа сделал вид, что ничего не слышит.

— Папа, ты перепутал дорогу! — закричали все дети.

— Ты сошёл с ума, отец! — закричала бабушка и поднялась в кузове во весь рост.

Тогда папа высунулся из кабины и громко скомандовал:

— По местам! Отставить разговоры! — и поехал дальше.

— Может быть, папа хочет, чтобы мы встретили рождество в лесу? — спросил Мадс.

— Мне тоже так кажется, — согласилась бабушка.

— А ведь здесь очень красиво! — заметила Марен.

— Но это всё-таки рождественский вечер! Его надо встречать дома, — сказала Мона.

---

¹ **Ниссе** — гном-домовой. По старинному норвежскому обычаю в рождественскую ночь для ниссе ставится горшочек с кашей.

А папа ехал всё дальше и дальше. Они выехали из лесу; дорога поднималась на холм. Вокруг расстилались поля, а на самой вершине холма лежала уже знакомая детям усадьба.

— Наверно, папа хочет пожелать счастливого рождества Анне и Ларсу, — догадалась Марен. — Теперь мне понятно, почему он поехал по этой дороге.

Грузовик въехал во двор. На крыльце стояли Ларс и Анна.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Мы уже давно ждём вас! — хором приветствовали они гостей.

Дети прыгнули на землю; Ларс помог бабушке спуститься вниз; из кабины вышли папа, мама и Самоварная Труба.

— Добро пожаловать! — ещё раз пригласила их Анна. — Мы очень рады, что вы приехали к нам. Без детей в доме не бывает настоящего рождества.

— Ну, если вам только этого не хватает, то я не сомневаюсь, что вы останетесь довольны, — засмеялся папа.

— А разве мы... — начала было Мона.

— Заходите, заходите, — перебил её Ларс.

Передняя в доме была празднично украшена рождественскими колокольчиками, на столе горели три огромные свечи.

— Раздевайтесь, пожалуйста, — говорила Анна. — Для всех дам я приготовила постели в большой зале. Я топила там и вчера и сегодня. Думаю, вы не замёрзнете.

— Слышишь, бабушка, — засмеялся папа, — тебе не придётся спать на кухонном столе!

— Так мы останемся здесь? — удивилась бабушка.

— Конечно, вы останетесь у нас. А разве вы этого не знали? — спросил Ларс. — Ну раздевайтесь поскорее, уже пора садиться за стол.

— А где будут спать мужчины? — поинтересовался Мортен.

— Мужчины будут спать в комнате для гостей. Ларс вам всё покажет.

Пока все приводили себя в порядок после дороги, бабушка подошла к Анне и тихонько спросила:

— Ты пойдёшь в хлев до того, как все сядут за стол?

— Конечно, — улыбнулась Анна.

— Можно, и я с тобой?

Через некоторое время Анна и бабушка, захватив с собой хлеба, моркови и капусты, пошли в хлев, где стояли коровы. Бабушка была счастлива. Она подходила к каждой корове, клала ей в кормушку угощение и приговаривала:

— Ешь и пей на здоровье, сегодня праздник.

Когда они вернулись из хлева, Анна зазвонила в колокол, созывая всех к столу. И, сидя за большим праздничным столом, Марен наконец поняла, почему маме не нужно было тушить капусту и жарить грудинку.

МАЛЕНЬКИЙ ПОДАРОК АНТОНА

Кончилось рождество, наступил новый год, и папа, мама, дети и бабушка поехали домой.

Дом стоял тихий и спокойный, как будто за эти дни ничего и не произошло. Никто бы не догадался, что он только что принимал чужих людей. Впрочем, Антон и его родные были не совсем чужие: они родились и выросли в этом доме. Но это было давно.

Как только грузовик остановился во дворе, дети спрыгнули на землю. Они бегали вокруг дома, принохиваясь, совсем как Самоварная Труба.

— Я вижу следы! — закричал Мадс.

— Было бы странно, если бы ты их не видел, — заметила бабушка, — ведь не по воздуху же они здесь летали!

И бабушка направилась к сараю — посмотреть, как в её отсутствие жили куры. Всё оказалось в полном порядке. Куры сидели на насесте и тихонько кудахтали во сне.

Папа и мама вошли в дом и зажгли свечи. Со двора бабушке казалось, что дом проснулся и радуется возвращению своих настоящих хозяев. Только в её каморке было ещё темно.

Бабушка поспешила в дом, чтобы поскорее зажечь свет и у себя.

— Бабушка, ты здесь? — удивлённо спросила мама, когда бабушка появилась на кухне. — А мне слышалось, что ты возишься у себя в комнате. Правда, хорошо у нас дома? Смотри, как они всё прибрали. По-моему, теперь здесь чище, чем перед нашим отъездом.

— Сейчас я посмотрю, что делается у меня, — ответила бабушка и вошла в свою каморку. Она хотела что-то сказать маме, но в испуге выбежала назад в кухню.

— Что случилось? — воскликнула мама.

— М-м-мне показалось, что ты позвала меня, — пробормотала бабушка.

Ни за что на свете она бы не осмелилась сказать всем, что она увидела у себя в каморке. Бабушка подошла к зеркалу, висевшему на стене, и заглянула себе в горло.

— Ты какая-то странная, бабушка, — сказала мама. — Что ты делаешь?

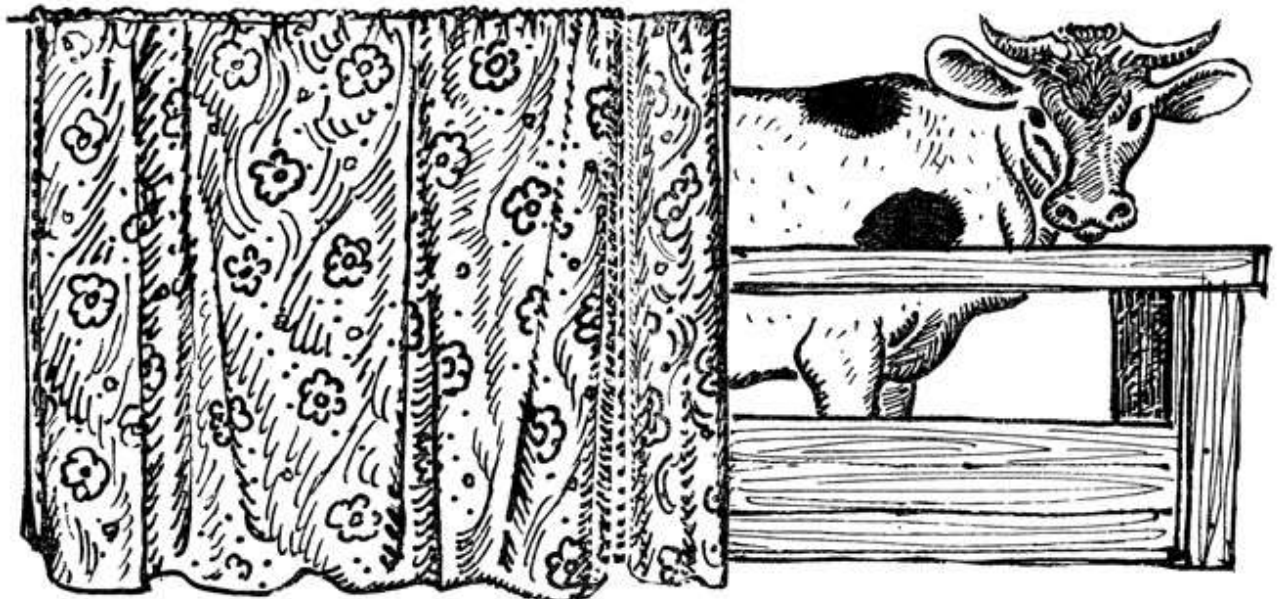
— Смотрю, не заболела ли я.

— Заболела? Ты просто устала после поездки. Выпей чашечку кофе, и всё пройдёт.

— А где отец? — вдруг подозрительно спросила бабушка.

Это, конечно, он вздумал подшутить над ней, пока она сидела на кухне и разговаривала с мамой. Она даже не заметила, когда он прошёл к ней в каморку.

Вдруг все ясно услышали, как в бабушкиной каморке кто-то несколько раз громко топнул и раздался звук, похожий на мычание.

— Что это там у тебя, бабушка? — удивилась мама.

— Ничего особенного, — сердито ответила бабушка. — Твой муж развлекается. Не успел приехать домой, как уже вздумал потешаться над старухой.

— Ты думаешь, это отец?

— А кто ж, кроме него, будет мычать и пугать бедную старуху? Конечно, он.

Снова послышалось мычание, и на этот раз гораздо громче.

— Ну хватит, отец, иди пить кофе! — крикнула мама.

«Му-у-у!» — раздалось в ответ. Это было негромкое, спокойное мычание, в нём даже слышалась некоторая грусть.

— Я сделаю вид, что ничего не слышу, — сказала бабушка.

— Хорошо, пусть он сидит там, сколько ему заблагорассудится, — сказала мама и громко позвала: — Марен, Мартин, Марта, Мадс, Мона, Милли, Мина, Мортен, идите ужинать! Я буду кормить всех, кто не мычит, а кто мычит — ужина не получит!

Дети наперегонки сбежали с лестницы.

— Мама, нам подарили карандаши и ручки! — воскликнула Мона.

— И ластики! — добавила Милли.

— Это Антон! — догадалась бабушка.

— А я в кухонном шкафу нашла новую поварёшку — это, конечно, тоже его подарок, — сказала мама.

В это время в кухню вошёл папа, но он вышел вовсе не из бабушкиной комнаты. Мама и бабушка очень удивились.

— Что же ты зимой через окна лазишь? — заворчала бабушка, которая думала, что папа вылез из окна её комнаты нарочно, чтобы её одурачить.

Папа с удивлением взглянул на неё и покачал головой, видимо не понимая, о чём она говорит.

— А ты неплохо мычишь, — продолжала бабушка.

Глаза у папы от удивления стали совсем круглые.

— Ты бабушке даже не дал прийти в себя после дороги и сразу принялся за свои шутки, — упрекнула его мама. — Если тебе так хочется, можешь мычать здесь, за столом, — мы все тебя слушаем.

— Для вашего удовольствия я готов даже мычать, — улыбнулся папа. — Сначала вы услышите самое обычное мычание, оно означает: я стою в хлеву.

И папа замычал во всё горло. За обычным мычанием шло радостное мычание на лугу...

Не успел папа замычать в третий раз, как Марен воскликнула:

— Первый раз слышу эхо у нас на кухне!

— А разве ты не знала, что у нас дом не простой, а с фокусом? — спросил папа. — Вот послушайте, я сейчас замычу, а вы молчите. Му-у-у!

«Му-у-у-у!» — раздалось из бабушкиной каморки.

— Действительно, чудесный дом, — сказала мама. — Но такого громкого эха не бывает. Там кто-то есть.

Бабушка с изумлением смотрела на папу:

— Разве это не ты прятался у меня в комнате в каком-то большом ящике? А кто же тогда это был?

— Ничего не понимаю! Какой ящик? — спросил папа.

— Огромный. Он стоит у меня в комнате.

Папа направился к бабушкиной каморке, мама, бабушка и дети — за ним.

Бабушка не ошиблась: у неё в каморке действительно стояло что-то похожее на огромный ящик, а в нём мирно жевала сено настоящая живая корова. Время от времени она негромко мычала.

— Корова! — воскликнула бабушка. — Настоящая, живая! Ах ты моя милая, как же ты сюда попала? Напугали мы тебя, бедненькую?..

— У неё на шее записка, — сказала Мона.

Папа подошёл к корове, погладил её по спине и снял записку. На листке с одной стороны большими буквами было написано: «Большой семье маленький подарок от Антона», а с другой стороны маленькими буквами было написано: «Дорогие папа, мама, бабушка и восемь детей! Все девятнадцать лет, что я жил в Америке, я мечтал о том, как вернусь домой на рождество и подарю отцу с матерью корову, которую им всегда очень хотелось иметь. Вернувшись в Норвегию, я купил корову и попросил, чтобы её доставили сюда на рождество. Но оказалось, что мои родители теперь живут в городе и не могут держать корову. А вы так хорошо меня встретили, что я подумал — пусть эта корова останется вам».

— Хотела бы я знать, доил ли кто её сегодня вечером? — спросила бабушка.

Она быстро нашла маленькую скамеечку, ведро, открыла одну стенку ящика, в котором стояла корова, и вошла к ней.

— Роза, моя Розочка, — говорила бабушка и гладила корову по спине и по бокам. — Ты соскучилась? Ты стояла и ждала нас?

— Боже мой, куда же мы её денем? — словно очнувшись вдруг, мама.

— Я тоже об этом думаю, — сказал папа. — Если бы теперь была весна, мы бы с Хенриком живо соорудили ей какой-нибудь хлев. Но зимой... Зимой строить трудно. Да и денег у нас не осталось. Всё, что было, мы истратили на праздники.

— Значит, вы считаете, что мы не сможем держать корову? — спросила бабушка дрогнувшим голосом.

— Нет, нет, нет! — испугался папа. — Не волнуйся! Уж если нам подарили эту корову, мы сделаем всё, чтобы ей у нас было хорошо. Просто нам до весны придётся держать её в доме.

— Конечно, пусть стоит здесь, а я смогу спать на скамье в кухне, — предложила бабушка.

— Не говори глупостей! — отозвался папа. — В твоей комнате она не останется. Смотрите на меня все и отвечайте! Какой комнатой в нашем доме мы пользуемся меньше всего?

— Гостиной! — закричала Милли. — Правда, папа? Мы почти никогда в ней не бываем, потому что на кухне гораздо уютнее!

Мама вздохнула: они действительно почти никогда не пользовались гостиной, но мама ею очень гордилась и каждый день тщательно вытирала в ней пыль.

Папа сразу понял, о чём подумала мама.

— Весной, когда хлев будет готов, я вычищу и отремонтирую гостиную. И ты украсишь её, как тебе захочется. Сейчас мы с Мартином отнесём туда этот ящик, а бабушка отведёт пока корову на кухню. Беги в сарай, Мадс, принеси мне пилу. Как ты её назвала, бабушка, Розой, кажется?

— Да, да. Пусть её зовут Розой, — попросила бабушка.

— Очень хорошо, — сказал папа.

Папа и Мартин унесли ящик в гостиную, а бабушка увела Розу на кухню. Там её увидела Самоварная Труба и подняла страшный шум. Она лаяла, бегала и прыгала вокруг Розы. Бабушка прикрикнула на неё, но Самоварная Труба не унималась. Тогда Роза нагнула голову и фыркнула, как настоящий бык.

Самоварная Труба метнулась стрелой под стол. Она сразу поняла, что с этой коровой шутки плохи.

Роза стояла посреди кухни, ища глазами исчезнувшую Самоварную Трубу. Но вместо неё она увидела много незнакомых интересных предметов. Она высунула длинный язык и лизнула кусок мыла, который лежал на лавке. Потом подняла голову и принялась жевать бахрому от абажура.

— Розина спальня готова! Ведите её сюда! — крикнул папа.

Бабушка отвела Розу в гостиную. Такого прекрасного хлева Роза не видела никогда в жизни. На стенах висели картины, а окна были украшены белыми занавесками.

— Завтра утром детям придётся сходить к Ларсу и спросить, не продаст ли он нам немного сена. А я в городе куплю комбинированных кормов. Голодной ты у нас не будешь, не бойся, — сказал папа Розе.

— Давайте пока никому не говорить, что у нас есть корова, а то как-то неудобно, что мы держим её в доме, — попросила Марен. — Нас в школе засмеют.

— Да, лучше не говорить, — поддержал её Мартин. — А то нас задразнят.

— Можно, я скажу только Уле-Александру? Он никому не проболтается! — попросил Мадс.

— Ему, конечно, можно, ведь он приходит к нам почти каждый день, — разрешил папа.

А Роза задумчиво жевала сено и разглядывала портрет отца папиного дедушки, который висел прямо перед ней.

Бабушка сияла. Неужели это правда, что у неё на старости лет вдруг появилась своя собственная корова? Ведь всю жизнь она ходила за чужими коровами. В эту ночь она просыпалась несколько раз, на цыпочках выбегала в гостиную и проверяла, стоит ли там Роза.

ПАПА ЛЕЧИТ ДЕТЕЙ

Ни одной корове на свете не жилось так хорошо, как Розе.

На окнах в гостиной висели занавески и стояли горшки с цветами. Время от времени кто-нибудь из детей приходил в гостиную, убирал в стойле и сыпал в него сухие опилки. Ведь Роза не умела, как Самоварная Труба, проситься на улицу.

Дети по очереди помогали бабушке. По утрам после уборки они становились в кружок и смотрели, как бабушка доит Розу.

— Смотрите, смотрите, — говорила им бабушка, — так и научитесь доить. Если человек не умеет доить, то немного стоит.

Бабушка пятьдесят лет ходила за коровами, поэтому она знала, что говорит.

Потом дети отправлялись в школу. Но с некоторых пор они перестали любить школу. Если бы Роза стояла в обычном хлеву, как все другие коровы, они бы с радостью рассказали о ней своим школьным товарищам. Но ведь Роза стояла в комнате с занавесками и цветочными горшками. А кроме того, от детей стало пахнуть хлевом.

Мадсу было лучше всех: он учился в одном классе с Уле-Александром, а Уле-Александр уже знал про Розу.

Если кто-нибудь в классе начинал подозрительно принюхиваться, Уле-Александр сразу же говорил о том, что мокрые шерстяные носки почему-то пахнут хлевом.

А мокрых шерстяных носок и варежек в классе было очень много. После каждой перемены мальчики сушили их на батарее.

— Шерсть от овец, она и пахнет овцами, — говорил Уле-Александр.

И все переставали удивляться, почему в классе вдруг запахло хлевом.

Да, Мадсу было легко, а вот Марен и Марте было гораздо хуже.

Марен в этом году начала учиться в гимназии, и, когда девочки в её классе презрительно морщили носы и заговаривали о коровнике, бедная Марен просто не знала, куда ей деваться. Некоторые девочки приходили в класс надушенные, и вот однажды Марен взяла мамины духи и вылила на себя чуть не полфлакона. Но всё равно девочки сидели, сморщив нос, и даже учительница сказала:

— Чем это у нас пахнет в классе?

А Марте было ещё труднее, потому что она очень легко краснела. Когда одна из девочек сказала, что в их классе пахнет хлевом, Марта стала красная как помидор. Хорошо, что у Марты была добрая учительница, которая тут же выручила её:

— Это очень приятный запах. Должна признаться, что здесь, в Тириллопене, мне его не хватает. Ведь, наверно, многие из вас даже не знают, как выглядит настоящий хлеб?

Марта покраснела ещё больше: она подумала, что учительница и не подозревает, как выглядит тот хлеб, в котором стоит их Роза.

Скорей бы уж наступила весна и папа с Хенриком построили бы для Розы настоящий хлеб! Но до весны было ещё так далеко...

Однажды утром мама очень испугалась: заболели все дети, кроме Мортена.

— Ничего не понимаю, — сказала мама, — у Марен болит голова, у Мартина — горло, у Марты — плечо, у Мадса — колено, у Моны — голень, у Милли — ступня, а у Мины — мизинец на ноге.

— Бедные дети, — вздохнула бабушка. Она тоже замечала, что в последние дни дети были не такие весёлые, как обычно.

— Разве дети не идут сегодня в школу? — спросил за завтраком папа.

— Нет, все, кроме Мортена, больны, а он ведь ещё не ходит в школу, — ответила мама.

— Чудеса! — сказал папа. — Позови их сюда, я посмотрю, что с ними.

— Но ведь они больны! — воскликнула мама.

— Неужели они даже с лестницы не в состоянии спуститься?

Папа надел мамин белый фартук, нацепил на нос бабушкины очки, на шею повесил толстый шнурок с защипкой от белья, который должен был изображать докторскую трубку. В одну руку он взял деревянную ложку, а в другую алюминиевую воронку, через которую мама разливала по бутылкам ягодный сок. Дети выстроились перед папой в очередь.

— Так, Марен, у тебя, значит, болит голова? — спросил папа и осторожно постучал по её лбу деревянной ложкой.

— Да, — хихикнула Марен, которой стало нестерпимо смешно при виде такого доктора.

— Мартин, покажи горло! Ведь у тебя горло болит, я не ошибся? Мать, принеси мне твою серебряную ложечку, которую тебе подарили в день совершеннолетия.

Мартин открыл рот, и папа через воронку заглянул ему в горло.

— Горло совершенно чистое. Ты болен притворством! Марта, покажи своё плечо.

Марта подошла к папе. Папа сначала покрутил ей одну руку, потом другую. Марта смотрела на него, открыв рот.

— Ты заразилась притворством от Мартина, — определил папа её болезнь.

Потом папа как бы случайно уронил под стол шарик и попросил Мадса достать его. Мадс быстро опустился на четвереньки и достал шарик.

— А у кого это болело колено? — спросил папа.

Мадс испугался — он совсем забыл о своём колене, но было уже поздно.

Папа занялся Моной. Он дал ей в руки скакалку и попросил её попрыгать, но хитрая Мона помнила, что у неё болит голень, и прыгать отказалась.

— Смотрите, мышь! — вдруг крикнул папа.

Тут уж Мона не выдержала и прыгнула на стул, забыв про свою голень.

У Милли болела ступня, а у Мины — мизинец на ноге, но, когда папа потрогал их за голые пятки, они так захохотали, что долго не могли остановиться.

— Понятно, — сказал папа, — а теперь расскажите мне, в чём дело.

Дети переглянулись, и Мартин ответил за всех:

— Просто от нас пахнет хлебом. И все в школе это замечают. Если ребята в Тириллопене узнают, что мы держим корову в комнате, они будут каждый день приходить сюда глазеть на неё и засмеют нас.

— Да, — сказал папа, — плохо дело. Я уж думал об этом. У нас весь дом пропах хлебом.

— Ну что ж, поставим Розу на зиму к Ларсу, — вздохнула бабушка, — другого выхода нет.

— Это тоже не выход, — сказал папа. — Нет уж, придётся нам с Хенриком построить для Розы хлев, хотя сейчас зима и работы у нас с ним в городе по горло.

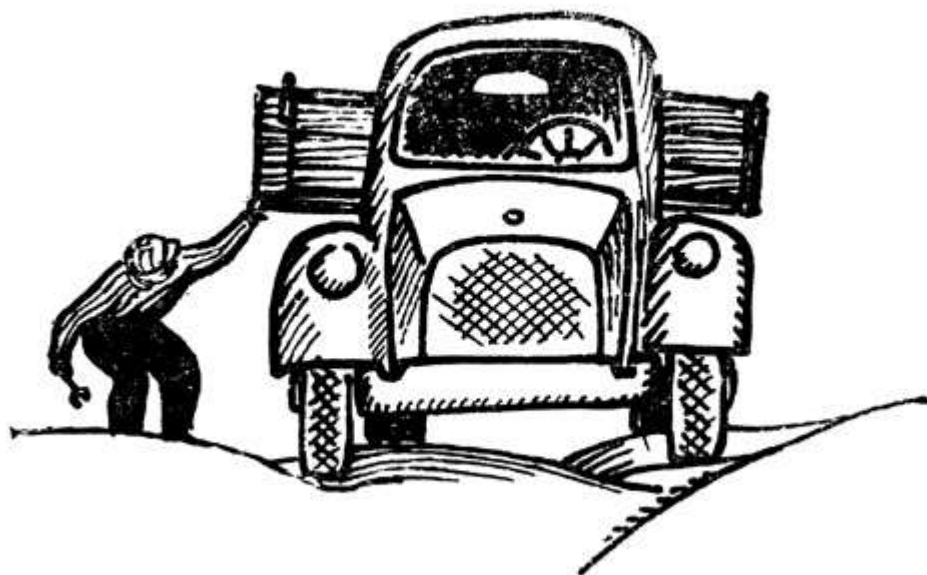
— Отец Уле-Александра сказал, что поможет тебе, если потребуется, и дедушка тоже, — сообщил Мадс.

— Тогда сегодня вечером мы обсудим, что нам необходимо для постройки хлева, — объявил папа и уехал на работу.

Вечером в домике в лесу собралось много серьёзных людей: дедушка и бабушка Уле-Александра, сам Уле-Александр и его отец, Хенрик, папа, мама, бабушка и все восемь детей. Это был комитет по строительству хлева. Члены комитета пили кофе и обсуждали постройку хлева для Розы.

И вот работа закипела. Работали каждый день после обеда. Сначала с того места, где должен был стоять хлев, счистили весь снег. Потом начали долбить в земле ямы. Это была тяжёлая работа, и продвигалась она медленно.

И хотя Роза всё ещё стояла в гостинной, детям стало легче ходить в школу. Ведь уже недалёк был тот день, когда они смогут рассказать про Розу.

ГРУЗОВИК ТРУДИТСЯ ДЛЯ РОЗЫ

Грузовик не особенно радовался появлению Розы. Все были теперь заняты ею и на него не обращали почти никакого внимания. Все только и говорили об этой глупой корове, которая стояла в комнате с белыми занавесками и цветочными горшками.

Но грузовик знал, что это ненадолго. Как они все первое время носились с Самоварной Трубой! А потом она просто стала членом семьи.

Теперь появилась эта корова... Сколько из-за неё было возни! Все куда-то бегали, приходили незнакомые люди, папа уходил в лес, а грузовик стоял во дворе, забытый всеми... От обиды у него даже мотор начал работать с перебоями. Папа должен понять, что нельзя так обращаться с лучшим другом. И папа понял это.

— Сегодня хлевом я заниматься не буду, мне надо заняться грузовиком, — объявил папа.

Он разобрал мотор, почистил его, смазал и ласково поговорил с ним, а когда снова собрал его, грузовик сказался в полном порядке. Мотор работал ровно и весело; уже давно его голос не был таким добрым и довольным.

Но если бы грузовик знал, что его ждёт, он бы, конечно, не позволил, чтобы его привели в порядок так быстро. Теперь же ему не оставалось ничего другого, как покорно выехать со двора.

Всё началось с того, что комитет по строительству хлева поехал к Ларсу. Грузовик решил, что члены комитета хотят покататься для собственного удовольствия.

Но всё оказалось гораздо хуже.

Сперва весь комитет вошёл в дом, и Анна угостила всех кофе.

— Скажи, Ларс, как нам построить хлев для Розы? — начал папа.

— Ну, хлев можно строить по-разному, — сказал Ларс.

— Надо зацементировать пол, потом застелить его досками... — вмешалась бабушка.

— Правильно, — поддержал её Ларс. — Сначала цементируют пол, потом настилают доски так, чтобы между цементом и досками была прослойка воздуха. Тогда в хлеву будет всегда тепло. И ещё надо решить, как будет убираться навоз. Через подпол или через люк в стене?

— Я понимаю, что всё это очень важно, — сказал папа. — Но меня интересует самый хлев. Из чего его надо строить, как ты думаешь, бабушка?

— Из чего? Из брёвен, конечно!

— Вот именно, из сухих брёвен, — сказал папа.

— Можно, конечно, весь хлев сделать из цемента, но это очень дорого, да и цемент зимой дол-

го сохнет, — сказал дедушка Уле-Александра.

Ларс молча наблюдал за ними. Потом он пригласил всех совершить небольшую прогулку.

— Только нам придётся идти по глубокому снегу, — предупредил он.

Всем было интересно узнать, куда же ведёт их Ларс и что он такое придумал... Они поднялись на высокий холм и увидели на другом склоне холма маленький домик с покосившейся крышей. Казалось, что шапка на доме съехала набекрень.

— Это наш старый хлев, — сказал Ларс. — Мы уже несколько лет им не пользуемся. Если хотите, я вам его продам. Стоит он не дорого, а деньги отдадите по частям. В нынешние времена люди не понимают, что такое хорошие брёвна, поэтому мне бы хотелось, чтобы этот хлев достался вам.

Бабушка очень обрадовалась, и Ларс объяснил, что хлев нужно будет разобрать по бревну и собрать на новом месте. А вот крышу придётся заменить — старая уже никуда не годится.

— Чудесно! — радовалась бабушка. — И тебе не жаль такого хорошего хлева?

— Нет, мне он не нужен, и я всё равно собирался сносить его. А теперь вы это сделаете за меня, — засмеялся Ларс.

Папа сразу же влез на хлев и начал разбирать крышу; бабушка Уле-Александра любовалась толстыми сухими брёвнами.

— Мы пронумеруем все брёвна, и тогда собрать их будет сущий пустяк, — сказал Ларс.

Папе непременно хотелось тут же снять и увезти с собой несколько брёвен. Но они оказались такие тяжёлые, что общими силами с трудом удалось дотащить до грузовика одно-единственное бревно.

— Я здесь завтра расчищу дорогу снежным плугом, тогда всё пойдёт как по маслу, — пообещал Ларс.

Грузовик не сразу понял, в чём дело, когда увидел процессию, тащившую большое бревно. Последний раз он возил брёвна несколько лет тому назад. Тогда-то у него и покосился кузов. Ну как ему могло прийти в голову, что папа снова повезёт на нём брёвна?

Наверное, папа сразу догадался, о чём думал грузовик, потому что он сказал ему:

— Не бойся, дружище, одно бревно — не такая уж большая тяжесть.

Но на другой день груз оказался гораздо тяжелее. Грузовик осел под тяжёлыми брёвнами. Кое-как он доехал до дому, но, когда брёвна сняли, папа увидел, что кузов покосился ещё больше. И ему стало жаль свой старый грузовик.

— Дружище ты мой верный, — ласково сказал папа, — я и не думал, что тебе будет так тяжело... Придётся придумать что-нибудь другое.

Папа попросил у Ларса большие сани-волокуши для перевозки брёвен. Грузовик медленно ехал домой и тянул за собой нагруженные сани. Ему было гораздо легче. Но теперь грузовику казалось, что он очень похож на обыкновенную крестьянскую лошадь.

«Если бы эта глупая корова хоть понимала, что мне приходится переживать ради неё», — думал грузовик.

— Смотри, какие тяжёлые брёвна, — сказала мама бабушке, когда последнее бревно уже было доставлено на место. — Здесь столько работы, что, по-моему, хлев будет готов ещё не скоро.

— Конечно, за один день его не построишь, — согласилась бабушка.

— Ты думаешь? — спросил папа и хитро посмотрел на неё.

ПАПА ВЕДЕТ СЕБЯ ЗАГАДОЧНО

В тот день, когда было решено собирать хлев, папа удивил всех. Сразу после обеда он поднялся и сказал:

— Ну, идём посмотрим, не сможем ли мы сложить хлев до наступления ночи.

— Да он рехнулся! — прошептала бабушка. — Кому ж это под силу сложить хлев за один день?

На дворе поведение папы стало ещё более загадочным. Он широко распахнул ворота и строго-настрого запретил их закрывать до самой ночи.

— Ещё неизвестно, может, кто-нибудь придёт к нам, — сказал он.

Так и оказалось: вскоре пришёл Хенрик, а вместе с ним Хюльда и крохотное существо, которое звали Анна-Офелия.

— Я захватил с собой всю семью, — сказал Хенрик. — Мне очень хочется, чтобы Анна-Офелия посмотрела, как строят хлев. Чем раньше она увидит, как люди работают, тем лучше.

— Господи, что же это я делаю? Совсем забыл! — воскликнул вдруг папа.

— Что ты забыл? — удивилась мама.

— Забыл, что на сегодня у меня назначена репетиция в духовом оркестре шофёров. К сожалению, я никак не могу её пропустить. Начинайте без меня, а когда я вернусь, посмотрим, что у вас получилось. — Он схватил свой тромбон, выбежал за ворота и скрылся в лесу.

Все онемели от удивления. Никто ничего не мог понять. Мама опомнилась первая:

— Мне очень жаль, но я даже не знаю, что и сказать. Вы все столько помогали нам... Вот и сегодня пришли, чтобы помочь, а он взял да ушёл. Я ничего не понимаю, но это на него не похоже. Может быть, он просто переутомился? Конечно, мы без него ничего делать не будем, и не надо больше приходить помогать нам, раз он так себя ведёт.

Мама чуть не плакала. Мортен погладил её по руке и сказал:

— Не огорчайся, мамочка, мы с тобой.

— Через сто лет всё забудется, — сказала бабушка, которая всегда говорила эту фразу в подобных случаях.

— Ерунда! — заявила бабушка Уле-Александра, кипя от негодования. — Этого ещё не хватало: сдаваться так быстро из-за того, что он удрал от работы. Сейчас мы будем сами строить хлев! Сколько надо человек, чтобы поднять одно бревно? Где бревно номер один?

— У меня пятое, — сказала Марта.

— У меня второе, — сказал Мадс.

— На первом сидит мой дедушка! — закричал Уле-Александр. — Дедушка, встань-ка!

Дедушка поднялся, и под ним действительно оказалось бревно номер один.

— Все вместе мы его, конечно, поднимем, — сказала Хюльда. — Давайте сядем на корточки по обе стороны бревна и поднимем его по счёту «раз-два-три». Хенрик, скажи нам, куда его надо положить?

— Раз-два-три! Ура! — закричала бабушка.

Ох какое тяжёлое было это бревно, но когда люди работают сообща, им всегда легче.

— Так, чуть-чуть вправо! — командовал Хенрик. — Теперь бабушкин конец немного заносим влево! Остальные стоят на месте. Три шага вперёд — и тихонько опускаем! Раз-два-три!

Теперь уже «ура!» закричали все. Только Хенрик задумчиво смотрел на множество брёвен, разбросанных по двору. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил, что мужество покидает его.

— Может быть, мы одолеем сегодня ещё одно бревно? — нерешительно спросил он.

— Что за разговоры? Конечно! — воскликнула бабушка Уле-Александра.

Все снова присели на корточки перед бревном, на котором была написана цифра «два». Но как только они оторвали его от земли, Самоварная Труба залилась громким, отчаянным лаем. Она даже села на задние лапы, подняла вверх мордочку и завывала.

— Да перестань ты! Не мешай нам работать! — прикрикнула на неё бабушка.

— Вы слышите? — воскликнул вдруг Мортен, который крутился рядом и делал вид, что он тоже несёт бревно.

— Слышим, у Самоварной Трубы очень красивый голос, — сказала мама.

— Да я не про Самоварную Трубу, а про музыку!

— Сюда, сюда, немного правей, — перебил Хенрик Мортена.

— Это трубы и барабаны в джунглях! То есть в нашем лесу! — закричал Мортен.

Хенрик громко командовал, все тяжело дышали, но теперь уже и они слышали музыку. Это были барабаны, трубы, кларнеты, тромбоны. Целый духовой оркестр. Музыка звучала всё ближе и ближе. Казалось, будто каждая ёлка в лесу изо всех сил трубит в трубу.

— Музыка идёт сюда! — Мортен задышался от волнения. — Вот они! Здесь, на нашей дороге!

Все оцепенели с тяжёлым бревном в руках.

На лесной дороге замелькали блестящие медные трубы; их несли большие сильные люди. У всех за спинами висели рюкзаки, а самый последний нёс в руках маленькую ёлочку. Стройной колонной они прошли в ворота, остановились перед домом и, стоя по стойке смирно, доиграли марш до конца.

Только когда музыка умолкла, бабушка и все остальные заметили, что они до сих пор держат бревно.

— Шаг вперёд, опускайте бревно на место! — скомандовал Хенрик, и второе бревно легло рядом с первым.

На этот раз «ура!» закричали музыканты, и кричали они так же громко, как играли.

Потом папа повернулся к маме, бабушке и остальным и сказал:

— Имею честь представить вам духовой оркестр шофёров в полном составе!

Музыканты спрятали в чехлы свои инструменты, сняли с плеч рюкзаки и вытащили из них уже другие инструменты: молотки, клещи, пилы и многое другое.

— Эти ребята обещали помочь нам построить хлев для Розы, но я подумал, что члены строительного комитета имеют право заложить первое бревно. И мне приятно видеть, что они с этим справились, — сказал папа.

— Мы справились с двумя, — гордо поправила его бабушка.

— И чудесно! Теперь предоставьте остальную работу нам, а для вас найдётся другое занятие.

Бабушка будет печь вафли, мама делать бутерброды. Хлеб в кладовке. Масло, колбаса и сыр там же. Чашки все принесли с собой — об этом вам не надо заботиться. Хюльда, в шкафу на кухне спрятано два килограмма кофе — это по твоей части. Бабушка Уле-Александра отвечает за вафли вместе с нашей бабушкой. Все остальные будут выполнять их поручения. А Хенрик пойдёт с нами, потому что он больше всех понимает в строительстве.

Никогда в жизни Хенрик не был так горд. Он взглянул украдкой на Анну-Офелию, как будто она могла понять, о чём здесь говорят. Но Анна-Офелия спала, не обращая никакого внимания на шум.

В духовом оркестре шофёров было ровно пятьдесят человек. И хлев рос прямо на глазах у изумлённых детей, которые следили за работой.

Не успели ещё сгуститься сумерки, как на дворе уже стоял хлев для Розы, украшенный маленькой ёлочкой. Он был очень красив.

А потом в честь нового хлева был устроен пир с вафлями, бутербродами и кофе. Перед уходом музыканты спрятали пилы и топоры и снова вынули трубы. Все пошли провожать их. Бабушка шла впереди оркестра и освещала дорогу фонарём, потому что в лесу было уже совсем темно. За её спиной гремела музыка, и бабушка не могла удержаться, чтобы не размахивать фонарём в такт марша.

— Хороший день был сегодня! — сказала бабушка, когда они вернулись домой.

Все согласились с ней, и только одна Роза ничего не поняла из того, что происходило кругом. Она смотрела на цветочные горшки и думала, что ей очень хорошо живётся в этой уютной гостиной.

БАБУШКИНА ДОРОГА

РОЗИНЫ ПАСТУХИ

Марен, Мартин, Марта, Мадс, Мона, Милли и Мина были в школе; папа с грузовиком уехал в город; дома оставались только мама, бабушка, Мортен да Самоварная Труба. Роза стояла в своём хлеву, и пять бабушкиных кур составляли ей компанию. Бабушка вышла на крыльцо, посмотрела на небо и с удовольствием понюхала воздух.

— Ну что ж, пора тебе уходить. Иди и раньше Рождества можешь не возвращаться.

— С кем ты разговариваешь, бабушка? — спросил любопытный Мортен.

— Прощаюсь с зимой.

— Но ведь зима ещё не ушла, всюду снег, и нет никакой зелени.

— Ну и что ж? Я по запаху весну чую. Принюхайся и поймёшь, что весна уже совсем близко.

Мортен сел на крыльцо и принялся старательно нюхать воздух, потом понюхал снег. Сначала он ничего не почувствовал, но вдруг ему показалось, что он слышит какой-то слабый и очень приятный запах. Наверно, это и была весна.

— А что, зима сегодня уже уйдёт?

— Нет, так быстро ей не собраться. Несколько деньков она ещё погостит у нас.

Но прошло гораздо больше, чем «несколько деньков», прежде чем зима надумала уходить. Правда, с каждым днём солнце грело всё сильнее, днём с крыши бежали весёлые ручейки, а ночью вырастали длинные сосульки.

И вот однажды пошёл дождь, совсем как летом. Один за другим исчезали на дворе снежные островки. И казалось, что во всём мире нет ничего, кроме воды, хлюпкой грязи да старого снега, который уже не мог снова стать белым.

— Ларс разрешил нам пасти Розу в своём лесу до самой зимы, — сказала однажды бабушка.

— А она одна не заблудится? — спросил Мортен.

— Я буду пасти её, пока она не привыкнет к лесу и не станет сама находить дорогу домой, — ответила бабушка.

Время шло, и вот в один прекрасный день бабушка проводила Розу в лес. Там, на открытых полянках, зеленела первая молодая травка. Большие деревья бросали таинственные тени, на разные голоса пели птицы, квакали лягушки. Роза была довольна.

Бабушка пасла её целый день и очень устала. Она любила лес, но пасти корову в её возрасте было не так-то легко.

— Бабушке надо помочь, — сказал вечером папа. — В эти летние каникулы мы никуда не поедим. Уж очень дорого нам обошёлся Розин хлев, хотя мы и строили его сами.

— У нас теперь совсем нет денег? — испуганно спросила Мона.

— Я думаю, мы как-нибудь выйдем из положения, — сказал папа. — Только ни о каких поездках не может быть и речи. И кроме того, вам придётся помогать дома по хозяйству.

— Значит, мы можем умереть с голода, если не будем работать? — снова спросила Мона.

Она твёрдо знала: человек должен работать, чтобы не умереть с голода, и была готова изо всех сил помогать папе.

— Ну, не так уж всё страшно, — утешила её мама. А папа сказал:

— Вы должны разбиться на пары, и каждая пара по очереди будет пасти Розу. Вот мы и посмотрим, кто у нас самый лучший пастух.

На кухне поднялся страшный гам и крик; все говорили и кричали, перебивая друг друга.

— Я хочу пасти с Милли! — кричала Мина.

— Давай с тобой вместе пасти! — кричала Мона Мадсу.

— Правильно! А если Уле-Александр никуда не уедет, он тоже будет пасти Розу вместе с нами. Ладно?

— М-м-м, — промычала Мона.

Марен и Мартин были самые старшие и привыкли всегда всё делать вместе, поэтому было решено, что они будут пасти Розу первую неделю. Без пары остались только Марта и Мортен. Мортен понимал, что никому не хочется пасти вместе с ним, потому что он самый маленький. Он взглянул на Марту:

— Я знаю, Марта, что тебе не хочется пасти вместе со мной, хотя я очень хорошо умею пасти коров. Но если тебе надо прежде подумать, я могу помолчать...

— Не надо молчать, — ответила Марта. — Я уже подумала и решила, что мне лучше всего пасти именно с тобой.

Мортен радостно улыбнулся и убежал во двор, чтобы никто не видел, как он счастлив.

На другое утро очень рано Марен и Мартин ушли в лес вместе с Розой. У каждого из них было по мешочку с едой и по палке. Их снарядили так, словно им предстояло пасти целое стадо.

И Марен и Мартин любили читать, поэтому они захватили с собой очень интересные книги. Книга Мартина называлась «На дне моря», а книга Марен — «Винда становится секретаршей графа».

— Давай сделаем так, — предложила Марен, — сначала ты читаешь, я пасу, а потом наоборот.

— Хорошо, — согласился Мартин. — Можешь и ты читать первая, а я — пасти, мне безразлично.

— Как ты думаешь, далеко надо идти в лес? — спросила Марен.

— Я думаю, что это решит сама Роза, — ответил Мартин.

Роза останавливалась то тут, то там, щипала траву, но потом всё-таки шла дальше. Наконец она нашла подходящее место: большую открытую поляну. Здесь было много сочной травы.

— По-моему, она за один день всё равно не съест столько травы, — сказал Мартин. — Давай разобьём здесь лагерь.

Слова «разбить лагерь» звучали очень заманчиво. Мартин положил свой мешок на землю и

спрятал еду в тени кустов. Потом он нашёл пенёк, который должен был служить ему столом. Марен тем временем уткнулась в книгу. Роза паслась так спокойно, что Мартин решил последовать примеру Марен.

— Ничего не случится: на ней колокольчик, так что мы всегда услышим, где она, — сказал Мартин.

— Да, да, — рассеянно ответила Марен. Она успела прочесть уже три страницы, и жизнь Винды полностью поглотила её.

Мартин пожал плечами и открыл свою книгу. Через минуту для него тоже перестало существовать всё окружающее — он погрузился на дно моря.

Детей донимали мухи и комары, но они продолжали читать, ничего не замечая вокруг.

Так они читали, пока Мартин не отсидел ногу. Ему пришлось встать и попрыгать на другой ноге. Пока он качал ногой, которую кололо и щекотало множество иголок, он осмотрелся: Розы нигде не было, но колокольчик звенел где-то поблизости. Мартин решил пойти поискать Розу, раз уж он всё равно оторвался от книги. Марен тоже захотелось размяться. Она заложила страницу травинкой и поднялась.

— А где Роза? — спросила она удивлённо. — Что-то я нигде её не вижу.

— Я тоже не вижу. Пошли на звон колокольчика, — предложил Мартин.

Так они и сделали. Они подходили к колокольчику всё ближе и ближе, и вот уже стало казаться, что он звенит прямо у них над головой.

Мартин первый увидел колокольчик. Он был привязан к ветке. Дул лёгкий ветерок, и каждый раз, когда ветка качалась, колокольчик звенел, словно он висел на шее у Розы.

— Как же это могло получиться? — удивилась Марен. — Может быть, Роза подошла к дереву почесаться и колокольчик зацепился за ветку?

Мартин покачал головой:

— Нет, он висит слишком высоко, и верёвка завязана на два узла. Этого Розе самой не сделать.

Марен хотела громко позвать Розу, но Мартин остановил её:

— Тише, мы и так её найдём! Пошли!

Марен последовала за ним.

— Может быть, это бабушка или кто-нибудь из наших увёл Розу домой, чтобы попугать нас? — спросила Марен.

— Возможно, но мне всё-таки кажется, что наши здесь ни при чём. Помоги мне разобраться в следах. Тот, кто повесил колокольчик на дерево, хотел направить нас по ложному следу. В этом месте Розе ведь не пройти.

— Не знаю. Здесь столько следов, что нам не разобраться, какие именно ведут в глубь леса.

— Сейчас разберёмся! Рядом с пнями, на которых мы сидели, во всяком случае, никто не проходил, ни у кого не хватило бы наглости увести Розу у нас из-под носа.

— Но и здесь тоже никто не проходил. Это место очень хорошо видно с наших пеньков, — подхватила Марен.

— Значит, они прошли по одной из боковых тропинок! Давай ты осмотри левую, а я правую!

Мартин почти лёг на тропинку и водил по ней носом. Вскоре он выпрямился и тихонько свистнул Марен.

— Смотри, я нашёл следы коровы и двоих людей. Пойдём по этим следам.

— Ты настоящий следопыт! — Марен была испугана, но старалась не подавать виду.

Больше всего ей хотелось сбегать домой за мамой, но она понимала, что Мартин ни за что на свете не согласится на это. Он не уйдёт домой, пока не найдёт Розу!

Идти по следам оказалось не так трудно. Дети почти не разговаривали друг с другом. Мартин радовался, что прочёл много книг про индейцев; теперь ему это очень пригодилось. Он знал, что нельзя наступать на ветки, чтобы случайно не выдать своего присутствия, знал, что надо часто останавливаться и прислушиваться.

— Я видела однажды ковбойский фильм, там тоже украли корову. А однажды воры угнали целое стадо.

— Нашу Розу увели всего два человека, — сказал Мартин.

— Если бы мы с тобой были на лошадях, мы бы их быстро догнали, — вздохнула Марен.

Но Мартин не слышал её. Он уткнулся носом в самую землю. Что такое? На тропинке из палочек был выложен крест, а в центре креста прикреплён клочок бумаги. Мартин схватил бумагу и расправил её. На ней была нарисована коровья морда, а под ней написано: «*Вы на верном пути*».

Марен и Мартин побежали дальше. Они заметно осмелели. Розу, конечно, увели в шутку: настоящие воры не оставляют таких записок.

От радости Марен засмеялась и заговорила во весь голос, но Мартин рассердился:

— В шутку или нет, мы всё равно должны застать их врасплох и напугать. Ты только вспомни, как мы с тобой перепугались, когда обнаружили, что Роза пропала.

— Как ты думаешь, может, всё это устроил Уле-Александр? Помнишь, мы в то лето играли в индейцев, так он тоже всё время писал разные записки и оставлял какие-то таинственные знаки.

— Нет, это не он, — прошептал Мартин. — И вообще, это сделали взрослые, а не дети. У детей не бывает таких больших ботинок, погляди на следы!

— Ну, значит, это взрослые решили поиграть в детей!

Вдруг Мартин упал на землю. Марен бросилась на землю рядом с ним.

— Вон Роза! — прошептал Мартин. — Только молчи! Ни звука! Она там щиплет траву.

— Давай уведём её обратно так, чтобы никто ничего не заметил, — предложила Марен.

Мартин молча кивнул. Они лежали и выглядывали из-под веток большой ели. Сначала они видели одну Розу, но потом Марен толкнула Мартина в бок и показала рукой вправо.

У Мартина даже горло пересохло. Теперь он тоже увидел *их*! Но их было не двое — их было целых шесть человек, и, если бы Мартин был помладше и поглупее, он бы обязательно принял их за индейцев: они были обнажены по пояс и их загорелая кожа блестела на солнце. Это были рабочие, строившие автомобильную дорогу.

— Как же нам незаметно увести Розу? — прошептала Марен.

— У меня такой план, — сказал Мартин. — Я отвлеку их внимание, а ты тем временем уведёшь Розу. Сейчас я залезу вон на то дерево и устрою концерт. Когда они побегут в мою сторону, чтобы узнать, в чём дело, хватай Розу и беги. Соль у тебя есть?

— Да!

— Вот и хорошо. Веди её по той же тропинке, по которой мы пришли, и старайся идти побыстрее.

Марен кивнула, и Мартин быстро пополз к дереву. Скоро Марен услышала блеяние овец и хрюканье поросят. Казалось, что стадо овец повстречалось со стадом свиней и они остановились побеседовать. Мартин был в ударе. Марен взглянула на рабочих. Те удивлённо озирались, стараясь понять, откуда эти звуки; потом побежали к дереву, на котором сидел Мартин. Марен не зевала. Она подбежала к Розе, обняла её за шею и потянула за собой. Но Роза вовсе не собиралась уходить: здесь было так много вкусной, сочной травы. Марен вытащила соль. Почувяв соль, Роза забыла о траве и покорно пошла за Марен. К счастью, на Розе теперь не было колокольчика, и никто не слышал, как они уходили.

Мартин сидел на верхушке дерева и смотрел вниз на рабочих. Они искали в кустах овец. Ведь они отлично слышали, что здесь только что блеяли овцы.

Вдруг один из них крикнул:

— Смотрите, корова исчезла! Наверное, ребята уже побывали тут.

— Да нет, где им! — ответил другой. — Просто корова домой сбежала. Ну, нам пора приниматься за дело, хватит развлекаться.

— Через пять минут взрываем! — крикнул старший.

Как только они ушли, Мартин скатился с дерева — ему вовсе не хотелось сидеть на дереве, когда рабочие начнут здесь что-то взрывать. Он решил оставить им записку: пусть не думают, что Роза просто убежала домой. Ведь это Марен и он освободили её из плена! Рабочие быстро долбили дырки и закладывали в них взрывчатку. Мартин вытащил из кармана кусок мела и написал на большом камне: «*Мне больше нравится дома, с теми, кого я люблю. Будьте здоровы. Корова. Ме-*

ня зовут *Роза*».

Мартин был очень доволен собой, но следовало спешить, потому что слышались крики: «Берегись!» Взрыв мог раздаться в любую минуту, и Мартин нёсся со всех ног. Наконец он увидел Марен и Розу. А когда загрохотал взрыв, они уже были на своей полянке. Мешочки с бутербродами лежали на самом солнцепёке. Марен и Мартин с удовольствием принялись за еду. Роза пощипала траву, а потом улеглась в тени.

— Давай никому не скажем, что случилось! — предложила Марен, когда они подходили к дому.

— Ладно, — согласился Мартин.

И поэтому, когда их спросили, как прошёл день, они ответили:

— Хорошо!

ДВОЕ ПОПАДАЮТ В ПЛЕН

Неделя Марен и Мартина закончилась. После того как Роза пропадала, они стерегли её во все глаза. Она постоянно норовила удрать к тем рабочим, которые увели её в первый день.

— Значит, они хорошие, — говорила Марен.

— Глупости! Просто на той лужайке самая вкусная трава, — сердился Мартин.

В первый же день дежурства Мадса и Моны Роза решительно направилась прямо туда, куда ей хотелось.

Накануне Мадс сбегал к Уле-Александру и пригласил его пасти Розу вместе с ними. Уле-Александр с радостью согласился и рано утром в понедельник уже ждал Мадса и Мону возле их дома. На спине у него висел рюкзак, на шее на верёвке болталась дудочка, и кепка была лихо сдвинута на самый затылок.

— Смотрите не прозевайте Розу, — сказала им на прощание бабушка. — И помните: Роза должна пастись там, где ей хочется.

— А до которого часа? — спросил Уле-Александр.

— Роза сама знает время. Придёте часов в пять — и хорошо.

Бабушка сидела во дворе на солнышке и вязала. Она чувствовала себя хозяйкой большой усадьбы, у которой целых девять пастухов, чтобы пасти её стадо.

— Странно, — сказала Мона, — мы столько времени живём в лесу и вроде уже привыкли к нему. А всё равно интересно и даже немного страшно провести в лесу одним целый день.

— Ты не одна, так что тебе нечего бояться, — успокоил её Мадс.

— Хорошо бы, с нами что-нибудь приключилось! — сказал Уле-Александр.

— Да, — подхватил Мадс, — что-нибудь необыкновенное.

— Давайте пойдём молча и будем слушать, что делается в лесу, — предложил Уле-Александр.

Они пошли очень тихо, говорили только шёпотом и ступали так, чтобы не хрустнуть ни одной веточкой.

Роза шла впереди. Она не могла идти тихо, потому что у неё на шее болтался колокольчик, но случалось, что она останавливалась. И тогда дети слышали только тишину. А тишина была такая, что от неё даже начинало звенеть в ушах. Вдруг Мадс сказал:

— Я что-то слышу, а что — не пойму.

— Я тоже, — сказал Уле-Александр. — Я уже давно слышал какие-то звуки, только боялся говорить вам, чтобы вы не испугались.

— Давайте снимем с Розы колокольчик и послушаем.

Мадс снял колокольчик, завернул его в носовой платок и сунул в карман. Потом он потянул Розу в сторону и спрятался вместе с ней за большое дерево. Мона и Уле-Александр спрятались рядом с ним. Мадс нарвал травы и кормил Розу, чтобы она не вышла из-за дерева. Он сделал знак Уле-Александру, чтобы тот подполз к тропинке и посмотрел, не идёт ли там кто-нибудь.

Сердце Уле-Александра билось громко-громко; он слушал так старательно, что у него зашумело в ушах, и он уже не мог разобрать, слышит ли он чьи-то шаги или это ветер шелестит в кустах и деревьях да шуршат прошлогодние листья. Неожиданно на тропинке появились Марен и Мартин. Уле-Александр спрятал лицо в мох, чтобы они не слышали его дыхания. С озабоченными лицами Марен и Мартин пробежали мимо.

— Смотри, как далеко они уже ушли, — на бегу сказала Марен.

— Ну, значит, они попали прямо им в лапы! Хотел бы я знать, что здесь произойдёт сегодня?

Они пробежали мимо, а Уле-Александр пополз рассказывать, что он услышал.

Мадс догадался, что с Марен и Мартином что-то случилось, когда они пасли Розу, о чём они никому ни слова не сказали. Они совершили какую-то оплошность и теперь прибежали посмотреть, не повторят ли Мона и Мадс их ошибки.

— Что же нам делать? — воскликнул Мадс. — Роза хочет идти дальше.

— Хорошо, что ты снял с неё колокольчик, — сказал Уле-Александр.

— Интересно, о ком они говорили? — спросила Мона. — Может, лучше пойти и всё рассказать маме?

Нет, Мона, если бы было что-нибудь опасное, Марен и Мартин обязательно сами бы всё рассказали.

— Я придумал! Ура! — Уле-Александр нырнул с головой в рюкзак и вытащил оттуда нож и моток верёвки.

Увидев нож, Мона испугалась:

— Если вы собираетесь драться по-настоящему, я ухожу домой!

— Не бойся! Драться никто не будет. Сейчас мы нарежем побольше веток, — сказал Уле-Александр.

— А зачем вам ветки? — недоверчиво спросила Мона.

— Мы привяжем их к себе и станем похожи на деревья. Так нас никто не заметит!

— Это хорошо! Если меня никто не заметит, то мне и страшно не будет, — сказала Мона.

Роза щипала траву. Уле-Александр резал ветки, а Мадс привязывал их к себе и к Моне. Они провозились довольно долго. Потому что мальчики срезали с каждого дерева только по одной ветке, чтобы не погубить деревья.

Мона первая превратилась в ёлочку и побежала за Розой, которой надоело ждать. На ходу Мона крикнула:

— Идите скорей, а то вы нас не догоните!

Ей никто не ответил, только две соседние ёлочки издали угрожающее шипение и в воздухе мелькнул пастуший кнут.

Дети пошли дальше.

Впереди послышался шум и громкие голоса. Потом раздался гудок, похожий на фабричный. Это гудел какой-то рабочий, прикрыв рот рукой. Перестав гудеть, он крикнул:

— Обедать!

— Я тоже хочу есть, — сказал Уле-Александр.

— Придётся потерпеть, — вздохнул Мадс.

— Стойте тихо, кто-то идёт, — шепнула Мона.

По направлению к ним шли двое рабочих. Не доходя до детей, они сели на траву, разложили пакеты с едой и вытащили термос.

— Хорошая нам работа попалась — не работа, а санаторий. Ходим по лесу, едим на свежем воздухе. Лучше не придумаешь.

— Да, здесь работать — не то что в городе на раскалённом асфальте.

— Смотри-ка, я думал, это привидение, а это, оказывается, наша корова. Она сегодня без колокольчика, вот мы и не слышали, как она подошла. Наверно, её пастухи опять зачитались, — сказал первый рабочий.

Он подошёл к Розе и потрепал её по шее.

Тем временем Уле-Александр подкрался, подкатил к себе его термос, обвязал его бечёвкой и повесил на дерево. Потом три ёлочки незаметно отошли в сторону и стали ждать, что произойдёт дальше.

Рабочий вернулся к своему месту, и ребята услышали его громкий голос:

— Куда ты дел мой термос?

— А я его и не трогал, — ответил другой.

Первый рабочий долго искал свой термос и вдруг обнаружил его на дереве.

А в это время Марен и Мартин, насвистывая, пробирались через лес, высматривая Розу и её пастухов.

— Вот они, — шепнул один из рабочих. — Ты хватай девчонку, а я — мальчишку.

Рабочие спрятались за дерево и, когда Марен и Мартин проходили мимо, взяли их в плен.

— Спасите! — закричала Марен, а Мартин мрачно и угрюмо смотрел перед собой.

— Ну, хитрецы, а что вы собирались устроить сегодня? — спросил первый рабочий. — Сейчас мы поведём вас на суд и расправу. Роза, идём за нами!

Марен, Мартин и рабочие исчезли за деревьями; Роза послушно пошла следом.

На некотором расстоянии от этой процессии бежали три небольшие ёлочки. Пробежав несколько шагов, они останавливались и замирали. Все ели в лесу удивлённо перешёптывались и шуршали ветками: они и не знали до сих пор, что некоторые из них могут передвигаться с места на место.

Один из рабочих говорил что-то о своём термосе, который висел на дереве.

— Это наши, наверно, подвесили его термос, — шепнула Марен Мартину.

Рабочие оказались добрыми и весёлыми людьми. Они приветливо познакомились с Марен и Марином.

— Меня зовут Эжен, — сказал один.

— Меня — Ханс, — сказал другой.

— Меня — Харри, — сказал третий.

— Меня — Бьёрн, — сказал четвёртый.

— Меня — Монрад, — сказал пятый, тот, чей термос оказался на дереве.

— А меня — Кнют, — сказал приятель Монрада. — Теперь вы в плену, — объявил Кнют, — нам с вами будет гораздо веселее. Мы ведь тоже любим иногда поиграть.

Мартин два раза пытался убежать, но оба раза кто-нибудь ловил его и приводил назад.

— Ну, а теперь за работу! — крикнул Эжен. — Монрад, стереги пленных! Домой мы их отпустим только вечером, а пока пусть побудут с нами.

— Давайте мы тоже будем работать, а то нам скучно так сидеть, — предложил Мартин.

— Ты-то сможешь немного поработать, а вот девочке здесь делать нечего: мы таскаем камни и корчем пни — это всё тяжёлая работа, — сказал Эжен.

— Я буду носить что полегче, — сказала Марен.

— Ладно. Но Монрад всё равно будет следить за вами, так что убежать вам не удастся, на это вы не рассчитывайте.

Пока они разговаривали, Мадс, Мона и Уле-Александр подошли совсем близко. Они стояли неподвижно, как настоящие деревца, и никто их не замечал.

— Розу нам отсюда не увести. Ей здесь нравится. Давайте постоим и подумаем, что же нам делать, — сказал Мадс.

— Потихоньку отступаем к лесу, — прошептал Уле-Александр. — Нет смысла стоять так

близко к неприятелю.

— Верно, за Розу можно теперь не беспокоиться. Идёмте завтракать. У меня от голода живот подвело.

Они нашли укромную лошину, где могли спокойно расположиться и отдохнуть после беспокойного утра.

— Смотрите, как они загорели, — сказал Уле-Александр, глядя на рабочих и доедая последний бутерброд. — Интересно, они и домой так пойдут?

— Как — так? — не понял Мадс.

— Ну, без рубашек и пиджаков.

— Почему? Рубашки-то они, во всяком случае, наденут. Они разделись, потому что им жарко работать.

— И для того, чтобы загореть, — вставила разумная Мона.

— План такой, — сообщил торжественно Уле-Александр. — Мы стащим их пиджаки и рубашки и развесим их на кустах. Пусть поищут. Но только надо действовать осторожно, чтобы не угорать в плен, как Мартин и Марен!

Ребята пошли обратно и скоро оказались около пней, на которых были аккуратно сложены шесть пиджаков и шесть рубашек.

Ёлочки двигались очень осторожно, их движений почти не было видно. Они медленно подкрадывались к пням, брали по одному пиджаку или рубашке, отходили шаг за шагом и развешивали одежду на ёлках и можжевельниках.

Когда Мона несла уже последний пиджак, сильный порыв ветра взметнул его в воздух.

— Это что ещё за шутки? Кто повесил мой пиджак на ёлку? — воскликнул удивлённый Эжен, приняв Мону за ёлку.

— Не знаю! Только наши пленники здесь ни при чём: я всё время слежу за ними, — ответил Монрад.

И тут на глазах у изумлённых рабочих маленькая ёлочка, на которой висел пиджак Эжена, громко вскрикнула, бросила пиджак на землю и пустилась наутёк. За ней побежали ещё две ёлки. Они мгновенно скрылись в лесу. Рабочие бросились за ними.

— Ну! — сказал Мартин.

— Ну! — сказала Марен.

Они подбежали к дремлющей Розе, растолкали её и, схватив за шею, потащили за собой.

Взять в плен три маленькие ёлочки оказалось не так-то просто. Каждый раз, когда рабочие подбегали к ёлке, на которой висел пиджак, они обнаруживали, что это самое обыкновенное дерево, которое и не думает от них убежать.

Мадс, Мона и Уле-Александр пробирались сквозь густые заросли уже далеко от своих преследователей.

— Всё! Нас опять перехитрили, — сказал наконец Эжен, устав бегать от ёлки к ёлке. — Идём к нашим пленникам и узнаем у них, в чём дело.

Но когда они вернулись к месту работы, пленников и след простыл. Они исчезли вместе с Розой.

Немного спустя Марен и Мартин догнали своих освободителей.

— Спасибо за освобождение! — крикнула Марен. — А вы просто молодцы! Можете не бояться: сегодня они за вами больше не погонятся, им надо работать.

— Не говорите ничего дома, — сказал Мартин. — Пасите Розу подальше от того места, где они работают, а потом посмотрим, как её будут пасти Мина и Милли.

— Слушайте! — воскликнула вдруг Марен.

Все прислушались. Далеко-далеко раздавалось дружное мычание. Роза не замедлила с ответом. Она подняла морду и громко, призывно замычала.

— Это рабочие прощаются с Розой, — сказала Марен.

Ровно в пять часов, как и наказывала бабушка, они пригнали Розу домой. Бабушка погладила Розу и сказала:

— Я вижу, и сегодня тебя хорошо пасли. Повезло нам с пастухами. Но и им повезло не меньше: тебя пасти — дело не хитрое.

Марен, Мартин, Мадс, Мона и Уле-Александр переглянулись, но не сказали ни слова. Промолчала и Роза. Так бабушка ничего и не узнала о шести рабочих, что строили в лесу новую дорогу.

МИЛЛИ, МИНА И МЕДВЕДЬ

Милли и Мина обдумали заранее, как они будут пасти Розу. Конечно, им хотелось, чтобы с ними пошёл кто-нибудь из старших — Марен или Мартин. Но, с другой стороны, самое интересное и заключалось в том, чтобы отправиться в лес одним.

Если бы мама заглянула в рюкзак Милли, она бы обнаружила там множество любопытных вещей. Здесь лежало печенье, иголка, нитки и ножницы, на случай если они разорвут в лесу платья. Кроме того, Милли положила туда пачку маргарина и мешочек с овсянкой: а вдруг они заблудятся в лесу и захотят есть! Печенье — вещь хорошая, но овсянка с маргарином — это уже настоящая еда. Девочки купили и то и другое, вытряхнув деньги из своих копилок. За продуктами они потихоньку от всех ходили в магазин в Тириллтопен. Когда Милли и Мина увидели, что у них осталось ещё немного денег, Милли спросила у продавца:

— Если бы вам пришлось идти в лес на несколько дней, какую бы еду вы взяли с собой?

— В первую очередь я взял бы с собой шоколад и кекс, — ответил продавец.

Девочки очень удивились, что взрослому человеку в лесу необходим кекс и шоколад, но всё-таки купили и то и другое.

А ещё в рюкзаке лежало маленькое карманное зеркальце, которое Милли обернула тремя носовыми платками, чтобы оно не разбилось. Мина никак не могла понять, зачем им нужно брать в лес зеркальце. Она сразу поняла, зачем они берут овсянку, и маргарин, и шоколад, и кекс, и печенье, и иголку с нитками, но вот для чего в лесу зеркальце, она никак не могла догадаться.

Милли ей объяснила:

— Если мы встретим в лесу медведя или ещё какого-нибудь зверя, мы сядем к нему спиной, а в зеркальце увидим, куда он идёт и что делает. Ведь обернуться к нему нам будет страшно!

Мина вздохнула. У неё даже мурашки побежали по коже, когда она представила себе, как они с Милли сидят и смотрят в зеркальце на медведя, который ходит у них за спиной. Нет, уж лучше не смотреть ни в какое зеркальце! И Мина спрятала в свой рюкзак широкую чёрную ленту, чтобы завязать себе глаза на случай, если они действительно встретят медведя. Никто не заставит её

смотреть на то, чего она не хочет видеть!

В рюкзаке у Мины лежали не менее интересные и нужные вещи, чем у Милли. Во-первых, она взяла с собой фотографию папы, мамы и бабушки. А чтобы фотографии не помялись, она спрятала их в книгу. Во-вторых, она взяла нож Мадса, но это была тайна. Мадс ни за что не разрешил бы ей взять его нож; поэтому Мина взяла его потихоньку и с помощью Милли написала Мадсу такую записку: *«Я взяла твой нож. Завтра вечером ты его получишь назад. Мина»*.

Об этом ноже Мина и Милли проговорили целый день. Мина решила взять с собой нож Мадса, после того как Милли рассказала ей про зеркальце и про медведя. Она подумала, что уж в самом крайнем случае можно будет просто погрозить медведю ножом. И вообще, взяв этот нож, они почувствовали себя гораздо увереннее.

Наконец наступил их день. Роза уже стояла на дворе и ждала их. Бабушка погладила Розу и сказала:

— Будь смирной, Роза, и береги своих пастушек!

Мама принесла две бутылки с морсом и хотела спрятать их в рюкзаки девочек, но они предпочли сделать это сами.

— Я вижу, что мои маленькие девочки стали уже совсем взрослые, — засмеялась мама.

— Ну, мама, такие вещи все должны делать самостоятельно, — смутилась Милли.

— Ладно, пасите как следует Розу и помните: она сама должна выбрать, где ей пастись, — ответила мама.

— Не забудь попрощаться со всеми, а то, если мы заблудимся, мы их больше не увидим... — шепнула Милли Мине.

Девочки обошли всех, пожимая всем руки, и папа был даже смущён, когда они обе присели перед ним в реверансе.

Потом они ушли вместе с Розой.

— Как они торжественно прощались с нами, — сказала бабушка.

— Я рада, что они так серьёзно относятся к работе, — ответила ей мама. — А куда же делся Мортен?

— Он вместе с Мартой ушёл к Анне и Ларсу, — ответил Мартин.

— Ну ладно, — сказал папа. — А всех остальных я хочу попросить сегодня съездить со мной в город и помочь мне. Я буду развозить мелкие пакеты и с вашей помощью справлюсь в два раза быстрее. Да и вам, я думаю, будет интересно съездить на денёк в город.

— Конечно, — сразу же согласилась за всех Марен.

Но Мартин и Мадс испугались.

— А ведь мы хотели пойти в лес и посмотреть, как бы чего не случилось с Милли и Миной! — шепнул Мадс.

— В лес мы ходим завтра. Надо ведь и папе помочь, — ответил Мартин.

Марен, Мартин, Мадс и Мона забрались в кузов, папа сел за руль, и грузовик тронулся.

Мама ушла в дом готовить обед; бабушка занялась своими курами; Самоварная Труба забралась под печку спать. Всё было тихо и спокойно.

А по лесу шли Милли и Мина. В лесу тоже всё было тихо и спокойно. Деревья шелестели, ветки под ногами трещали не больше, чем обычно. И всё-таки лес был наполнен множеством тревожных, таинственных звуков.

— Мне кажется, что там кто-то кричит, — сказала Мина.

— Мне тоже.

— Вдруг это нам кричат, что сюда идёт медведь? — сказала Мина и оглянулась, ища подходящее дерево, на которое можно было бы взобраться.

— Давай ещё раз послушаем. Может, нам показалось?

Они снова прислушались, и до них донёсся какой-то грохот.

— Наверно, выстрелили в медведя.

— Наверно. Значит, нам теперь нечего бояться. Идём за Розой.

Но Мина не успокоилась:

— А если они в него не попали?

— Сейчас я на всякий случай выну зеркальце, — успокоила её Милли.

— А я нож!

Роза всё дальше и дальше углублялась в лес. По пути она иногда щипала траву, но было видно, что здесь ей не нравится и она торопится дальше.

— У меня уже ноги устали, — пожаловалась Мина.

— Тише! По-моему, кто-то разговаривает совсем близко, — сказала Милли.

— Наверно, это тот, кто стрелял в медведя.

— Значит, они вышли на медвежью охоту. — Милли так понравились слова «медвежья охота», что она повторила их про себя несколько раз.

— Смотри, там на камне стоит какой-то дядька! А что, если он примет нас за медведей и выстрелит? — испугалась Мина.

— Давай спрячемся.

Но Роза не хотела прятаться. Она подошла прямо к мужчине, он погладил её по шее и сказал:

— Подожди немного, Роза, сейчас мы пальнём ещё разочек.

Роза спокойно стояла рядом с ним, но, когда прогремел взрыв, она так испугалась, что, задрвав хвост, ринулась в чащу и исчезла.

— Может быть, они опять промахнулись и теперь вместо медведя выстрелят в нашу Розу? — спросила Мина.

— Неужели ты думаешь, что они не отличат корову от медведя?.. А откуда они знают Розино имя?

— Что же нам делать? Бежать за Розой?

— Бежим, только так, чтобы они нас не заметили, — сказала Милли, и девочки побежали за Розой.

Они сильно перепугались. Время от времени Милли вынимала зеркальце и смотрела в него, а Мина грозно размахивала ножом Мадса.

Вскоре они увидели незнакомых людей, которые стояли вокруг Розы и всё время озирались по сторонам.

— Знаешь что, — сказала вдруг Милли, — по-моему, это вовсе не охотники, а воры. Они крадут коров.

— А может, они детей тоже крадут? Надо скорей спрятаться!

— Мне-то почти не страшно, — сказала Милли, — но если ты очень боишься, давай спрячемся.

Мина принялась карабкаться вверх по склону холма. Она была так испугана, что даже не замечала, куда её несут ноги. Наконец они вскарабкались на вершину. Отсюда был виден весь лес. Холм был покрыт серебристым оленьим мохом.

— Теперь мы в безопасности! Можно и позавтракать, — сказала Милли.

Но перед едой она для верности взглянула в своё зеркальце и чуть не вскрикнула от страха: в зеркальце она увидела людей, от которых они только что убежали. Они смотрели на вершину холма, махали руками и вдруг побежали прямо к девочкам.

— Мина! Спускайся вниз с этой стороны! По-моему, там внизу растёт земляника со сливками! Бежим скорей!

Мина побежала. Она прекрасно поняла, что Милли увидела в зеркальце что-то страшное, а про землянику со сливками сказала нарочно, чтобы Мина не так испугалась.

«Наверно, она всё-таки увидела медведя!» — решила Мина.

Они бежали и бежали, и ни одна из них теперь ни за что бы не вспомнила, в какой стороне их дом.

А на вершине холма, где только что сидели девочки, спокойно лежали шестеро рабочих и завтракали.

В этот день Роза вернулась домой одна, и в маленьком домике в лесу забили тревогу.

Сначала все ждали, что следом за Розой появятся девочки. Но время шло, а их не было! Вот

тут-то Марен, Мартин, Мадс и Мона рассказали папе и маме про строителей дороги и про то, как Марен и Мартин побывали у них в плену. Но ведь это была только игра.

Мадс обнаружил, что Мина взяла с собой его нож. Всё казалось таким таинственным, что, прождав напрасно ещё полчаса, папа, мама, все дети и Самоварная Труба отправились на поиски девочек. А бабушка осталась дома, чтобы подоить Розу и встретить девочек, если они за это время придут домой.

Марен и Мартин сразу же побежали к тому месту, где работали рабочие. Там никого уже не было. Всё было тихо и пустынно.

— Роза была сегодня здесь! — воскликнул Мадс. — Вот её свежие следы! Если бы рабочие не ушли, мы могли бы их расспросить.

Папа очень волновался; он думал, думал, думал и никак не мог придумать, где же в этом громадном лесу искать Милли и Мину.

— Ау! Ау! — кричал он.

Но никто не откликался.

— Давайте поднимемся на высокое место и осмотрим окрестности, — предложил Мадс.

— Правильно, поднимемся на этот холм. Пока пойдём все вместе, а там разобьёмся на группы, — сказал папа.

Они быстро вскарабкались на холм; папа немного задыхался: ведь он привык сидеть за баранкой грузовика, а не взбираться на высокие холмы.

Наверху оказалось очень красиво. Дети даже пожалели, что не знали об этом месте раньше, когда ходили в лес на прогулки.

— Смотрите! — вдруг воскликнул Мадс. — Здесь кто-то был!

— Ты нашёл следы? — недоверчиво спросил папа.

— Я нашёл бумагу от завтрака! И уверен, что она брошена сегодня, потому что ночью был дождь, а бумага сухая и нисколько не покоробилась.

— Интересно! — сказал папа. — Скажи, мама, их завтрак был завернут в такую бумагу?

— Нет, — грустно покачала головой мама. — Нам не по карману покупать вощённую бумагу для завтраков. Я всегда кладу завтраки в пакеты из-под сахара.

— Да, значит, это не их следы, — вздохнул папа.

— Здесь были рабочие. Вот и кофе пролит, а у Мины и Милли не было с собой кофе, — сказала Мона.

— Попробуем поискать их с другой стороны холма, — предложил папа.

Все спустились вниз. Ни Милли, ни Мины здесь не было. Папа аукал, аукал, но ему отвечало только эхо. Идти было трудно. В некоторых местах деревья росли так густо, что казалось, будто здесь никогда не ступала нога человека.

— Настоящие джунгли, — пробормотал папа. — Трудно себе представить, чтобы наши девочки были здесь.

Он уже хотел повернуть назад, как Мадс воскликнул:

— Смотрите, там, на пне, что-то лежит!

Все бросились к пню и замерли от удивления. На пне лежала пачка маргарина! Папа, прищурившись, взглянул вверх, как будто ждал, что сейчас на них посыплется маргариновый дождь.

— Странно, — сказала мама, — кто бы это мог оставлять на пнях такие вещи?

— Маргарин кто-то ел. Смотри, тут следы маленьких зубов, — заметил Мадс.

— Это мышь, — сказал папа.

— Пройдём ещё немного вперёд, — предложила мама.

Они стали пробираться напрямик через чащу. Вдруг Мадс показал на другой пенёк. На этом пне стоял мешочек с овсянкой. Он был открыт, словно кто-то, уходя, нарочно открыл его и сказал: «Ешьте, пожалуйста».

— Овсянка куплена в Тириллтопене, я вижу по упаковке, — заметил папа.

— Тш-ш-ш-ш! Смотрите! — Мадс отвёл ветки ёлки и выглянул. — Там, на пне, спиной к нам сидит Милли и смотрит в зеркальце!

Все спрятались под ёлку.

— Странно! Она сидит совершенно неподвижно и смотрит в зеркальце! Не надо подходить всем сразу, а то она испугается. Лежите здесь, а я подползу к ней один.

Мама хотела что-то сказать, но папа только махнул ей рукой и пополз к Милли.

Неожиданно под ним громко хрустнула ветка. Папа даже не заметил этого звука, но мама и дети, спрятавшиеся за ёлкой, видели, как Милли встала, потом снова села. И всё время она не отрывала глаз от зеркальца. Вдруг рядом с ней показалась Мина; в руке она держала нож, а глаза у неё были завязаны чёрной лентой. Она не вынимала нож из ножен, но грозно им размахивала.

— Медведь приближается! — с ужасом сказала Милли, глядя в зеркало. — Теперь я уже вижу его чёрную шерсть!

Мина от страха оцепенела.

— Смотри, у него усы! Рубашка! Он машет рукой! Это не медведь! Это наш папа!

— Эй! — осторожно позвал их папа.

— Нет, это не папа, папа никогда не говорит нам: «Эй!» Это заколдованный медведь!

— А ты сними повязку и увидишь, что это папа! Папа! Это ты?

— Я, я, не бойтесь! — крикнул им папа.

— Но если ты заколдованный медведь, мы можем тебя расколдовать. К тебе только надо прикоснуться ножом и сказать: «Ёлки-палки, зреет рожь, колдовство снимает нож». Теперь ты расколдован! — сказала Мина и прикоснулась к папе ножом, не вынимая его из ножен.

Папа от удивления не мог вымолвить ни слова. К девочкам подошла мама. Ей хотелось и плакать, и смеяться. Она обняла девочек.

— Скажите, а зачем вы оставили на пнях маргарин и овсянку? — спросил папа у Милли и Мины.

— Чтобы медведь съел маргарин и овсянку, а не нас, — ответили девочки.

— По-моему, Милли и Мина у нас самые храбрые: ведь они всё время думали, что за ними идёт медведь, и нисколько не испугались, — сказал папа.

— Нет, я немного испугалась, когда ты подошёл к нам, но теперь это уже прошло, — призналась Милли.

— Завтра мы найдём Розу. Её поймали какие-то люди, — виновато сказала Мина.

— Роза уже дома и ждёт вас в своём хлеву, — успокоила её мама.

— Вот хорошо! — сказала Милли. — Значит, её всё-таки не украли.

Они собрались и пошли домой, и нетрудно угадать, как обрадовалась бабушка их приходу.

Всю остальную неделю Марен, Мартин, Мона, Мадс и Уле-Александр помогали Милли и Мине пасти Розу, так что им больше не понадобились ни зеркальце, ни маргарин, ни овсянка.

А когда эта неделя кончилась, наступила очередь Марты и Мортена, но о том, что случилось с ними, вы узнаете только в следующей главе.

МАРТА И МОРТЕН

С того самого дня, как Марта согласилась пасти Розу вместе с Мортеном, он неотступно следовал за ней по пятам. Пока не подошла их очередь, Марта и Мортен уходили на хутор к Ларсу. Они помогали ворошить сено, полоть огород, ухаживать за скотом. Мортен работал так прилежно, что Ларс назвал его своим главным помощником. Марта помогала и в конюшне, и на кухне. Анна и Ларс привыкли к тому, что Марта и Мортен постоянно находятся у них на ферме. Как-то в субботу после обеда Марта сказала Анне:

— Следующую неделю мы с Мортеном не придём к вам, настала наша очередь пасти Розу.

— Очень жалко, нам без вас будет скучно. Надеюсь, эта неделя пройдёт быстро. А за вашу помощь я рассчитаюсь с вами осенью картофелем. Я вам должен сто килограммов. Идёт? — спросил Ларс.

Мортен от удивления плюхнулся на землю. Он работал ради собственного удовольствия, а ему собираются за это платить!

— Мы работали у вас просто потому, что нам это нравилось, — сказала Марта. — Но конечно, мама очень обрадуется, если мы привезём домой так много картошки!

— Решено! — Ларс подошёл к столу и написал записку, в которой говорилось, что он должен выплатить осенью сто килограммов картофеля Марте и Мортену за их работу во время летних каникул.

— Значит, мы не должны приходить к тебе больше до самой осени? — спросил Мортен.

— Почему? Приходите в любое время, как захочется.

По дороге домой Мортен спросил у Марты:

— Как ты думаешь, сколько картошек будет в ста килограммах?

— Точно не знаю, но если в каждом килограмме будет по десять штук, то в ста килограммах будет тысяча.

— Целая тысяча! Я как раз так и хотел! — обрадовался Мортен.

— Но пока мы дома никому ничего не скажем. Ладно? Они не узнают о картошке, пока мы не привезём её осенью домой! Слышишь? — сказала Марта.

— Хорошо.

Мортен немного помрачнел. Он уже представлял себе, как расскажет дома о картошке.

— И я тебя прошу, чтобы ты не бормотал себе под нос про эту картошку, а то все сразу догадуются, в чём дело!

— Честное слово, никому ничего не скажу!

А в воскресенье за обедом Марта увидела, как Мортен умеет держать слово. Мортен положил себе на тарелку тефтели и ждал, когда ему передадут блюдо с картошкой, которое стояло возле Мартина. Но Мартин забыл о нём.

— Мартин, будь добр, передай мне кое-что, — сказал Мортен.

— Что ещё за «кое-что»? — недовольно спросил Мартин, отрываясь от еды.

— То блюдо, которое стоит возле тебя, — объяснил ему Мортен.

Но оказалось, что возле Мартина стоят два блюда: одно с картофелем, а другое с горошком. Не поднимая головы от тарелки, Мартин подвинул Мортену блюдо с горошком.

— Мне надо другое блюдо, — терпеливо сказал Мортен.

— Что ты мне голову морочишь? Не мог сразу сказать, что тебе нужна картошка? — рассердился Мартин.

— Нет, не мог, я не говорю о картошке, — ответил Мортен и посмотрел на Марту.

Никто ничего не понял, а Марта улыбнулась Мортену. Она была рада, что на него можно положиться.

— Завтра ваша очередь пасти Розу, — сказала мама Марте и Мортену. — Может, хотите, чтобы вам кто-нибудь помог, или сами справитесь?

— Мы сами справимся, только дай нам, пожалуйста, с собой побольше еды, — ответила Марта.

— Вот у нас остались четыре тефтели и картошка — хотите взять с собой? У вас будет настоящий обед.

— Спасибо, мы возьмём тефтели и всё остальное, — ответил Мортен.

В тот день, когда Марта и Мортен отправились пасти Розу, шёл дождь и дул холодный ветер. На Марте и на Мортене были плащи с капюшонами и резиновые сапоги. Дети не боялись непогоды и весело помахали на прощание всем провожавшим их в путь.

— Во время дождя в лесу особенно хорошо пахнет, — сказала Марта.

И Мортен принялся нюхать воздух с такой силой, что у него сделалась одышка.

— Как ты думаешь, а нас с тобой возьмут сегодня в плен или нет? — продолжала Марта. — Марен сказала, что Роза сама всегда идёт к тому месту, где они работают. Пойдём за ней и посмотрим, что будет.

— Пусть она идёт туда одна, а мы с тобой поиграем пока в лесу, — предложил Мортен; он всё-таки немного побаивался встречи с рабочими.

— Нельзя, раз мы пасём Розу, мы не должны оставлять её ни на минуту, — строго сказала Марта.

— Хорошо, пойдём за Розой, — покорно согласился Мортен.

— Странно, что ещё не слышно, как они работают. По-моему, мы уже близко от того места, — сказала Марта.

— Может быть, они сегодня не работают, — обрадовался Мортен и тут же покраснел: ему стало стыдно за свою трусость.

— Они, наверно, просто отдыхают, — возразила Марта.

Но когда Марта и Мортен подошли к месту строительства, там действительно никого не оказалось.

— Ну вот видишь, никого нет! Может, у них нет плащей и они не работают в дождь? — спросил Мортен.

— Смотри, а кирки и лопаты валяются здесь. Ими сегодня работали — это видно.

— Гляди, Марта, вон их вещи. — Мортен показал на брезент, под которым были спрятаны рюкзаки рабочих.

И в ту же минуту он увидел длинную тёмную змею, которая проползла, извиваясь, под брезент и скрылась в одном из рюкзаков.

От страха Мортен начал заикаться:

— М-м-марта! Б-б-бежим д-д-д-домой!

— Что с тобой, Мортен?

— Я... я... я... в-в-видел змею...

— Змею? Где?

— Т-т-там... в-в-в рюкзаке... Б-б-бежим скорей!

— Что ты! Теперь нельзя уходить. Надо подождать рабочих и предупредить, а то змея ужалит

кого-нибудь.

— Как плохо, что я увидел эту змею, — вздохнул Мортен, — а то бы мы сейчас могли пойти домой.

Мортен взглянул на небо; оно было тёмное и мрачное, тучи над их головами сгустились, и к тому же раздался звук, которого Мортен очень не любил и боялся. Это был гром!

Началась гроза.

Розе гроза тоже не понравилась; она подошла и прижалась к детям.

— Сейчас они вернутся, — подбадривала Марта Мортена. — Нам надо найти укромное местечко и спрятаться.

Пошёл проливной дождь. Марта нашла не очень высокие густые кусты и спряталась там вместе с Мортеном и Розой. В кусты молния никогда не ударяет.

Дождь скоро пробрался сквозь листья и забарабанил по плащам детей. С каждой минутой Мортену становилось всё страшнее.

— Давай пообедаем, — предложила ему Марта и достала из мешка тефтели, картошку, бутерброды и морс.

После еды Мортен заметно повеселел.

— Я попрошу маму, чтобы она всегда кормила нас холодными тефтелями с холодной картошкой: они гораздо вкуснее, чем горячие, — сказал он.

Наконец гроза стала стихать. Тёмные, тяжёлые облака разорвало. Выглянуло солнце. Роза, смирно стоявшая в кустах во время грозы, принялась щипать траву. Ей хотелось идти дальше, и Марта никак не могла уговорить её пастись здесь.

— Один из нас должен идти за Розой, — сказала Марта. — Выбирай, Мортен, ты остаёшься или идёшь за Розой?

— Остаться одному?

Мортен был в отчаянии. Ему и в голову не приходило, что так может случиться, ведь они договаривались вместе пасти Розу. А что, если рабочие придут как раз тогда, когда он останется здесь один?

— Я пойду с Розой, — быстро сказал Мортен. — Я не отстану от неё ни на шаг.

— Ладно, только ты не бойся. Далеко Роза не уйдёт, так что крикни меня, если что случится.

Мортен взял Розу за верёвку, на которой висел колокольчик, и они вместе исчезли в густом кустарнике.

Марта походила немного вокруг, а потом взяла лопату и начала работать. Всё-таки это было лучше, чем просто сидеть и ждать.

Сначала Роза шла очень быстро, и Мортену было трудно идти рядом с ней, но вскоре она нашла то, что искала, и пошла тише.

Пока Роза щипала траву, Мортену показалось, что он слышит стук топора и негромкие голоса. Роза шла дальше, хотя Мортен изо всех сил старался удержать её на месте. Наконец Мортен так надоел ей, что она попыталась удрать от него. Но он не отставал ни на шаг, потому что понимал, что теперь он один отвечает за Розу. Мортен заметил за деревьями незнакомых людей. Роза направилась прямо к ним. Мортен шёл следом за ней.

— Смотрите, наша корова пришла, — сказал вдруг чей-то голос. — Ах ты моя коровушка, моя Розочка! Как жаль, что у меня нет для тебя сольцы, она осталась в мешке.

Мортен хотел спрятаться за ёлку, но его уже увидели, потому что другой голос сказал:

— А это что за пузырь пришёл вместе с тобой, а, Роза? Это твой новый пастух, что ли? Я вижу, ты любишь перемены. Каждый раз у тебя новые пастухи.

— Не такой уж я маленький, чтобы называть меня пузырьём, — рассердился Мортен, приподнимаясь на цыпочки.

— Ошибся. Прошу прощения, — весело ответил ему рабочий.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил Мортен. — Мы два часа ждали вас под дождём. Почему вы не строите сегодня дорогу?

Рабочие сконфузились: они искоса поглядывали друг на друга с таким видом, будто ничего

особенного не случилось. Но Мортен не сдавался:

— Почему вы не работаете сегодня? Может быть, у вас нет плащей с капюшонами?

— Плащи-то у нас есть... Вот если бы ты не был такой строгий, мы бы показали тебе нашу тайну.

— Ладно, а если вы не возьмёте меня в плен, я вам тоже одну тайну покажу, — пообещал Мортен.

— Договорились. Тайна за тайну. Иди сюда!

Рабочий взял Мортена за руку и повёл за собой. Они остановились перед большим деревом, и под ним Мортен увидел шалаш. Но это был не маленький шалашик, какие они сами обычно строили в лесу возле дома. Это был большой, настоящий шалаш со стенами, крышей, дверью, сделанной из еловых веток и досок. Вокруг шалаша был вырыт ров, чтобы в шалаше не было сыро. Рабочий сказал Мортену, что они застелют пол брезентом, привезут стол и стулья, и это будет их дом.

— И вы будете по-настоящему здесь жить? — спросил Мортен.

— Нет, конечно. Но нам предстоит строить дорогу всё лето и осень, и неплохо иметь какое-нибудь местечко, где можно погреться. Если, например, пойдёт дождь, вот как сегодня. А если погода будет хорошая, мы иногда и переночуем здесь, отдохнём немного от города.

— А я вас совсем не боюсь, — вдруг выпалил Мортен. — Мне не хочется, чтобы вас ужалила гадюка.

— Какая гадюка? — спросил один из рабочих.

— Идёмте, я покажу вам нашу тайну, — гордо сказал Мортен. — Это общая наша с Мартой тайна, потому я не могу сказать вам ничего, пока мы не придём к Марте, но всё-таки я первый её увидел.

Ничего не понимая, рабочие пошли за Мортеном. Один из них вёл за собой Розу, чтобы она одна не заблудилась в лесу.

На площадке кто-то долбил землю.

— Кто же это там за нас работает? — удивились рабочие.

— Это Марта! — гордо сказал Мортен.

Марта с таким увлечением копала землю, что и не заметила, как к ней подошли. Ей стало жарко от непривычной работы, и она вся покраснелась.

— Эта девочка умеет работать! — похвалил её тот, которого звали Бьёрн. — Ну-ка посмотрим, нет ли у нас в рюкзаке шоколада?

— Стой! — крикнула Марта.

— Стой! — крикнул Мортен.

— В чём дело? — удивился Бьёрн.

— Там гадюка! Мортен, ну объясни же ему!

— В твой мешок заползла гадюка. Я сам видел! — взволнованно сказал Мортен.

Рабочие отступили на несколько шагов, но Бьёрн взял свой рюкзак и поставил его на большой камень. Потом, присев на корточки, начал осторожно развязывать его.

— Ты похож на циркача, — сказала Марта.

— А почему бы и нет? Сейчас я укротитель змей! — ответил Бьёрн. — Смотрите! — Он вытащил из рюкзака флейту и заиграл на ней.

И вдруг все увидели, как из рюкзака показалась маленькая змеиная головка, потом всё туловище и хвост.

Змея выползла из мешка, она раскланивалась во все стороны и танцевала под музыку, пока укротитель змей не перестал играть. Тогда она опустилась на землю и быстро уползла.

— Это уж, — сказал укротитель.

— Разве это не гадюка? — спросила Марта.

— Конечно, гадюка. Я сам видел, — оскорблённо сказал Мортен. — Только потом она уползла, и на её место заполз уж. А если бы это была гадюка, вы бы увезли её в город и она бы там перепугала до смерти всех людей. И ещё у меня так устали ноги, что я не могу больше ходить.

— Ты настоящий мужчина, Мортен, и за то, что ты хотел спасти нас от гадюки, мы отнесём

тебя домой на золотом троне, — сказал Бьёрн.

— И Марту тоже, Марта тоже устала, — попросил Мортен.

— Отнесём и Марту, — согласился Бьёрн. — Четверо будут нести трон, а двое сзади погонят Розу.

— Тогда вас всех обязательно угостят кофе. Бабушка очень любит, когда к нам приходят гости, — сказал Мортен.

Дома все гадали, как идут дела у Марты и Мортена в такую плохую погоду. И нетрудно себе представить, как папа, мама, бабушка и дети обрадовались, увидев появившуюся во дворе торжественную процессию.

— Смотрите, к нам пришли гости! Сейчас я поставлю кофе! — воскликнула бабушка.

Рабочим очень понравился домик в лесу и его обитатели, а папа с мамой были довольны, что наконец познакомились с этими людьми.

— Как дела с дорогой? — спросил у них папа.

— Мортен считает, что мы строим её слишком медленно, — засмеялся Бьёрн. — Он очень рассердился, что мы сегодня почти не работали.

— Я буду теперь часто приходить и помогать вам, — утешил их Мортен.

«ПАПА, ТЫ НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛ?»

В спальне у папы и мамы висела большая картина, а может, её вернее было бы назвать картой. Она была очень большая и занимала почти всю стену. Снизу вверх по всей карте были прочерчены полосы, и наверху на полосках было написано: *январь, февраль, март*, и так все месяцы. Некоторые полосы были пустые, а на других красным карандашом были написаны имена детей. *Папа, мама и бабушка* — было написано синим карандашом, а *Роза и Самоварная Труба* — зелёным. На полях вокруг этих полосок были нарисованы разные красивые картинки. Здесь было синее море, высокие горы, маленькие города, и вообще эта карта очень украшала стену, а главное — она была необходима, потому что это была карта дней рождения.

Папа никак не мог запомнить дни рождения своих восьми детей. И если мама забывала ему напомнить, что сегодня чей-то день рождения, папа приезжал домой без подарка и вместо поздравления спрашивал, готов ли обед. А когда он узнавал, что у кого-то из детей сегодня день рождения, он так огорчался, что в этот день с ним уже невозможно было разговаривать.

Вот дети и придумали сделать эту карту и повесить её у папы в комнате. Папа был в восторге от карты, но всё-таки иногда случалось, что он забывал утром посмотреть на неё.

Так было и в этот день. Папа встал раньше, чем обычно: ему предстояла далёкая поездка. Но, несмотря на ранний час, Мортен тоже проснулся. Он сидел за столом и улыбался папе. Но папа не заметил этого. Папа растопил печку, сварил кофе, побрился перед маленьким зеркальцем на кухне, поставил на стол две чашки, сделал бутерброды и спросил у Мортена:

— Хочешь со мной позавтракать или будешь ждать остальных?

— Если тебе со мной веселее, то я буду есть с тобой, — сказал Мортен.

За столом Мортен молча жевал бутерброд, и, только когда папа собрался уходить, Мортен спросил его:

— Папа, как ты думаешь, какой сегодня день?

— Среда, то есть четверг... Хотя, кажется, всё-таки среда. Да, совершенно точно: среда, теперь я вспомнил. Ну, до вечера!

— А ты ничего не забыл? Ты не пойдёшь больше к себе наверх? — спросил Мортен.

— Кажется, ничего. Брюки на мне, пиджак на мне, фуражка на мне, свёрток с едой в кармане, список того, что я должен сделать в городе, тоже в кармане... А-а... знаю! Ты хочешь сказать, что я забыл табак и трубку? Нет, милый, я их не забыл. Ну, прощай! Помашаи мне в окно, а я специально для тебя дам лишний сигнал.

Папа ушёл к грузовику и завёл мотор. Он напряжённо прислушивался к голосу мотора, потому что вчера ему показалось, что он слышит в нём какие-то лишние звуки. К счастью, всё оказалось в порядке.

Папа дал на прощание два громких сигнала, но Мортен так и не появился в окне.

«Странно», — подумал папа и, немного обиженный, выехал со двора.

А по дороге он задумался. Так всегда бывает, когда едешь в грузовике совсем один. У Хенрика был выходной, и поговорить папе было не с кем. Он думал о самых разных вещах, и вдруг его мысли остановились. Какой же сегодня день? Среда — это верно. А какое число? Папа никак не мог вспомнить, какое сегодня число. Он достал из кармана маленький календарик и всё понял. Сегодня был день рождения Мортена. Он помнил, что Мортен родился осенью. В тот день ещё шёл такой сильный дождь...

Папе стало стыдно. Он увидел перед собой Мортена, его улыбку, услышал его голос. Что же он говорил за завтраком? Он спросил, какой сегодня день! И даже попросил папу пойти к себе в комнату и посмотреть, не забыл ли он чего-нибудь! Конечно, Мортен хотел, чтобы папа посмотрел на карту дней рождения, но постеснялся сказать это прямо. День рождения Мортена...

Но к счастью, день только начался. Папа постарался поскорее закончить свои дела, чтобы пораньше освободиться. Ведь ему предстояло заехать за одним важным грузом!

По лесной дороге папа не мог ехать быстро, потому что груз, который он вёз, был очень тяжёл. Старый грузовик тихонько стонал на ухабах.

Вся семья была во дворе перед домом. Мама, бабушка и Самоварная Труба сидели на крылечке, а дети играли в салки.

Но когда послышался шум грузовика, Мортен убежал и спрятался за сараем. Папа остановился не там, где обычно, а выехал на самую середину двора.

— Здравствуй, — сказала мама. — Хорошо, что ты приехал. Сейчас мы будем обедать, ждали только тебя. Вместе обедать веселее!

Папа не ответил ей, выскочил из кабины и побежал к сараю за лопатой. Потом одним прыжком вскочил в кузов и начал сгребать на землю песок! Да, да, весь кузов был полон чистого золотого песка, и сгрузить его было не так-то легко.

— Жаль, что у нашего грузовика кузов не поднимается, — сказал Мадс.

— Тише, — шепнула Мона, — ты же знаешь, что папа не любит, когда ты так говоришь.

А папа сгребал и сгребал песок, и наконец во дворе выросла большая песочная гора.

— Зачем ему этот песок? Он опять собирается что-нибудь строить? — спросила бабушка.

— Не знаю, — ответила мама. — Я только понимаю, что ему не хочется, чтобы мы задавали ему вопросы. Подождём, пока он сам скажет.

Но вот весь песок был сгружен. Папа залез в кабину и вытащил оттуда кусочки дерева, похожие на строительные кубики. Они все были разной формы и разной величины. Наверное, папа достал их на каком-нибудь лесопильном заводе или на мебельной фабрике. Он сложил их рядом с песком, около положил молоток, пилу и мешочек с гвоздями.

Старшие дети уже не могли сдерживаться. Они обступили папу и засыпали его вопросами. о папа не отвечал им. Он снова залез в кабину и вытащил оттуда большой кусок картона, на котором было написано: *«Мартену от папы. Поздравляю с днём рождения»*. Теперь единственный, кто ничего не понимал, был сам Мортен. Он стоял у стены сарая и всё видел, но читать Мортен ещё не умел.

— Мортен! Мортен! Иди сюда! Смотри, что папа привёз тебе. Он вовсе не забыл, что у тебя сегодня день рождения! — закричали дети.

Мортен выбежал из-за сарая и бросился папе на шею. Им не нужно было ничего говорить друг другу: они хорошо понимали друг друга без слов. Теперь всё было в порядке.

— Скорей! Скорей обедать! У нас будет жареная рыба и томатный суп, потому что Мортен любит это больше всего, — позвала всех мама.

После обеда Мортен несколько раз обошёл вокруг своей песочной горы. Он заложил руки за спину и задумчиво смотрел на песок и деревяшки. Некоторые из них были похожи на дома, другие — на вагоны, третьи — на мосты. А главное, рядом лежали ещё молоток и гвозди. Из этих деревяшек можно было построить многоэтажные дома, совсем как в настоящем городе.

Милли и Мина первые подошли к Мортену:

— Мортен, а можно и нам немного поиграть в твой песок?

— Конечно, я вам отделю часть кучи, — ответил Мортен.

— А Мадсу и мне можно поиграть с тобой? — спросила Мона.

— Всем можно, даже Марен, если она хочет, хотя она уже большая, — ответил Мортен.

Марен вообще-то не собиралась играть в песок: она чувствовала себя слишком взрослой, но ей хотелось обрадовать Мортена, поэтому она присела возле песка на корточки и принялась рыть канал.

Через несколько минут пришёл Уле-Александр. Он тоже помнил, какой сегодня день, поэтому он сразу же поздравил Мортена и вручил ему небольшой пакетик.

— Большое спасибо, — вежливо поблагодарил Мортен, смущённый таким торжественным поздравлением.

В пакете оказалась баночка с красной краской.

Милли сказала:

— Вот здорово, Мортен, ты сможешь сразу покрасить все дома.

Уле-Александр обошёл несколько раз вокруг песка.

— Это самый хороший подарок, какой я видел, — сказал он, — тебе здорово повезло, Мортен.

— Ага! Если хочешь, давай работать вместе с нами, — ответил Мортен.

— Мы будем прокладывать дорогу? — спросил Уле-Александр.

— Мы будем строить настоящий город, — ответил Мортен. — С проспектами, садами, церковью и кладбищем.

Мортен сбегал в дом, поговорил с бабушкой, и бабушка тоже занялась работой. Комод, кровать и стулья были завалены цветной бумагой. Она делала маленькие цветы для нового города.

Город получился очень красивый. Все дома были красные, а церковь — белая. Мортен попросил у Марты мел и побелил церковь. В городе было много замечательных садов с большими деревьями, которые были сделаны из сосновых и еловых веток. А на кладбище росло множество цветов и стояли маленькие каменные памятники.

Но лучше всего были улицы и проспекты. Они были вымощены круглыми камешками и выглядели совсем как настоящие. На каждой улице и на каждом проспекте висела табличка с надписью: *Улица Марен, Проспект Мартина, Бульвар Марты*. Здесь были *Холм Мадса* и *Шоссе Уле-Александра*, *улицы Моны, Милли и Мины, Площадь Самоварной Трубы* и *Переулок Мортена*.

И Мортен был счастлив.

Потом мама угощала всех какао и булочками с кремом, а после угощения папа рассказал Мортену сказку.

Все уселись поудобнее, папа закурил свою трубку, посадил Мортена на колени и начал рассказывать:

— Жил-был человек, который однажды пришёл в незнакомый город. Город находился далеко-далеко от того места, где жил этот человек. Назывался он *Красный город* и был расположен на крутом склоне холма. В *Красном городе* было много садов с тенистыми деревьями, площадей и проспектов, но самое красивое в городе было старое кладбище: оно утопало в цветах и зелени, а рядом с ним стояла старая-престарая церковь...

— Церковь была новая, — прошептал Мортен папе. — Пусть она тоже будет новая.

— Нет, Мортен, нельзя. Понимаешь ли, по-настоящему красивыми бывают только очень старые церкви. И эта церковь была очень древняя, но её заново покрасили в ослепительно белый цвет, и это было особенно красиво, потому что все дома в городе были ярко-красные. Из-за этого люди и

назвали его *Красным городом*.

У человека в кармане была записка, на которой было написано: *Переулок Мортена*, дом 3, но, поскольку человек был в этом городе впервые, он не мог найти дороги. И он спросил у одной старой женщины, как ему пройти к *Переулку Мортена*.

«Вам надо выйти на *Улицу Марен* и пройти по ней два квартала. Потом вы свернёте налево, выйдете на *Проспект Мартина*, пройдёте по нему три квартала и попадёте на *Бульвар Марты*. Он приведёт вас прямо на *Холм Мадса*. Берегитесь одышки, молодой человек, этот холм очень крут. Оттуда вы спуститесь по *Шоссе Уле-Александра*. Вы обязательно должны посмотреть это шоссе — там столько прекрасных цветов! Потом свернёте на *Улицу Моны*, справа будет *Улица Милли*, слева *Улица Мины*, но вы идите прямо, пока не придёте на *Площадь Самоварной Трубы*, а там, налево, и будет *Переулок Мортена*».

«Но как же я всё это запомню?» — испугался человек.

«Я провожу вас, — предложила старушка. — Я как раз вышла погулять».

Человек очень обрадовался: он уже боялся, что непременно заблудится в этом огромном городе. И они пошли вместе. Они шли, и шли, и шли, а потом старушка сказала:

«Здесь я сверну, а *Переулок Мортена* будет через два дома».

Человек поблагодарил её и пошёл дальше. Он думал, что *Переулок Мортена* окажется узеньким и мрачным, но он ошибся. Переулок, правда, был небольшой, но уж никак не мрачный. По обе стороны были разбиты клумбы с розами, и во всём переулке стоял один-единственный дом. Но зато это был самый красивый дом во всём городе.

У калитки дома играл маленький мальчик. Человек поздоровался с мальчиком и спросил, кто живёт в этом доме.

«Мой папа, — ответил мальчик, — его зовут мэр Мортен».

«А как зовут тебя?»

«Меня тоже зовут Мортен. Заходите, пожалуйста, мой папа сейчас отдыхает».

Человек вошёл в просторную светлую комнату. Мэр Мортен сидел и читал газету, а его жена вытирала пыль с курительного столика, на котором лежало много-много трубок.

«Я путешествую, хочу посмотреть мир, — обратился человек к мэру Мортену, — и вот мне сказали, что я непременно должен приехать сюда, потому что это самый красивый город на свете».

«Добро пожаловать в наш город, — приветствовал его мэр. — К сожалению, я тороплюсь. Сегодня у нас в городе открытие новой дороги, и я обязательно должен на нём присутствовать. Но быть может, вы хотите пойти вместе со мной? А потом мы вернёмся домой, и вы у нас пообедаете».

Гость с удовольствием согласился. Мэр Мортен позвонил в маленький колокольчик и распорядился, чтобы подали его машину. На шофёре был синий пиджак и фуражка с золотым позументом; он был очень красив. Мэр Мортен сказал ему:

«На сегодня вы свободны. Я поведу машину сам, мне хочется показать гостю наш город».

Шофёр очень обрадовался — он так много ездил на автомобиле, что ему это уже надоело. Мэр сел за руль. А надо вам сказать, он прекрасно умел водить автомобиль.

«Я научился этому у своего отца, — объяснил он гостю. — У него был свой грузовик, и он был первоклассный шофёр!»

Вскоре они выехали на большую площадь; там собралось много народу. Все стояли и ждали мэра. Как только мэр Мортен и его гость вышли из машины, заиграл духовой оркестр. Они подошли к новой дороге, через которую была протянута красная ленточка. Мэру дали ножницы: ведь это он должен был разрезать красную ленточку и открыть новую дорогу. Но сначала он откашлялся и произнёс речь:

«Дорогие граждане нашего города! Я очень рад открыть эту дорогу. Пусть она послужит на радость и пользу не только нашему городу, но и всем, кто приезжает к нам в гости. И пусть она называется *Бабушкина дорога*».

Сказав это, мэр перерезал ленточку и пошёл по новой дороге, и все пошли за ним. Так в городе появилось ещё одно шоссе.

Мэр и его гость прогулялись немного по городу, а потом вернулись к своей машине и поехали обедать. Молодой человек провёл в гостях у мэра целый день, а когда уезжал, то пообещал заехать в домик в лесу, что стоит на окраине одного большого города, передать маме, папе и бабушке мэра привет и приглашение на Рождество в *Красный город*. Он так и сделал, — закончил папа и потрепал Мортена по волосам.

— Ой, — сказал Мортен, — я почти забыл, что это сказка. Но я хочу, чтобы ты, мама и бабушка всегда жили со мной, когда я стану мэром.

— Тогда к тебе будут постоянно приходить люди, а мы, старики, любим покой, и нам не захочется уезжать из нашего домика в лесу. Лучше уж Малышка Мортен и все наши остальные внуки будут приезжать к нам сюда в гости.

— Ну ладно, — согласился Мортен.

— Как, ты сказал, будет называться новая дорога в твоём городе? — спросила бабушка папу.
— Мне очень понравилось это название.

— *Бабушкина дорога*, — сказал папа, и бабушка улыбнулась.

ЧТО-ТО НЕПРЕМЕННО ДОЛЖНО СЛУЧИТЬСЯ

Бьёрн, Кнют, Монрад, Ханс, Эжен и Харри работали на строительстве с утра до вечера. Они очень спешили. Уже был назначен день открытия новой дороги. Теперь работа шла далеко от дома в лесу.

Но в субботу все рабочие пришли в гости к папе, маме, бабушке и восьми детям, потому что они очень подружились с ними за лето.

Мортен встречал рабочих в лесу. Во дворе он подвёл их к песку, который получил от папы в подарок в день рождения, показал им свой город, где он был мэром, и рассказал папину сказку про открытие *Бабушкиной дороги*.

— Хорошее название, — сказал Бьёрн. — Оно мне нравится гораздо больше, чем название нашей дороги.

— А как будет называться ваша дорога? — быстро спросил Мортен.

— *Сосновое шоссе*. Как будто здесь ёлки не растут! Правда, глупо придумали! Здесь ёлок даже гораздо больше, чем сосен.

— Конечно, а кто придумал это название?

— Городское управление. Только, по-моему, это неправильно. Название должны были придумать здешние жители, которые хоть знают, как будет выглядеть эта дорога.

Когда все сели пить кофе, Мортен был молчалив и задумчив.

— Что с тобой, Мортен? Ты чем-нибудь недоволен? — спросила бабушка.

— Мне не нравится, как хотят назвать нашу новую дорогу. Она будет называться *Сосновое шоссе*, а у нас в лесу растут почти одни ёлки. Правда, глупо?

— Мне тоже не нравится, — сказала бабушка.

— То ли дело, как я придумал, — *Бабушкина дорога*! Куда красивее! Верно, бабушка? — гордо сказал папа.

— Открытие будет очень торжественное, — рассказывал Бьёрн. — Соберутся все городские власти, мэр произнесёт речь, будет играть духовой оркестр.

— Значит, вы закончите работу к среде? — спросил папа.

— Обязательно! Строителей прислали много, а работа уже почти завершена.

— Мне жалко, что вы больше не будете здесь работать. Теперь мы вас уже не увидим, — вздохнула Мона.

— Не унывай! Пошлют нас строить ещё какую-нибудь дорогу возле Тириллтопена, вот мы и встретимся, — засмеялся Бьёрн.

Взрослые занялись кофе и булочками, которые напекла мама, а дети выбежали во двор. Мадс позвал всех за сарай. Дети сразу поняли, что у него есть какое-то важное дело. Они сели перед ним на корточки, и военный совет начался.

— Оркестр у нас будет свой, — говорил Мадс. — Бабушку мы тоже позовём. Жаль только, что мы давно не играли, мы, наверное, всё забыли.

— А у нас ещё много дней впереди. Мы порепетируем, — сказала Мона.

Зимой дети организовали под руководством папы свой духовой оркестр. Даже бабушка участвовала в нём. Она била в большой барабан. Но с наступлением лета они забросили все музыкальные занятия. И теперь им предстояло наверстать упущенное.

Папа с мамой только диву давались: каждый день, прибегая из школы, дети торопливо обедали, поскорей делали уроки и начинали упражняться. Бабушка не отставала от них. Она била в барабан так, что стены дрожали.

Во вторник, накануне открытия дороги, мама не на шутку волновалась. Она видела, что дети чем-то обеспокоены и только стараются делать вид, будто ничего не случилось. Мама стала подозрительной.

— Ты не знаешь, что собираются делать дети и бабушка? — спросила она папу. — Может, у них случилось что-нибудь и они просто не хотят говорить нам?

Папа и мама заметили, что дети один за другим стараются незаметно что-то вынести из дому. Каждый выходил с каким-то предметом, завёрнутым в одеяло, шёл крадучись по двору и исчезал за сараем. Домой дети возвращались с пустыми одеялами и делали вид, что просто вытрясали их во дворе.

«Что же они прячут там, за сараем?» — думала мама, стоя у плиты.

Вдруг дверь в бабушкину комнату слегка приоткрылась. Странно: после обеда бабушка обычно ложилась поспать. Папа лежал в качалке, прикрывшись газетой. Бабушка вышла из своей каморки. Она тоже несла какой-то большой предмет, завёрнутый в шерстяное одеяло.

Мама хотела спросить у бабушки, что она несёт, но папа подмигнул маме и приложил палец к губам. Мама сразу поняла, что должна вернуться к плите и сделать вид, будто ничего не замечает. А папа притворился спящим.

Бабушка оглядела кухню. Папа спит, мама моет посуду — момент самый подходящий! И бабушка потихоньку вышла из кухни. Кто-то со двора распахнул перед ней входную дверь. Бабушка впопыхах задела свёртком о дверной косяк, и раздался громкий, гудящий звук. Кухня задрожала. Но папа захрапел ещё громче, мама наклонилась над посудой, и бабушка решила, что они ничего не заметили. Во дворе её встретили дети и торжественно проводили за сарай.

Скоро бабушка вернулась в дом. Она размахивала своим одеялом, словно только что как следует вытрясла его. С независимым видом она скрылась в своей каморке.

— Делай вид, что моешь посуду, тогда, может, мы увидим ещё что-нибудь, — сказал папа маме и снова закрыл глаза.

Бабушка недолго оставалась в своей каморке. Она вышла оттуда и сказала:

— Мы с детьми решили погулять. Уж очень сегодня погода хорошая.

— Да, да, пожалуйста, — откликнулась мама, не поднимая головы от посуды.

Но едва бабушка вышла из дому, как папа и мама побежали к окну. Вот бабушка с детьми скрылись за сараем, оттуда они прошли прямо в лес.

— Я так и думал, — сказал папа, — они взяли с собой свои духовые инструменты. Давай пойдём за ними. А Самоварной Трубе придётся остаться дома, иначе она непременно нас выдаст.

К счастью, после обеда Самоварная Труба всегда ложилась вздремнуть под печкой. Она спокойно осталась дома.

Папа и мама закрыли дом и отправились в лес следом за бабушкой и детьми. Те успели уйти уже довольно далеко, но папа и мама быстро догнали их.

Бабушка шла последней и била в свой большой барабан.

— Что всё это означает? Они идут прямо к новой дороге! — удивился папа.

— Смотри, а там ещё кто-то стоит! Да это Уле-Александр и другие ребята из духового оркест-

ра Тириллтопена.

— Ш-ш-ш, не так громко! — шикнул папа. — Мы спрячемся здесь, в кустах, и всё увидим.

Оркестр грянул марш. Нет, дети не зря тащили с собой свои инструменты! Папа довольно кивал головой в такт маршу.

— Молодцы! Молодцы! Ведь они уже очень давно не играли, — заметил он.

— Смотри, через дорогу протянута ленточка! Как ты думаешь, это её завтра перережет мэр? — спросила мама.

— Не-ет, — задумчиво ответил папа. — Я думаю, что мэр перережет её сегодня.

— Но ведь здесь нет никакого мэра! Открытие дороги будет только завтра!

— Всё зависит от того, кого считать мэром.

Мама ничего не поняла; она замолчала, потому что музыка перестала играть и вперёд вышел Мартин.

— Добро пожаловать, господин мэр! Мы все с радостью приветствуем вас! — сказал он.

К Мартину подошёл Мортен.

На нём был папин синий костюм, брюки он закатал почти до колен, рукава до локтей, пиджак чуть не доставал до земли. В руках Мортен держал свой маленький барабан.

— Ты забыл оставить барабан, — шепнул ему Мартин. — Пусть его кто-нибудь подержит, пока ты говоришь речь.

— Я не хочу говорить речь, — прошептал Мортен.

— Так нельзя, господин мэр. Возьмите себя в руки.

Мортен оглянулся с несчастным видом. Хорошо бы сейчас спрятаться за бабушку! Мортен посмотрел на неё.

Бабушка не спускала с него глаз. Чтобы подбодрить Мортена, она махнула ему рукой и крикнула:

— Да здравствует наш мэр!

И это помогло. Так бывает в игре: если бабушка считает, что Мортен — поезд, значит, Мортен действительно поезд. Если она считает, что он лошадь, значит, он лошадь. И если теперь бабушка считает, что он мэр, значит, он мэр!

— Тише! — крикнул Мортен, хотя все и так стояли тихо. — Дамы и господа! — продолжал он. — Это очень хорошая дорога, но мы не хотим, чтобы ей дали плохое имя, поэтому мы открываем её сегодня, а то завтра будет уже поздно... Дорогая дорога, мы назовём тебя *Бабушкина дорога*!

Мартин бросил на дорогу старый башмак, а Мортен взял ножницы, подошёл к ленточке и перерезал её. В ту же минуту грянула музыка. Оркестр играл очень громко. Впереди шёл Мортен и изо всех сил бил в свой барабан.

Когда дети и бабушка явились домой, они застали маму за мытьём посуды, а папу — в качалке. Всё было как перед их уходом.

— Что-то ты сегодня долго моешь посуду, — сказала бабушка маме.

— Да, вымыть посуду — это не то что открыть дорогу, — ответила мама.

— Что, что? — растерялась бабушка.

— Я говорю, что никак не могу отчистить этот чугун, — спокойно сказала мама.

Она думала, что уж теперь-то дети расскажут ей о том, как они открывали дорогу, но дети молчали. И это означало, что их затея ещё не кончена. Правда, мама была уверена, что сегодня они уже ничего не предпримут, потому что она велела им ложиться спать. Дети легли, и в домике в лесу сразу воцарилась тишина.

А дети из Тириллтопена, разойдясь по домам, рассказали всем, что они присутствовали на открытии новой дороги, которую называли *Бабушкина дорога*. Ещё до наступления вечера весь посёлок Тириллтопен знал, что новое шоссе будет называться *Бабушкина дорога*. Название понравилось всем — и взрослым и детям.

Но больше всего название понравилось самой дороге. Она лежала среди леса нарядная, покрытая новеньким асфальтом, и размышляла о своём будущем.

Рано утром рабочие в последний раз проехали по дороге на катке, протянули через неё новую

ленточку, и дорога приготовилась к новому открытию.

В тот день всех школьников Тириллопена освободили от занятий, чтобы они могли присутствовать на открытии. Собралось очень много народу. Играли два духовых оркестра. Прибыл мэр и весь муниципалитет. Мэр произнёс речь, совсем такую, как накануне Мортен.

Потом мэр снял покрывало, которое висело на столбике, и все увидели, что к нему прибита дощечка, на которой написано: *Сосновое шоссе*, а внизу большими красными буквами кто-то приписал: *или Бабушкина дорога*.

Мэр громко прочёл оба названия, все засмеялись и громко захлопали в ладоши. Потом он торжественно перерезал ленточку, и собравшиеся пошли по новой дороге.

Пройдя немного, они увидели на дороге старую женщину в белом платочке, чёрной юбке и тяжёлых ботинках. Заметив идущую навстречу процессию, женщина остановилась на секунду, а потом скрылась в лесу.

— Кто это? — удивился мэр. — Мне показалось, что я только что видел здесь старую женщину!

— Это бабушка! — хором закричали все дети, которые бежали рядом с ним. — Она вышла прогуляться по своей дороге!

— А-а-а, понимаю, — медленно сказал мэр. Он только теперь понял, откуда взялось у дороги второе название!

Но хотя оно и было второе, оно стало главным, потому что с тех пор все люди называли новое шоссе *Бабушкина дорога*.

Ну, а теперь нам пришло время расстаться с папой, мамой, бабушкой, восемью детьми, грузовиком, Самоварной Трубой, коровой Розой и маленьким домиком в лесу. Но может быть, мы когда-нибудь ещё с ними встретимся.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАПА, МАМА, БАБУШКА И ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ В ЛЕСУ	3
Мортен делает открытие	3
Сквозняк.....	5
Дети идут в новую школу	7
Мадс находит друга	10
Мона обижена	13
Мама считает ворон	16
Бабушка воюет с разбойниками	19
Голодные печи.....	22
Белочка.....	25
Восемь маленьких крестьян.....	28
Папа и грузовик грустят.....	32
КАНИКУЛЫ В ХЛЕВУ	35
Мечты.....	35
Самоварной Трубе шьют спальный мешок	38
Все едут в горы.....	40
Бабушкины горы	43
Дальняя прогулка	45
Норвежская горная фея	48
Стадо в буране.....	51
МАЛЕНЬКИЙ ПОДАРОК АНТОНА.....	55
Праздник и гость	55
Лошадка в лесу.....	59
Мать Антона	62
Рождество	65
Маленький подарок Антона.....	68
Папа лечит детей.....	72
Грузовик трудится для Розы	75
Папа ведет себя загадочно	77
БАБУШКИНА ДОРОГА.....	80
Розины пастухи	80
Двое попадают в плен.....	85
Милли, Мина и медведь	90

Марта и Мортен	95
«Папа, ты ничего не забыл?»	100
Что-то непременно должно случиться.....	105

Анне-Катерине Вестли «Папа, мама, бабушка и восемь детей в лесу». Повести. Перевод с норвежского Л. Горлиной. Иллюстрации Б. Маркевича. — М.: Детская литература, 1965, 238 стр. Формат 60×84/16. Тираж 50.000 экз. Для младшего школьного возраста.

Anne-Cath. Vestly, «Mormor og de ette ungene i skogen», 1958-1996

OCR: Кира Кононович (Карина Никитская) специально для проекта книгидетства.рф, 2007.